

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»

На правах рукописи

КОРЗУН АННА ВИКТОРОВНА

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ И ЛИНГВОСИНЕРГЕТИКИ
(на материале цикла романов «Дающий. Квадрология» Лойс Лоури)**

Специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор А. С. Самигуллина

Уфа – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	15
1.1. Лингвоэкология: история вопроса	15
1.1.1. Объект, предмет и задачи лингвоэкологии	20
1.1.2. Подходы, основные направления и перспективы лингвоэкологии ...	26
1.2. Эмотивный аспект лингвоэкологии	30
1.2.1. Взаимосвязь между «эмотивностью» и «экологичностью»	35
1.2.2. Разграничение понятий «эмотивность» и «эмоциональность»	41
1.3. Экологичность коммуникации и культура речи.....	47
1.3.1. Параметры экологичности коммуникации	50
1.3.2. Проблемы определения параметров экологичности коммуникации	55
Выводы по Главе 1	61
ГЛАВА 2. ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА	64
2.1. Лингвосинергетика: исторический аспект	64
2.1.1. Интеграция синергетики в гуманитарные науки	69
2.1.2. Основные принципы и методологическая база синергетики	72
2.2. Дискурс как объект исследований	80
2.2.1. Разграничение понятий «дискурс» и «текст»	85
2.2.2. Художественный дискурс и его особенности	88
2.3. Художественный дискурс как система	92
2.3.1. Синергетическая теория фракталов	96
2.3.2. Фрактальная организация художественного дискурса	100
Выводы по Главе 2	105
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧНОСТИ КОММУНИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА	109

3.1. Особенности художественного жанра антиутопии. Специфика дискурса Л. Лоури	109
3.2. Методология эмпирического анализа	114
3.3. Анализ экологичности / неэкологичности КЭС с применением методов фрактального моделирования	117
3.3.1. Позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация	117
3.3.2. Негативная информация и ее негативная языковая репрезентация	137
3.3.3. Позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация	158
3.3.4. Негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация	178
Выводы по Главе 3	198
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	205
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	209
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ	240
СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ	241
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	242
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	260

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено изучению особенностей экологичности / неэкологичности коммуникации в современном англоязычном художественном дискурсе жанра антиутопии с позиций эколингвистики и лингвосинергетики.

За последние десятилетия в отечественном и зарубежном языкознании появились и получили стремительное развитие несколько различных направлений, каждое из которых по-своему обогатило лингвистику новыми категориями, понятийным аппаратом, методологией и позволило взглянуть под другим углом на некоторые уже знакомые понятия и явления. Одним из таких направлений является эколингвистика и ее подотрасль – эмотивная лингвоэкология, которые возникли на базе лингвистики и экологии, что позволило экстраполировать методологию экологических наук на изучение языковых явлений. Второе направление – лингвосинергетика – также сочетает в себе понятийный аппарат и методы исследования естественно-научных дисциплин, успешно адаптируя их для нужд гуманитарных наук и активно применяя для решения задач, связанных с изучением языка. Особый интерес в рамках данной работы вызывает попытка совместить эти два направления для более подробного и глубокого изучения экологичности коммуникации на примере англоязычного художественного дискурса.

Художественный дискурс представляет собой весьма сложное языковое явление, совмещающее в себе разные уровни и системы языка, что делает его хорошей материальной базой для исследования. Во-первых, именно художественный дискурс, по мнению некоторых ученых, является наиболее приближенным к реальному бытовому общению, что позволяет говорить о его экологичности / неэкологичности через призму эколингвистики. Во-вторых, вариативность его интерпретации читателем делает систему художественного дискурса открытой, нелинейной и динамичной, что обуславливает целесообразность применения лингвосинергетического подхода к его изучению.

Таким образом, центром данного исследования является синтез методик двух актуальных современных лингвистических направлений: эмотивной лингвоэкологии и лингвосинергетики, что открывает возможности для более глубокого и всестороннего исследования особенностей экологичной или неэкологичной коммуникации, а также для построения моделей ее развития на примере англоязычного художественного дискурса антиутопического жанра.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения экологичности общения, так как это является залогом достижения коммуникативных целей как говорящего, так и слушающего, а также междисциплинарным подходом к рассмотрению коммуникации, поскольку в работе впервые экологичность общения анализируется через призму лингвосинергетики, в частности с помощью метода фрактального моделирования коммуникативно-эмоциональных ситуаций (КЭС здесь и далее) для более полного их осмысления.

В основу данного исследования положена **рабочая гипотеза** о том, что экологичные и неэкологичные коммуникативно-эмоциональные ситуации устанавливаются согласно определению и параметрам экологичности общения и развиваются в соответствии с базовыми принципами фрактальной геометрии, при этом разным типам КЭС характерны разные фрактальные модели.

Объектом исследования выступают экологичные / неэкологичные коммуникативно-эмоциональные ситуации из современного англоязычного художественного дискурса жанра антиутопии, развивающиеся по одной из четырех фрактальных моделей, а именно «концентрические круги», «спираль», «древо» и «ризомы».

Предметом исследования является экологичность / неэкологичность коммуникативно-эмоциональных ситуаций с точки зрения их соответствия определению и параметрам экологичности общения с последующим построением фрактальной модели, по которой развивается смысл коммуникации в экологичных / неэкологичных КЭС.

Материалом для эмпирического анализа в работе послужил цикл романов «Дающий. Квадрология» («The Giver Quartet») современной американской писательницы Лойс Лоури, написанный в жанре антиутопии и включающий четыре произведения: «Дающий» («The Giver»), 1993; «В поисках синего» («Gathering Blue»), 2000; «Вестник» («Messenger»), 2004; «Сын» («Son»), 2012. Для исследования методом сплошной выборки отобраны 40 КЭС, представляющих собой примеры экологичного / неэкологичного общения с яркой эмоциональной окраской. Романы квадрологии удостоены различных премий и наград, а также были экранизированы, что говорит об их культурной значимости и обуславливает выбор данного цикла в качестве эмпирического материала.

Цель исследования заключается в создании рабочей модели анализа для определения экологичности / неэкологичности коммуникации согласно определению экологичного общения и в соответствии с параметрами экологичности, а также в моделировании развития смысла экологичного / неэкологичного общения с применением техник фрактальной геометрии и приемов лингвосинергетического описания.

Цель работы предполагает решение следующих **задач**:

- 1) изучение специфики, основных категорий и понятийного аппарата эмотивной лингвоэкологии;
- 2) рассмотрение и разграничение понятий «эмотивность» и «эмоциональность»;
- 3) определение признаков экологичности / неэкологичности коммуникации и описание связанных с этим вопросом трудностей;
- 4) выявление специфики категориального и методологического аппарата синергетики в языкознании;
- 5) разграничение понятий «дискурс» и «текст», а также определение понятия «художественный дискурс»;
- 6) описание методологии фрактального моделирования и его адаптация для изучения развития смысла коммуникации;

- 7) анализ экологичности / неэкологичности общения в коммуникативно-эмоциональных ситуациях с построением их фрактальных моделей.

Теоретической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области

- 1) лингвоэкологии (А. А. Бернацкая, Я. А. Волкова, Н. В. Дрожащих, Е. В. Иванова, С. В. Ионова, А. В. Кравченко, Г. Г. Молчанова, Н. Н. Панченко, А. А. Полухин, Е. М. Пылаева, А. П. Сковородников, Н. Г. Солодовникова, О. Д. Тарасова, В. И. Шаховский, А. А. Штеба, A. Fill, E. Naugen, S. V. Steffensen и др.);
- 2) синергетики (В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, В. Э. Войцехович, А. В. Волошинов, Ю. А. Данилов, Н. В. Дрожащих, Б. Б. Кадомцев, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, Б. Мандельброт, Л. А. Масионжник, И. Р. Пригожин, В. В. Тарасенко, Г. Хакен, Д. С. Чернавский и др.);
- 3) синергетической лингвистики и лингвосинергетики (Н. Ф. Алефиренко, В. Г. Борботько, Л. В. Бронник, И. А. Герман, С. К. Гураль, Г. Г. Москальчук, И. Ю. Моисеева, Н. С. Олизько, Р. Г. Пиотровский, В. А. Пищальникова, Е. В. Пономаренко, А. С. Самигуллина и др.);
- 4) теории фракталов и фрактального моделирования (Н. Н. Белозерова, А. В. Волошинов, Д. С. Жуков, С. К. Лямин, Н. В. Мамонова, Б. Мандельброт, Н. С. Олизько, С. Н. Плотникова, В. В. Тарасенко, Д. Заупе, Х-О. Пайтген, Х. Юргенс, Е. Федер и др.);
- 5) теории текста и дискурса (О. В. Александрова, Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, И. Р. Гальперин, Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, Ю. Кристева, Е. С. Кубрякова, Ю. М. Лотман, М. Л. Макаров, С. Н. Плотникова, О. Г. Ревзина, Ю. С. Степанов, М. Фуко, В. Е. Чернявская и др.).

Методологической базой данного исследования являются труды В. И. Шаховского по эмотиологии и эмотивной лингвоэкологии, в которых ученый рассуждает о важности экологичного общения не только для сохранения языка, но и для поддержания здоровья человека и окружающей его среды. При этом важная

роль отводится эмоциям как основным средствам выражения человеческих мыслей и чувств. В. И. Шаховский первым начал активно заниматься изучением эмоций через призму лингвоэкологии. Значимыми также являются признаки экологичности коммуникации, выделенные Н. Г. Солодовниковой, ученицей В. И. Шаховского. На них, а также на классификации типов языковой информации и ее языковой репрезентации В. И. Шаховского строится практическая часть данной работы.

Синергетика и далее лингвосинергетика получили свое стремительное развитие в конце XX – начале XXI вв. как дисциплины, занимающиеся изучением процессов самоорганизации сложных систем, одной из которых является язык и, следовательно, некоторые его категории. Это сделало возможным интегрировать в работу синергетические методы исследования, в частности метод фрактального моделирования. Рассмотрение фрактала как общенаучного понятия, применимого в различных дисциплинах, позволяет использовать его для описания сложных лингвистических систем и явлений. Для практического анализа в данной работе используются фрактальные модели: «концентрические круги», «спираль», «дерево» и «ризомы».

Специфика поставленных целей и задач определила использование комплексного методологического подхода, включающего в себя следующие **методы и техники:**

- 1) общенаучные методы: наблюдение, описание, анализ, синтез, обобщение и систематизация;
- 2) частные методы языкознания: анализ словарных дефиниций, позволяющий определить оценочный знак используемых в тексте эмотивов; техника фрактального моделирования, применяемая для наглядной иллюстрации этапов самоорганизации КЭС; метод количественных подсчетов, используемый для большей репрезентативности и доказательности выводов; метод контекстуального анализа, а также метод лингвостилистической интерпретации, которые

помогают более глубоко и всесторонне рассмотреть ситуацию, в которой происходит анализируемый акт коммуникации.

Научная новизна работы заключается

- 1) в применении системного лингвоэкологического и лингвосинергетического описания англоязычного художественного дискурса жанра антиутопии и в переосмыслении критериев экологичности / неэкологичности общения на основе авторского определения, а также параметров экологичности коммуникации;
- 2) в использовании нового языкового материала, на основе которого осуществляется фрактальное моделирование самоорганизации КЭС;
- 3) в научном обосновании и применении на практике авторской методики анализа экологичности / неэкологичности коммуникации с применением практик лингвосинергетики.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в работе предлагается комплексная лингвоэкологическая и лингвосинергетическая трактовка художественного дискурса на материале английского языка. При этом осмысление актов коммуникации как самоорганизующихся систем, развивающихся согласно синергетическим принципам, способствует расширению понимания теоретических и прикладных аспектов как текста, так и дискурса. Описание динамики функционирования КЭС художественного дискурса при помощи фрактальных моделей развивает идеи лингвосинергетики, а также расширяет границы ее практического применения в языкознании. Также в исследовании разрабатывается поэтапный план анализа коммуникации с точки зрения ее экологичности / неэкологичности не только на основе определения, но и с применением анализа параметров экологичности общения. Кроме того, выявляется необходимость и исследовательские возможности междисциплинарного подхода в изучении как дискурса, так и экологичности коммуникации.

Практическая ценность исследования определяется возможностью использования его теоретических положений, практических результатов и

апробированной процедуры анализа в разработке лекционных курсов и на семинарских занятиях по общему языкознанию, теории языка, теории текста и дискурса, лексикологии и стилистике английского языка, эмотивной лингвоэкологии, лингвосинергетике, интерпретации художественного произведения, межкультурной коммуникации, а также при подготовке учебников и учебных пособий по этим дисциплинам. Материалы работы могут найти применение в исследовательской практике для дальнейшего развития идей экологичности / неэкологичности коммуникации, фрактальности дискурса, для оптимизации, адаптации и усовершенствования методик речевого воздействия и техник манипулирования в различных видах дискурса.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Экологичность / неэкологичность коммуникативно-эмоциональных ситуаций зависит от соотношения типа информации (позитивная / негативная) и ее языковой репрезентации (позитивная / негативная). При этом положительная информация, транслируемая коммуникантами, не является залогом экологичности общения, поскольку бóльшую роль играет оценочный знак используемых языковых средств выражения. Чем позитивнее язык общения, тем он более экологичен.
- 2) Для установления экологичности / неэкологичности коммуникации следует опираться не только на определение экологичного общения, но и на параметры экологичности. С точки зрения внутренней (содержательной) стороны, среди критериев определения экологичности особое значение имеет реакция слушающего на получаемую информацию; среди параметров экологичности – этичность.
- 3) Художественный дискурс имеет динамическую природу и представляет собой сложную, открытую, нелинейную, иерархичную систему. КЭС, анализируемые в данной работе, в процессе своего развития от порядка к хаосу и снова к порядку преодолевают те же стадии, что и любая синергетическая система. Соответственно, лингвосинергетические особенности самоорганизации англоязычного художественного дискурса

в целом и КЭС в частности возможно реализовать и представить в виде фрактальных моделей: «концентрические круги», «спираль», «древо» и «ризома».

- 4) Большинство экологических КЭС из англоязычного художественного дискурса жанра антиутопии развиваются по фрактальной модели «концентрические круги», что символизирует плавность и постепенность раскрытия смысла с поступательным приращением смысловых элементов, способствующих полному пониманию акта коммуникации и установлению его статуса как экологического.
- 5) Неэкологичные КЭС, отобранные из англоязычного художественного дискурса антиутопического жанра, преимущественно развиваются по фракталу «ризома», для которого характерно хаотичное, «рваное», разнонаправленное развитие смысла с постоянным перебиванием, повторением сказанного, «перескакиванием» на другие темы и уходом от основной мысли коммуникации.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендована к защите: данное диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки):

- Текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран.
- Методы исследования языковых единиц и категорий.
- Исследование уровневой или культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний.

Апробация основных теоретических обобщений и результатов диссертационного исследования осуществлялась в виде статей и докладов на следующих всероссийских и международных конференциях:

- VII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (г. Уфа, 2022 г.);

- XI Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (г. Уфа, 2022 г.);
- VI Международная научно-практическая конференция «Новый мир. Новый язык. Новое мышление» (г. Москва, 2023 г.);
- XII Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (г. Уфа, 2023 г.);
- VI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 85-летию ФРГФ «Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве» (г. Уфа, 2023 г.);
- XII Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (г. Челябинск, 2024 г.);
- VIII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 15-летию кафедры лингводидактики и переводоведения ВШЗФЛиП ИГСН УУНиТ «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (г. Уфа, 2024 г.).

Всего по теме диссертации опубликовано 11 работ, из них 4 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, а именно: 2 статьи в журнале «Мир науки, культуры, образования» (г. Горно-Алтайск, 2022 г.); 1 статья в журнале «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (г. Тамбов, 2023 г.); 1 статья в журнале «Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова» (г. Нижний Новгород, 2023 г.).

Структура и объем работы определены поставленной целью и задачами исследования. Диссертация объемом 267 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 295 источников на русском и

английском языке, списка словарей и справочников, списка художественных источников, а также двух приложений.

Во **Введении** определяется общее направление исследования; описываются его цель и задачи; дается обоснование актуальности работы; определяются ее научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность; дается описание теоретико-методологической базы и эмпирического материала исследования. Также введение содержит рабочую гипотезу и положения, выносимые на защиту; информацию об апробации основных результатов исследования; описание структуры работы и информацию о соответствии данного исследования паспорту специальности.

В **Первой главе «Эмотивная лингвоэкология как новое направление в современной лингвистике»** описываются предпосылки возникновения и история становления эмотивной лингвоэкологии, обосновывается актуальность данного направления, а также представляются его основные подотрасли и перспективы их применения и развития. В рамках данной главы подробно рассматривается эмотивный аспект лингвоэкологии, а именно взаимосвязь «эмотивности» и «экологичности», уточняется разница между терминами «эмотивность» и «эмоциональность». Кроме того, раскрывается понятие экологичности / неэкологичности коммуникации, описываются параметры и признаки экологичного общения, перечисляются трудности в определении параметров экологичности коммуникации.

Во **Второй главе «Лингвосинергетическая модель организации художественного дискурса»** рассмотрению подвергается категориальный аппарат синергетики, определяются ее основные понятия и базовые установки, описываются принципы применения методологии синергетики в области лингвистического знания. Также проводится обзор исследований дискурса, разграничиваются понятия «дискурс» и «текст», уточняется содержание термина «художественный дискурс» и затрагивается вопрос о его особенностях, обосновывается целесообразность его использования в качестве эмпирического материала. Кроме того, дается определение термина «фрактал», определяются

признаки фрактальности, рассматриваются фрактальные модели самоорганизации систем, обосновывается возможность фрактального моделирования КЭС из англоязычного художественного дискурса.

В Третьей главе «Эмпирический анализ экологичности коммуникации англоязычного художественного дискурса» осуществляется анализ экологичности / неэкологичности коммуникации на основании определения экологичного общения и параметров экологичности с дальнейшим применением фрактального моделирования для описания развития смысла в КЭС на примере англоязычного художественного дискурса. Самоорганизация КЭС представлена при помощи фрактальных моделей: «концентрические круги», «спираль», «дерево» и «ризом».

В Заключении обобщаются основные результаты исследования, делаются выводы об особенностях в определении экологичности / неэкологичности коммуникации и его развития согласно лингвосинергетическим принципам, а также прогнозируется перспектива дальнейших исследований, открывающая возможности для более системного и комплексного изучения как самого художественного дискурса через призму эмотивной лингвоэкологии, так и его организации с учетом лингвосинергетических особенностей и принципов фрактального моделирования.

ГЛАВА 1. ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Лингвоэкология: история вопроса

Языкознание, как и наука в целом, характеризуется сменой научных парадигм, поскольку при изучении языка на протяжении всей истории существования лингвистики как отдельного научного направления во главу угла ставились разные концепты, категории и аспекты языковой системы. В трудах ученых-лингвистов описывается последовательная смена трех лингвистических парадигм в языкознании последних двух столетий: сравнительно-историческая, системно-структурная и когнитивная (антропоцентрическая) [Кравченко, 2022, с. 11].

Сравнительно-историческая парадигма (XVIII – конец XIX вв.) основывалась на историко-генетическом родстве языков: составлялись классификации языков по различным признакам, осуществлялись попытки выявления и описания единого праязыка и т.п. Следует отметить, что язык здесь рассматривался как некий живой организм, так как данная парадигма была во многом «вдохновлена» господствующей в то время эволюционной теорией английского ученого-натуралиста Чарльза Дарвина (Charles Darwin), а также идеями немецкого лингвиста, основоположника натуралистического направления в лингвистике Августа Шлейхера (August Schleicher), благодаря которому в языкознание прочно вошли такие понятия, как языковая семья, родственные языки, эволюция языка и т.д. [Там же]. Однако, в рамках сравнительно-исторической парадигмы язык изучался «сам по себе», т.е. в отрыве от человека и общества, говорящего на нем. Кроме того, ученые не обращали должного внимания на различия между речью (как естественным биологическим феноменом) и письмом (как искусственной культурно-обусловленной знаковой системой), поэтому данный подход впоследствии подвергся серьезному переосмыслению. Так, на рубеже XIX – XX вв.

в языкознании наступил этап кризиса [Алпатов, 2020], который сменился новой парадигмой – системно-структурной или структуралистской.

Структуралистский подход (первая половина XX в.), в отличие от сравнительно-исторического, рассматривал язык как «системно-структурное образование» [Солнцев, 1971]. Эта парадигма своим возникновением и распространением во многом обязана трудам швейцарского лингвиста, основоположника семиологии Фердинанда де Соссюра (Ferdinand de Saussure), основные максимы которого можно свести к следующим: 1) язык воспринимается как система знаков; 2) языковой знак – это единство формы и содержания; 3) языковые знаки являются произвольными, конвенциональными и служат коммуникации; 4) коммуникация – это обмен значениями; 5) язык следует изучать «в себе и для себя». Центральным понятием структуралистской парадигмы стала двусторонняя сущность языкового знака (означаемое и означающее) [Соссюр, 1999, с. 101].

Несмотря на то, что Ф. де Соссюр указывал на различия между языком, речью и письмом, изучение языка большинством структуралистов сводилось к его описанию и анализу с формальной, внешней стороны, что вновь отрывало язык от человека и от тех динамических процессов, происходящих в обществе, которые, несомненно, оказывают на язык и его развитие непосредственное влияние [Кравченко, 2022, с. 13]. Хотя идеи и методология структуралистского подхода оказали огромное влияние как на языкознание, так и на все гуманитарные науки, к концу XX в. эта парадигма уступила место следующей – когнитивной.

Основоположником когнитивной (или «интерналистской») лингвистики (вторая половина XX в.) по праву можно считать американского лингвиста Ноама Хомского (Noam Chomsky), который, наряду с другими учеными, считал язык «ментальным органом» [Anderson, Lightfoot, 2002]. С точки зрения интерналистов, язык находится, как и сознание, в голове и является системой представления знаний в процессе коммуникации [Culicover, 2005].

Когнитивный подход можно считать междисциплинарным для научной мысли, так как он объединил множество направлений: языкознание, антропологию,

философию, социологию, психологию и др. – в попытке постичь работу человеческого разума [Кравченко, 2022, с. 16]. Поскольку подход рассматривает язык в непосредственной связи с человеком и сознанием, его стали называть антропоцентрическим (или человекоцентрическим).

Идеи антропоцентризма красной нитью пронизывают всю историю развития научной мысли, многие ученые выделяют различные его этапы. По мнению В. И. Самохваловой, история антропоцентризма, подобно периодам человеческой жизни, развивалась, постепенно переходя от одной стадии к другой [Самохвалова, 1992, с. 162], но не ослабевала, несмотря на существенный пересмотр значимости человека в разные исторические периоды: «...антропоцентризм, имеющий в своем арсенале такие привлекательные лозунги, как “все во имя человека”, “все для блага человека” и т. п., не хотел сдавать свои позиции, и его содержание перестраивалось, трансформировалось, представая в соответствующих времени обликах» [Там же].

Рубеж XX – XXI вв. ознаменовался повышением интереса к антропоцентрической парадигме: «мироздание понимается как динамическая система «атомарных фактов», разворачивающихся вокруг человека» [Телия, 1988, с. 3]. Результатом стало возникновение некоторых западных концепций (философская антропология, персонализм, экзистенциализм и др.), а также синтез различных наук и научных направлений, когда язык изучается в его связи с человеческой деятельностью и сознанием (психолингвистика, социолингвистика и др.) [Шляхов, 2011]. По мнению Е. С. Кубряковой, человек, будучи вовлеченным в научный анализ, определяет его перспективы и конечные цели, становясь некой точкой отсчета и обосновывая выбор научных объектов практической значимостью для себя [Кубрякова, 1995, с. 212]. В. С. Степин вводит в научное лингвистическое описание «человекоразмерные» объекты: человек включен в них в качестве одного из компонентов [Мельникова, 2021, с. 13].

Однако, несмотря на кажущуюся универсальность и обоснованность антропоцентризма, не все ученые согласны с его исключительно положительным влиянием на развитие научной мысли. Н. Г. Холодный пишет: «Антропоцентризм в различных его формах в течение веков пронизывал растущий и развивающийся

“организм” науки и философии, образуя в нем многочисленные метастазы и давая начало все новым заблуждениям исследующей мысли» [Холодный, 1982, с. 176]. Кроме того, стремительное развитие научно-технического прогресса привело к появлению нового вида антропоцентризма – «антиэкологического», поскольку человек начал ставить себя выше природы, а также выше законов, царящих в ней [Самигуллина, Корзун, 2023, с. 1497]. Наряду с глобальными экологическими проблемами, ставящими под угрозу благополучие человека, это спровоцировало в 70-е гг. XX в. возникновение новой идеологии – «экоцентризма» (или «биоцентризма»), где человек – не венец природы, а один из компонентов природного сообщества. «Природное при этом признается как самоценное, имеющее право на существование независимо от полезности, бесполезности или вредности для человека» [Вершков, 2014, с. 4]. М. В. Гусев замечает: «Все сказанное ни в коей мере не означает, что нельзя любить и защищать самого человека. Но прежде всего человек должен защищать биосферу, и это обернется его собственной долговременной, а не сиюминутной выгодой. Это и есть искомая альтернатива антропоцентризму – биоцентризм» [Гусев, 1992, с. 72]. Так в сознании людей происходит плавный переход от потребительского отношения к природе к партнерскому и даже протекционному отношению. А. А. Полухин называет «экологизацию» человеческого сознания закономерным процессом сознательной подстройки поведения человека под законы биосферы [Полухин, 2009].

Экология – дисциплина, которая ищет объяснения для многообразных явлений на разных уровнях, что делает возможным ее интеграцию с другими научными дисциплинами. Как следствие, экология вобрала в себя «некоторые аспекты многих наук, например, физики, химии, математики, оперирования с вычислительной техникой, географии, климатологии, геологии, океанографии, экономики, социологии, психологии и антропологии» [Пианка, 1981, с. 11]. Современная трактовка определяет экологию «как проблемно ориентированную систему междисциплинарных знаний, <...> позволяющую подойти к анализу

экологических проблем с позиций, отвечающих современному уровню развития системы знаний и техники» [Гордиенко и др., 2014, с. 8].

Постепенно в науке происходит расширение понятий «экология» и «биосфера». В языкознании окружающая среда понимается как культурно-нравственная и языковая среда. Например, Д. С. Лихачев не сводил экологию исключительно к вопросам сохранения биологической среды: «Если природа обеспечивает человеку биологическое существование, то культурная среда необходима для его духовной, нравственной жизни» [Лихачев, 1979].

Культурная и языковая среда не менее важна для человека, чем биологическая, так как в культурной среде человек живет, работает, а через языковую – взаимодействует с обществом и окружающим миром. Важно заботиться и сохранять все среды для выживания и благополучной жизнедеятельности человека как биологического вида. Этим обстоятельством объясняется сближение лингвистики и экологии, предпосылки чему можно найти в работах немецкого филолога-языковеда Вильгельма фон Гумбольдта (Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt) по сравнительной лингвистике, в которых он рассматривал взаимосвязь человека, языка и внешнего мира: «Весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне» [Гумбольдт, 2001, с. 80]. Позднее американский лингвист Эдуард Сепир (Edward Sapir) применил экологическое понятие «среда» для обозначения совокупности физических и социальных факторов, служащих окружающей средой любого общества [Sapir, 2006, с. 2].

Языкознание, как и экология, на определенном этапе своего развития также начало стремиться к междисциплинарности. Л. А. Козлова отмечает, что «созрела необходимость перехода от “как лингвистики”, т.е. описательной лингвистики, к “почему лингвистике”, т.е. объяснительной лингвистике, перехода от внутренней лингвистики к т.н. внешней лингвистике, привлекающей для объяснения внутреннего строения языка знания из других наук, а для ответа на эти “почему” лингвистика должна обращаться к данным других наук, и именно поэтому она сегодня все больше и больше ориентируется на трансдисциплинарный подход»

[Козлова, 2020, с. 14]. Исходя из вышесказанного, многие ученые считают вполне логичным и закономерным процесс слияния терминологии и методологии различных наук, поскольку это дает дополнительные возможности для достижения смежных целей и решения схожих задач [Молчанова, 2016, с. 48].

Таким образом, в истории лингвистики последних двух столетий можно выделить различные парадигмы, господствующие в тот или иной период времени: сравнительно-историческая парадигма (в центре изучения были языки в их связи друг с другом и единым праязыком), системно-структурная (занимающаяся изучением языка с внешней стороны, т.е. с точки зрения формы, а не содержания) и когнитивная (ставящая во главу угла связь языка с мыслительными процессами в мозге человека). При этом последнюю парадигму часто называют антропоцентрической, поскольку она занимается изучением языка без отрыва от человека, использующего его.

В последние десятилетия XX в. происходит сдвиг в общественном сознании от идей антропоцентризма к экоцентризму. Связано это с ухудшающейся экологической ситуацией в мире и осознанием необходимости защищать и сохранять среду обитания. Поскольку человек взаимодействует с окружающим миром через язык, невозможно игнорировать взаимовлияние человека и среды обитания, причем не только и не столько биологической, сколько культурно-языковой, которая является неотъемлемой частью человеческой жизнедеятельности. Это послужило предпосылкой для сближения различных научных областей, в частности экологии и лингвистики [Корзун, 2022, с. 15]. Так зародилось новое направление языкознания – лингвоэкология. Далее в работе более подробно рассматриваются особенности данного научного направления.

1.1.1. Объект, предмет и задачи лингвоэкологии

Еще в XVIII в. некоторые ученые (вслед за А. Шлейхером) начали рассматривать язык как «живой организм», который развивается согласно общим законам эволюции. Большое влияние на это оказали растущая популярность

эволюционной теории Ч. Дарвина и труды немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля (Ernst Haeckel), с именем которого связывают возникновение термина «экология» и выделение ее в отдельное научное направление. Минус данного подхода заключается в том, что язык рассматривается в отрыве от общества, в результате подобный взгляд на язык подвергся существенному переосмыслению.

Н. Г. Солодовникова отмечает, что современную научную парадигму можно охарактеризовать стремлением к экологизации: «Это означает распространение идей и терминопонятий первоначально исключительно биологической экологии как науки об охране окружающей среды (по Э. Геккелю) на другие естественно-научные и даже гуманитарные науки» [Солодовникова, 2013, с. 43].

Термин «экология» был впервые применен к языку в 1970-х гг. американским лингвистом Эйнарсом Хаугеном (Einar Haugen) в докладе «Экология языка», в котором ученый описывает взаимоотношения между языком и его окружением, понимая под «окружением» «общество, использующее язык как один из своих кодов» [Haugen, 1972]. По Э. Хаугену, язык существует исключительно в сознании тех, кто его использует, при этом его функция заключается в установлении отношений пользователей языка друг к другу и к природе, т.е. к их социальной и естественной среде [Haugen, 2006, с. 62]. Э. Хауген использует термин «экология языка» («Ecology of Language») в социо- и психолингвистических аспектах: по аналогии с природой, где все живое находится в постоянном взаимодействии и взаимозависимости, язык сам влияет и в то же время подвергается влиянию внешней (окружающей) среды [Трошина, 2020, с. 9]. Вслед за Э. Хаугеном, австрийский эколлингвист Алвин Филл (Alwin Fill) уточняет понятие «окружающая среда» по отношению к языку – это совокупность социально-психологических обстоятельств существования языков и диалектов, определяющая статус и ценность языка для его носителей [Fill, 1995, с. 63].

Иное понимание проблематики экологии языка характерно для работ американского лингвиста Дуайта Болинжера (Dwight Bolinger): язык формирует сознание и мышление человека, которые, в свою очередь, направляют его действия (в этой связи язык представляет собой серьезное оружие, которое может быть

использовано в том числе в манипуляционных целях) [Bolinger, 1980, с. 182]. Подобные идеи можно встретить у В. И. Вернадского, который считал, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира [Вернадский, 2007]. Ученый постулирует неразрывность языка (языковой среды) от жизнедеятельности человека, а также необходимость усилий для сохранения языковой среды. Об этом пишет и А. В. Кравченко: «Языковая деятельность и продукты этой деятельности (т.е. все, что охватывается понятием «культура») следует рассматривать как характерную для нашего вида динамическую реляционную среду, создаваемую языковыми взаимодействиями: без и вне этой среды невозможно нормальное развитие человека» [Кравченко, 2022, с. 24-25].

Таким образом, в XX в. назрела необходимость создания такой науки, которая объединила бы в себе важнейшие идеи и постулаты экологии (как науки о взаимодействии видов) и лингвистики (как науки о языке). На базе двух дисциплин возникла эколингвистика (или лингвоэкология), которую в широком смысле можно определить как науку, занимающуюся изучением (языковой) среды человека и взаимоотношений между ними.

Экологический подход к изучению языка основывается на том, что язык является для его носителя идеальной естественной средой, которая, однако, не может оставаться неизменной вследствие влияния на нее носителя языка [Шаховский, Штеба, 2013, с. 8]. Различные условия коммуникации и их изменения воздействуют на язык либо положительно (стимулируют развитие и обогащение), либо отрицательно (провоцируют обеднение и упрощение) [Казарян, 2005]. Отсюда возникает осознание важности «защиты» языка. Так, например, А. П. Сковородников определяет предмет изучения лингвоэкологии как «исследование проблем языковой и речевой деградации (факторов, негативно влияющих на функционирование и развитие языка), с одной стороны, и проблем языковой и речевой реабилитации (путей и способов обогащения языка и совершенствования общественно-речевой практики), с другой» [Сковородников, 2000, с. 70].

В. И. Шляхов акцентирует важность объединения идей гармоничного сосуществования языка и природы, цель которого заключается как в защите природы с помощью языка, так и в защите языка от воздействий природной среды [Шляхов, 2011]. Н. В. Дрожжих определяет эколлингвистику как науку, изучающую опосредованную языком сферу обитания человека и общества [Дрожжих, 2010, с. 29]. Г. Г. Молчанова отмечает, что экология языка имеет не только физиологическую (взаимодействие языков), но и социальную (взаимодействие с обществом) природу [Молчанова, 2016, с. 49]. Об этом пишет также Ю. В. Ударцева: «Подобно тому, как в экологии изучается взаимодействие живых организмов между собой и с окружающим их миром, эколлингвистика рассматривает взаимодействие между языками, а также языками и их – окружением, т.е. обществом, в котором они применяются» [Ударцева, 2013, с. 56].

О. В. Бессмельцева считает, что язык, принадлежа человечеству, является природным явлением [Бессмельцева, 2012, с. 92]: «Живой язык – это часть экосистемы, он нужен для творческого диалога человека и природы» [Там же, с. 97]. По мнению Е. М. Пылаевой, язык неразрывно связан с социумом, что делает базовым тезисом эколлингвистики закон экосистемы: только соответствующие всем требованиям языкового окружения и противостоящие давлению среды изменения в языке являются наиболее удачными [Пылаева, 2011, с. 108]. Схожие идеи можно встретить у чилийского ученого Умберто Матураны (Humberto Maturana), который считает, что не существует внутренних законов эволюции языка отдельно от эволюции человека говорящего (*homo loquens*) как биологического вида; эволюция живых систем – это «эволюция ниш, образуемых единствами взаимодействий» [Maturana, 1970, с. 4]. Научная мысль на сегодняшний день активно исследует взаимосвязи между природой и человеком / обществом, предпринимая попытки разработать «сценарий возможности гармоничного сосуществования человека и природы и, как следствие, эволюции природы и общества» [Гордиенко и др., 2014, с. 10].

В. И. Шаховский называет целью лингвоэкологии изучение способов сохранения языка, а именно – сохраняет ли язык свое здоровье (а также здоровье

его носителя) или постепенно подходит к «лингвициду», т.е. к самоуничтожению [Шаховский, 2016]. Кроме того, ученый вводит в понятие «лингвоэкология» третий важный компонент – человека (помимо природы / среды и языка). Под действием окружающей среды (природы и общества) человек и язык взаимно влияют друг на друга: подавленный негативной средой, человек просто не в состоянии воспроизводить «здоровый» язык → некачественный язык оказывает отрицательное влияние как на здоровье человека, его употребляющего, так и на общество в целом → общество, использующее «нездоровый» язык для общения, не способно создать позитивную окружающую среду и так по кругу [Шаховский, 2017, с. 19]. В результате объектом лингвоэкологии выступают способы самосохранения языка, а также влияние языка на здоровье человек, т.е. правильное использование положительно влияет на здоровье языка и человека, в то время как неправильное использование производит обратный эффект [Там же].

Таким образом, используя понятие «экология», большинство эколлингвистов делают акцент на «приоритете общности интересов исследуемых объектов, на неразвитии одного за счет другого, на ко-эволюции вместо изоляции. Особенно важным для экологического подхода является предпочтение малого большому, т.е. отрицается развитие сильного за счет слабого и, таким образом, утверждается разнообразие окружающего мира» [Трошина, 2020, с. 10].

Однако, разнообразие подходов к определению лингвоэкологии как отдельного научного направления выявило проблему его наименования. Действительно, можно встретить разные термины (эколлингвистика, лингвоэкология, экология языка), относящиеся, по сути, к одному направлению, объединяющему экологию и язык [Курашкина, 2022, с. 41]. Так, например, датский лингвист Суне Стеффенсен (Sune Vork Steffensen) и австрийский эколлингвист А. Филл определяют эколлингвистику как науку о процессах и деятельностной активности, с помощью которых человеческие существа используют физическую среду для создания расширенной, наполненной смыслом экологии, которая поддерживает их траектории существования; одновременно это наука о реализации возможностей поддержания здорового существования как для человека, так и для

других уровней жизни [Steffensen, Fill, 2014, с. 21]. Данное определение считается наиболее всеобъемлющим.

Согласно американскому ученому Ричарду Александру (Richard Alexander) и британскому эколингвисту Аррану Стиббе (Arran Stibbe), эколингвистика – это изучение влияния языка на жизнеобеспечивающие отношения между людьми, другими видами и окружающей средой [Alexander, Stibbe, 2014, с. 104]. Термин «эко» применяется авторами не метафорически, а имеет прямое отношение к экосистемам, состоящим из взаимодействующих организмов [Курашкина, 2022, с. 41].

В отечественных исследованиях также не принято единое определение эколингвистики, нет полного согласия в том, являются ли термины «экология языка», «эколингвистика» и «лингвоэкология» тождественными. Н. Н. Лыкова объединяет «экологию языка» и «лингвоэкологию» в одно направление, восходящее к «популярной в XIX веке идее уподобления языков живым организмам» [Лыкова, 2011, с. 48-49]. Д. В. Шапочкин, напротив, рассматривает «экологию языка» как самостоятельное направление в рамках «эколингвистики» [Шапочкин, 2013, с. 41-42]. А. П. Сковородников разграничивает понятия «эколингвистика» и «лингвоэкология»: «вопрос о зонтичном термине «эколингвистика» для объединения двух разнообъектных дисциплин снимается, если принять, что “зонтиком” для лингвоэкологии является экология, а для эколингвистики – лингвистика» [Сковородников, 2019, с. 13]. По мнению Е. В. Ивановой, «эколингвистика – раздел языкознания, сформировавшийся на стыке социального (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза), психологического (проблемы речевого воздействия) и философского (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направлений в лингвистике. Экология языка – это наука о процессах взаимодействия в экосистемах, опирающаяся на языковые формы коммуникации» [Иванова, 2007, с. 34].

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что зарубежом единым термином, охватывающим разнообразные направления, связанные с лингвистическим осмыслением экологических вопросов, является «эколингвистика». В России наблюдается сосуществование «лингвоэкологии», «экологии языка» и «эколингвистики», которые взаимодополняют друг друга, но не нуждаются в объединении под каким-либо общим термином [Курашкина, 2022, с. 43].

Таким образом, стремительная глобализация и экологические проблемы, влияющие на все сферы жизнедеятельности человека, спровоцировали осознание человеком необходимости сохранения и защиты языка и языковой среды как неотъемлемой части среды обитания. Вектор научной парадигмы сместился с антропоцентризма на эоцентризм. Возникла необходимость сближения языка и природы, а также формирования экологического сознания общества, что, в конечном итоге, привело к появлению лингвоэкологии.

На сегодняшний день не существует единого определения лингвоэкологии, ученые выносят на передний план разные аспекты данного направления. В основу настоящего диссертационного проекта легла трактовка В. И. Шаховского, согласно которой важно, как язык и человек влияют друг на друга. Рабочим термином стало понятие «лингвоэкология», так как в фокусе внимания именно языковой аспект данной дисциплины.

В следующем параграфе рассматриваются существующие подходы лингвоэкологических изысканий, отечественные и зарубежные направления эколингвистики, а также перспективы дальнейших исследований в этой области.

1.1.2. Подходы, основные направления и перспективы лингвоэкологии

Лингвоэкология (эколингвистика, экология языка) – направление языкознания, объединившее в себе лингвистику и экологию. Ученые подчеркивают различные аспекты этой науки (социальные, психологические, философские), но именно связь лингвоэкологии с языком обуславливает ее тесное взаимодействие

как с лингвистическими, так и другими дисциплинами. Кроме того, широкие междисциплинарные связи объясняют попытки исследователей сузить и разграничить предметную область лингвоэкологии. В. И. Шаховский выделяет два основных подхода: изучение взаимодействия языка с его пользователем / изучение взаимодействия языка с другими языками [Шаховский, Штеба, 2013, с. 9].

Т. В. Жеребило предложила следующую дефиницию термина «лингвоэкология» – «1) изучение языков в контексте их функционирования; 2) исследование разнообразия лингвистических феноменов; 3) признание возможности сосуществования всех языков; 4) прикладной характер исследований, направленных на решение языковых конфликтов, повышение качества образования, поддержку и возрождение миноритарных языков; 5) исследование адаптивных стратегий языков и языковых экологических систем; 6) определение факторов, обеспечивающих высокую степень витальности языков» [Жеребило, 2012, с. 118].

А. А. Бернацкая считает центральным объектом лингвоэкологии двуединый процесс взаимодействия языка и среды: «внешняя среда через человека воздействует на язык, а язык, как центральный компонент психосферы человека, влияет на социум в целом и индивида» [Бернацкая, 2003]. Ученая также выделяет три аспекта лингвоэкологии: интралингвальный, интерлингвальный и транслингвальный [Там же]. Некоторые ученые разграничивают предметное поле эколингвистики на основе выделения центрального объекта изучения, в качестве которого могут выступать экологические или лингвистические проблемы, вопросы языкового разнообразия. Так, А. Филл выделяет экологию языков, экологическую лингвистику и языковую экологию [Fill, 2001]; французская ученая Надеж Лёшеврель (Nadège Lechevrel) разграничивает лингвоэкологию, эколингвистику и экологистскую лингвистику [Lechevrel, 2008, с. 19-20].

Е. В. Иванова предлагает ограничиться двумя подходами: экологией языка (по Э. Хаугену), которая рассматривает язык через призму экологии, и языковой экологией (по М. А. К. Халлидею), которая рассматривает экологию через призму языка [Иванова, 2007]. Следует заметить, что последователи Э. Хаугена

воспринимают экологию в метафорическом ключе, поэтому своим объектом лингвисты-экологи избирают здоровье / нездоровье языка и борются за его чистоту, в чем несколько сближаются с культурой речи, расширяя и развивая ее проблематику. В то же время последователи австралийского лингвиста Майкла Халлидея (Michael Alexander Kirkwood Halliday) воспринимают экологию в буквальном, геккелевском смысле, т.е. неметафорично, и направляют свои усилия на изучение роли языка в поддерживающих жизнь взаимодействиях человека, других видов и окружающей среды [Курашкина, 2022, с. 42].

А. П. Сковородников разграничивает экологию языка и экологию речи [Сковородников, 2014, с. 153]. Н. Н. Трошина использует термины «микрoэколингвистика» (изучает взаимодействие языка и носителя) и «макрoэколингвистика» (изучает взаимодействие языков) [Трошина, 2020, с. 10], а также описывает взаимосвязь эколингвистики с другими парадигмами языкознания. Например, В. И. Карасик видит в эколингвистике «новое измерение социолингвистики» [Карасик, 2013, с. 191], а соотношение эколингвистики и прагмалингвистики – это соотношение гиперонима и гипонима [Fill, 1993, с. 7] и др.

Кроме того, отдельного внимания заслуживает рассмотрение современных эколингвистических концепций и тенденций в зарубежных и отечественных исследованиях, детальный обзор на которые можно найти в работе Н. А. Курашкиной [Курашкина, 2022, с. 32-40].

- 1) Зарубежная эколингвистика на сегодняшний день продолжает научные изыскания по трем базовым направлениям:
  - экология языка (Э. Хауген и его последователи);
  - экологическая лингвистика (последователи М. А. К. Халлидея), которая в том числе имеет дело с различными дискурсами экологической направленности;
  - формирующийся уровень трансдисциплинарной науки, или философии взаимодействия и гармонии, – экологическое мировоззрение, которое призвано отражать гармонию между

человеком и природой и в основе которого лежат вопросы этики и религии [Finke 2018].

2) Для отечественной лингвистики характерно разделение терминов «лингвоэкология» и «эколингвистика».

- Если говорить о лингвоэкологии, то в последнее время круг ее вопросов заметно расширился, что привело к появлению подотраслей, отличающихся своими целями, но решающих одну важную задачу – бороться с языковыми и речевыми недугами, очищая языковое сознание от вредоносных факторов, не забывая при этом отмечать положительную динамику языкотворческих процессов и внедрения в национальное языковое сознание позитивных когнитивных структур [Курашкина, 2022, с. 37]. К таким подотраслям относятся
  - лингвотоксикология (Г. А. Копнина, А. П. Сковородников);
  - эмотивная лингвоэкология (В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова);
  - педагогическая лингвоэкология (Е. А. Сущенко);
  - этическая лингвоэкология (К. А. Андреева) и др.
- К подотраслям эколингвистики можно отнести следующие:
  - экология перевода (Л. В. Кушнина, Е. М. Пылаева);
  - критический анализ экологического дискурса (Д. В. Ефременко, Д. В. Токмаков).

Следует заметить, что перечисленные подотрасли заслуживают дальнейшего подробного изучения со стороны лингвистов. Такое разнообразие направлений говорит о большой востребованности и актуальности лингвоэкологических исследований языка, в связи с чем представляется важным описать перспективы их дальнейшего развития.

Несмотря на свою относительную молодость, лингвоэкология накопила достаточно большой опыт в области исследования взаимодействия речи и

окружающей действительности. Однако, при всей значимости и актуальности, приходится констатировать преобладание на сегодняшний день теоретических исследований над практическими, поскольку анализ существующих направлений показывает, что предметная область экологии языка расширяется, но не конкретизируется, выходя за рамки одного языка. «Так, сегодня принято говорить об экологической культуре в целом с упором на развитие у общества экологического мышления [Полухин, 2009] и экологического сознания [Шаховский, 2010], указывая на взаимосвязь качества языка и качества мышления и, следовательно, жизни человека» [Шаховский, Штеба, 2013, с. 12]. М. Н. Эпштейн замечает, что необходимо изучать жизнь во всех проявлениях (материальных и духовных), не сводя исключительно к биологии, что требует создания более широкой дисциплины – биософии (буквально – «жизнемудрие», от греч. «*bio*» – «жизнь» и «*sophia*» – «мудрость») [Эпштейн, 2011].

Таким образом, лингвоэкология является своевременным, необходимым и актуальным направлением языкознания, вместившим в себя важнейшие термины, принципы и методы двух наук: экологии и лингвистики, которые взаимодополняют друг друга. Существование разнообразных подотраслей лингвоэкологии говорит о ее универсальности, способности затрагивать все сферы и аспекты жизнедеятельности человека, открывая перспективы для дальнейших исследований.

В рамках настоящей диссертации особый интерес представляет подотрасль «эмотивная лингвоэкология», разрабатываемая профессором В. И. Шаховским и его учениками. Особенности данного эколлингвистического направления подробно рассматриваются в следующей части работы.

1.2. Эмотивный аспект лингвоэкологии

На протяжении долгих лет языкознание не признавало значимость эмоций в языке. Однако, эмоции пронизывают практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Человек постоянно испытывает те или иные эмоции, а

поскольку он выражает свои мысли через язык, то логично говорить о том, что эмоции находят свое выражение не только на невербальном уровне языка (мимика, жесты, физиологические реакции), но и на вербальном.

Первыми в языкознании внимание на эмоции обратили психолингвисты. Они смогли доказать, что в языке, помимо рациональной составляющей лексики, неизбежно присутствует и «эмоционально-экспрессивно-оценочная» составляющая, базирующаяся на чувственном компоненте [Шаховский, 2017, с. 17]. Н. П. Пешкова пишет: «Экспериментальные исследования 20-го века в области психологии убедительно показали, что чувственный компонент присутствует на всех уровнях познания, при этом речь идет не о последовательности, а об одновременности, параллельности эмоциональных и рациональных процессов» [Пешкова и др., 2021, с. 11]. Благодаря трудам психолингвистов были созданы различные классификации эмоций, описаны способы их выражения на разных языковых уровнях, но это осуществлялось в отрыве от коммуникативной стороны, что, несомненно, ограничивало полноценный и разносторонний охват в изучении эмоций.

Современная лингвистика является антропоцентрической, доминантой выступает речевое поведение человека. «А поскольку центральным конституентом человеческой психики и речепорождения являются эмоции, то, естественно, лингвистика должна была обратить внимание на эмоциональную сторону / аспект речевой и акциональной деятельности человека» [Там же].

По мнению В. И. Шаховского, человек является не только *Homo Sapiens* («человек разумный»), но и *Homo Sentiens* («человек чувствующий»), поскольку во многих своих действиях руководствуется эмоциями. В частности, давно известно, что мысль еще до своей вербализации возникает в форме эмоционального образа. Кроме того, было подтверждено, что еще до осознания предметно-логической информации, которая содержится в любом высказывании, человек осознает ее эмоционально-оценочный компонент [Шаховский, 2009, с. 29-30], что подтверждает тезис о том, что «человеческие эмоции детерминируют мысли» [Изард, 1999], а значит, их необходимо изучать и с точки зрения коммуникации.

Более того, «с помощью языка *homo sapiens* может кодифицированно выражать, скрывать, имитировать, симулировать, описывать и называть свои эмоции, т.е. по-разному их эксплуатировать» [Шаховский, 2009, с. 31]. Это послужило предпосылкой к тому, что к концу XX в. начала стремительное развитие лингвистика эмоций (или «эмотиология»), основоположником которой считается профессор В. И. Шаховский.

По словам американского психолога Кэррола Изарда (Carroll Ellis Izard), психология эмоций остается относительно молодой областью знаний, к началу XXI в. она «едва достигла своего совершеннолетия» [Izard, 1999, с. 4]. Отдельные течения в лингвистике «правильно отмечали значимость аффективной стороны языка, однако это направление не получило значительного развития» [Иванов, 2004, с. 39].

Благодаря трудам В. И. Шаховского, возникла идея снятия границ между рациональной и эмоциональной составляющими в человеке и соединения этих двух когнитивных сфер в языке и речи, что легло в основу лингвистики эмоций. В. И. Шаховский впервые дает категоризацию эмоций в языке, выделяет типы эмоциональной лексики, предлагает метаязык для описания новой области лингвистики и др. [Шаховский, 1987]. Кроме того, ученый разграничивает «спонтанные» и «организованные эмоции», т.е. включающие «не только понятие организации усилий самого человека по упорядочению собственных эмоций на внутреннем уровне, но и понятия контроля и вмешательства извне, побуждения человека к эмоциям в позитивном и негативном смыслах, воздействие и манипулирование его эмоциональным состоянием и осуществление внешнего контроля эмоциональной сферы личности» [Пешкова, 2021, с. 90]. Идеи ученого «составили фундамент для многих лингвистических исследований, которые появились намного позже» [Сребрянская, 2008, с. 284].

Лингвистика эмоций имеет междисциплинарный характер и связана с психолингвистикой, которая постулирует влияние эмоций на ментальную, вербальную и невербальную деятельность человека [Ларина, 2019, с. 38]. «Теперь уже является общепризнанным такой вид коммуникации, как эмоциональная

коммуникация, и такие речевые акты, как эмотивные» [Шаховский, 2008, с. 70]. Соответственно, «есть эмоциональный язык, эмоциональная речь и эмоциональная коммуникация, а также эмоциональное мышление, под которым понимается неразделимая связь рационального и эмоционального» [Шаховский, 2014, с. 14]. Постепенно проблематика изучения эмоций в лингвистике расширяется, выходя за рамки постулирования их фактического присутствия в языке, и переключается на изучение эмоций с точки зрения их функционирования и влияния на коммуникацию [Ионова, 2019, с. 128].

Важно отметить, что эмоции в эмотиологии приравниваются к оценке и относятся как к человеку, который их испытывает и выражает, так и к тому, на кого направлено эмоциональное воздействие. И. А. Солодилова пишет: «Эмоции могут инициировать процесс оценивания или, напротив, быть вызваны им. <...> При этом она [оценка] характеризуется особой субъективностью, может не иметь четко определяемого основания и даже не совсем ясно осознаваться как говорящим, так и слушающим» [Солодилова, 2021, с. 2148]. Поскольку многие эмоции и оценки (осознанные или нет) выражаются вербально, «наши собственные положительные или отрицательные чувства приносят нам пользу или вред самым прямым путем, точно также как мы извлекаем пользу или приносим себе вред, возбуждая эти чувства в других людях» [Солодовникова, 2020, с. 714]. Вышесказанное указывает на то, что эмоции напрямую влияют на здоровье человека, т.е. поднимается вопрос об экологии эмоций.

По мнению эмотиологов, лингвистика эмоций может выступать философией жизни, поскольку эмоции являются мотивационной основой сознания и мышления человека как био-психо-социального существа. Кроме того, эмоции имеют определенный энергетический потенциал: «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести» [Шаховский, Колосова, 2010], что и определяет возможность перехода от лингвистики эмоций к эмотивной лингвоэкологии [Колосова (Солодовникова), 2015, с. 104].

Эмотивная лингвоэкология базируется на

- методологических принципах лингвистической теории эмоций / эмотиологии В. И. Шаховского, заявляющей о «необходимости учета влияния эмоционального слова на здоровье человека посредством установления взаимозависимости между лингвоэкологией и валеологией (наукой о сохранении здоровья человека)» [Панченко, Штеба, 2013, с. 5];
- общих положениях лингвокультурологии / культуры речи, которая в общем смысле понимается, с одной стороны, как качество языка / речи, а с другой стороны, как наука о качестве языка / речи [Васильева, 1990, с. 5; Головин, 1980, с. 7].

Взаимосвязь эмоций и качества языка / речи, а также качества здоровья и жизни человека стала сегодня очевидной, инициировав вопрос об экологичности языка / речи через призму эмоций [Шаховский, 2015, с. 13]. В лингвоэкологии «язык не только инструмент познания окружающего мира, но и средство воздействия на социальную и природную среду обитания» [Шляхов, 2011, с. 139]. В сфере научных интересов эмотивной лингвоэкологии лежит та же проблематика, но преломленная сквозь призму идеи воздействия на эмоции собеседника в процессе коммуникации [Панченко, 2012, с. 125-126].

Главным объектом эмотивной лингвоэкологии стало изучение роли эмоций в сохранении / разрушении языка, а также здоровья его носителей и пользователей, что способствовало интеграции этого направления с экологией и валеологией [Шаховский, 2017, с. 28]. Важнейшей задачей данной дисциплины, по мнению В. И. Шаховского, является «установление того, как именно эмоции влияют на здоровье языка и человека: прямо, косвенно, реверсивно или чисто ситуативно» [Там же, с. 29]. Н. Г. Солодовникова, вслед за В. И. Шаховским, определила объекты изучения эмотивной лингвоэкологии: «языко- / речеохранение и здоровьеохранение человека с помощью языка, здоровьеохранение эмоций и использование эмотивно здорового языка» [Колосова (Солодовникова), 2015, с. 103-104].

Таким образом, эмотивная лингвоэкология, являясь сплавом эмотиологии, экологии и лингвистики, представляет собой науку о здоровых эмоциях,

вербализуемых здоровым языком с целью сохранения здоровья человека. В следующем параграфе работы подробно раскрывается понятие «эмотивность», описывается связь между эмотивностью и экологичностью. Практическая часть работы строится на анализе коммуникативно-эмоциональных ситуаций как наиболее показательных для иллюстрации эмотивности и экологичности.

1.2.1. Взаимосвязь между эмотивностью и экологичностью

Эмотивная лингвоэкология основывается на двух взаимосвязанных терминах: «экологичность» и «эмотивность», которые до сих пор являются не до конца определенными и однозначными, в связи с чем данное направление следует считать скорее поисковым, нежели прескриптивным [Колосова (Солодовникова), 2015, с. 104].

В. И. Шаховский отмечает, что эмоция и когниция неразделимы: «С помощью эмоций мы имеем доступ к сфере *ratio* и *cognitio*» [Шаховский, 1987; 2009]. «Кроме того, переживание конкретной эмоции всегда сопровождается психосоматическими коррелятами, что имплицитно подразумевает невозможность рассмотрения сферы эмоционального в отрыве от ее влияния на здоровье (психическое и физическое) *homo sentiens*» [Шаховский, 2014, с. 13]. Одной из предпосылок для становления эмотивной лингвоэкологии стало изучение **характера информационной среды, средств ее языковой репрезентации и места эмоций в отражении информации** [Шаховский, 2017, с. 18]. В свою очередь, лингвистика эмоций, будучи антропоцентрическим направлением, закрепляет за эмоциями позицию главной составляющей человеческого фактора в языке, поскольку через вербальное выражение эмоций человек интерпретирует окружающий мир. [Колосова (Солодовникова), 2015, с. 105]. Следовательно, человека окружает не столько информационная, сколько интерпретационная среда, так как «имеет место быть субъективное отражение информации с акцентом на выбираемой отправителем сообщения позиции» [Шаховский, 2017, с. 18]. Данное умозаключение подчеркивает важность детального изучения эмоций: только

человек способен контролировать и регулировать свои эмоции, тем самым влияя на экологическую безопасность общения [Колосова (Солодовникова), 2015, с. 105]. Действительно, эмоции коммуникантов обуславливают выбор языковых средств представления информации, от модуса эмоций говорящего (положительного или отрицательного) зависит реакция слушающего (заряженная конструктивной или деструктивной эмоциональностью), что напрямую влияет на характер действий и поступков адресата [Шаховский, 2017, с. 18-19].

Важно отметить, что экологичность общения зависит от обоих коммуникантов: говорящего и слушающего. Однако, мнения некоторых ученых по этому поводу расходятся. С одной стороны, существует концепция альтруистического эгоизма канадского ученого Ганса Селье (Hans Hugo Bruno Selye), согласно которой человек вправе делать все, что хочет, пока это не вредит ни ему самому, ни окружающим [Селье, URL]. Следует пояснить, что концепция не отрицает необходимость принимать во внимание эмоции слушающего. Речь идет о том, что человеку для того, чтобы сделать общение максимально экологичным, необходимо в первую очередь внимательно отслеживать свои собственные эмоции, так как они напрямую влияют на эмоции слушающего, которые, безусловно, не менее важны. Теория эмоционального интеллекта, разрабатываемая американским психологом Дэниелом Гоулманом (Daniel Goleman) [Гоулман, 2008], формулирует принципы эмоционального «тьюнинга», т.е. адаптации говорящего к конкретной ситуации общения и к конкретному речевому партнеру [Шаховский, 2017, с. 31], чтобы сделать процесс общения максимально комфортным для обоих коммуникантов, а значит экологичным. В этой связи можно говорить, помимо эмоционального, еще и об экологическом интеллекте [Там же].

Вышеприведенные концепции связывают эмотивную лингвоэкологию с понятием «экологичность», а также объясняют переход в лингвистике от идей антропоцентризма к экоцентризму. Экоцентрический подход направлен не только на сохранение природы, но и на благополучие человека. Обращение эмотиологии к экоцентризму постулирует ценность человеческих эмоций, поскольку они

формируют (языковую) среду [Солодовникова, 2020, с. 712]. В работах В. И. Шаховского обосновано, что эмоциональная сфера современного человека – это тоже среда его обитания [Шаховский, 2018, с. 148].

Таким образом, экологичной для человека следует считать такую среду, в которой он может оптимально выражать свои мысли, чувства и намерения, а экологичной для языка – такую, в которой язык не только сохраняется, но и развивается. Экология человека и экология языка, являясь производными от общей экологии природы, подразумевают «здоровые» отношения со средой, а также сохранение и развитие. Поэтому «экология» в данном случае означает в первую очередь «здоровье» [Солодовникова, 2020, с. 710-711]. «Термин «экологичность» в гуманитарном переосмыслении все чаще означает бережное отношение к кому-либо или чему-либо, а также здоровью» [Там же, с. 714]. Данное диссертационное исследование отталкивается именно от этой интерпретации терминов «экология» и «экологичность».

В лингвистической экологии следует учитывать два аспекта: экологию языка и экологию человека [Ионова, 2011]. Человек, будучи существом эмоциональным, вступает в общение, ожидая, «прежде всего, заинтересованности в экологичном обращении с ним, не наносящим вред его здоровью» [Маджаева, 2019, с. 208]. Экологичное общение, в свою очередь, создает экологичную = «здоровую» языковую среду. Следовательно, человек и язык представляют друг для друга взаимовлияющие среды, которые и обеспечивают экологичность, т.е. «здоровье», в том числе и в процессе коммуникации [Солодовникова, 2020, с. 711].

Связь экологичности и эмотивности базируется на том, что эмоции являются мотивационной основой любой (в том числе речевой) деятельности человека [Шаховский, 2019]. По определению В. И. Шаховского, эмотивность – «это имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский, 2006, с. 24]. Иными словами, «эмотивность» – эта та же эмоциональность, только лингвистическая, отсюда и сложности в понимании данного термина. «Эмоциональность» в

языкознании понимается как психофизиологическое состояние человека. Однако, физические эмоции и их языковое выражение не совпадают (так как изначально существуют в разных научных плоскостях). В результате этого оязыковленные эмоции в лингвистике стали определять термином «эмотивность». Проще говоря, «языковое описание эмоций трансформирует эмоциональность (психологический феномен) в эмотивность (языковой феномен), которая отражает систему эмоциональных характеристик языковой личности и делает возможным существование эмоциональной коммуникации» [Сандомирская, 1991]. Такого подхода придерживается и В. И. Шаховский: «Эмотивный – тот же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике» [Шаховский, 1987, с. 85]. Таким образом, понятия «эмоциональность» и «эмотивность» синонимичны, но не тождественны с той точки зрения, что они относятся к разным научным областям [Корзун, 2023, с. 45].

Эмотивность пронизывает все жизненное пространство человека (в т.ч. коммуникативное), регулируя его жизнедеятельность, и, наряду с мышлением, является одним из важнейших механизмов становления целостной коммуникативной эмоциональной личности [Шаховский, Волкова, 2019, с. 137]. При этом эмоции по своей сути реактивны, т.е. человек не может контролировать то, что чувствует, однако, в его силах контролировать то, как он это выражает, что и является зоной его лингвоэкологической ответственности. Именно так осуществляется теоретическое осмысление понятия «эмотивность» – через связь с понятием «экологичность» [Солодовникова, 2020, с. 715], т.е. «экологичность» = «эмотивность», поскольку последняя характеризуется интеллектуальностью и носит осмысленный характер: человек способен контролировать языковое выражение эмоций и «фильтровать» их с точки зрения экологичности / неэкологичности [Шаховский, 1983, с. 10]. Следовательно, экологичность коммуникации напрямую связана с биологической эмоциональностью человека и с коммуникативной эмотивностью используемого им языка [Солодовникова, 2020, с. 715].

Что касается термина «эмоциональный интеллект», предложенного Г. Гоулманом, В. И. Шаховский отмечает, что именно он во многом определяет этику и эмоциональное поведение личности, а недостаточный уровень его развития неизбежно ведет к эмоциональному неуспеху в коммуникации [Шаховский, 2019, с. 29]. Поскольку эмоциональный интеллект связан с экологическим интеллектом, важно определить, что можно считать экологичной эмотивностью, а что таковой не является. Еще в 2010-х годах экоэмотиология (эмотивная лингвоэкология) считала экологичной коммуникацию с исключительно положительным модусом (общение, построенное на преимущественно позитивных эмоциях). Однако со временем стало очевидным, что эта связь не является прямой, так как даже положительные эмоции могут вызывать негативную реакцию у коммуникантов (например, «сладкая ложь»), а отрицательные – позитивную (например, «горькая правда»). Поэтому к 2015 году экоэмотиологи начали отмечать важность в общении не только положительных, но и отрицательных эмоций. При этом именно осознанное выражение эмоций может быть экологично, т.е. безопасно для самого человека и для окружающих [Подольская, URL].

Коммуникация является не только инструментом передачи информации между людьми, но также средством связи с окружающим миром [Гулевич, 2007]. Если говорить о соотношении негативных и позитивных эмоций при передаче той или иной информации в процессе коммуникации, следует обратиться к классификации, предложенной В. И. Шаховским. Ученый перечисляет следующие виды соотношения информации и ее языкового выражения, основанного на эмоциях:

- 1) позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация;
  - 2) негативная информация и ее негативная языковая репрезентация;
  - 3) позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация;
  - 4) негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация
- [Шаховский, 2017, с. 20].

В пп. 3 и 4 наиболее отчетливо прослеживается важность экологичного подхода к эмотивности и их взаимосвязь. Для того, чтобы снизить градус

напряженности в общении, говорящему следует приложить усилия и преподнести негативную информацию языком с максимально позитивной эмоциональной окрашенностью (п. 4). Иногда говорящий использует негативно окрашенную эмотивную лексику, однако информация, которую он транслирует, может быть позитивной (п. 3) [Корзун, 2023, с. 78].

Вышеперечисленные соотношения информации и ее языковой репрезентации легли в основу практической части диссертации, где представлены коммуникативно-эмоциональные ситуации из англоязычного художественного дискурса, которые сначала распределяются согласно четырем пунктам классификации, а затем подробно анализируются с точки зрения их эмотивности (позитивной или негативной) и экологичности (положительной или отрицательной).

Поскольку эмоции являются и средством воздействия на окружающих, необходимо внимательно относиться к прагматике выражаемых эмоций. «Ослабленный человек, находящийся в негативно воздействующей на него среде, не способен и не намерен продуцировать «здоровые» высказывания» [Шаховский, 2017, с. 19]. Для того, чтобы негативные эмоции не оказывали деструктивное воздействие, необходимо преобразовать отрицательную эмоциональную среду в положительную, что может помочь улучшить психофизическое состояние человека. Проблемы подобного рода и решает эмотивная лингвоэкология [Шаховский, Штеба, 2013, с. 19-20].

На протяжении всей истории человечества одной из естественных потребностей было его долгое и благополучное существование. Окружающая среда, несомненно, вносит коррективы в жизнедеятельность человека, который взаимодействует с ней посредством языка, с помощью которого выражаются и различные эмоции. Следовательно, невозможно отрицать взаимозависимость компонентов среда → человек (эмоции) → язык → среда. Для благополучия одного из компонентов необходимо заботиться о качестве остальных, только так получится добиться «здоровья» всех звеньев цепи.

1.2.2. Разграничение понятий «эмотивность» и «эмоциональность»

В отличие от понятия «эмоциональность», термин «эмотивность» трактуется лингвистами по-разному. Например, американский философ-аналитик Чарльз Стивенсон (Charles Leslie Stevenson) видит целью эмотивности – производимый говорящим психологический эффект на слушателя [Шаховский, 2013, с. 238]. С. В. Ионова, напротив, считает, что реализация категории эмотивности «служит для внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности, но не для его эвокации у реципиента» [Ионова, 1998, с. 182]. В последнее время термин «эмотивность», вслед за В. И. Шаховским, определяется в широком смысле как «лингвистическое выражение эмоций» [Шаховский, 2008, с. 234]. Трудности возникают при попытке разграничения понятий «эмотивность» и «эмоциональность».

Американский лингвист-структуралист Леонард Блумфилд (Leonard Bloomfield) считал, что невозможно описать словами эмоциональное состояние человека, поскольку ученые не до конца понимают, что при этом происходит в его теле [Блумфилд, 2002, с. 310]. Мнение Л. Блумфилда разделяют психологи: «В разговорной практике мы часто пользуемся одним и тем же словом для обозначения разных переживаний, так что их действительный характер становится ясным только из контекста. В то же время одна и та же эмоция может обозначаться разными словами» [Додонов, 1978, с. 23]. И. А. Солодилова замечает, что в отечественной лингвистике термин «эмоция» зачастую употребляется как гипероним к терминам «чувство» и «аффект», затрудняя их дифференциацию [Солодилова, 2021, с. 2148]. Кроме того, эмоции импульсивны и не осмыслены, поэтому могут выражаться только паралингвистическими средствами (жесты, мимика) [Коростова, 2017, с. 2]. «Эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [Ортони, Клоур, Коллинз, 1996, с. 318]. При этом когнитивные интерпретации зависят от конкретной языковой личности, а эмоциональные ситуации (в отличие от

коммуникативных), не обязательно направлены на кого-то. Более того, чем сильнее эмоциональный акт, тем менее он направлен на объект коммуникации, и тем менее осознанным является когнитивный момент [Там же, с. 321]. Следовательно, эмоциональность в коммуникации характеризуется неконтролируемостью, неосознанностью и непреднамеренностью [Коростова, 2017, с. 2-3].

Термины «эмоциональность» и «эмотивность» многими лингвистами используются как синонимы (Гальперин, Курлова, Солодуб и др.). Но целый ряд ученых данные понятия дифференцируют по разным критериям. Основное отличие проходит по линии психологическое / лингвистическое [Зотова, 2010, с. 4]. Это объясняется тем, что естественный мир эмоций не совпадает с его модельным оязыковленным миром [Ленько, 2015, с. 84].

Категория «эмоциональность» трактуется следующим образом:

- в широком смысле она понимается как
  - совокупность областей выражения чувств и эмоций субъекта (Биренбаум, Лукьянова, Вежбицкая и др.);
  - усиление или интенсивность (Киселева, Блох и др.);
- в узком смысле она определяется как отраженное и закрепленное в семантике слова чувство говорящего, его отношение к объекту речи (Курлова, Цоллер и др.) [Зотова, 2010, с. 14].

Также некоторыми учеными «эмоциональность» приравнивается либо к гиперэмоциональности, либо к темпераменту, либо к индивидуально-устойчивым свойствам личности [Ильин, 2002, с. 234-235]. Следует отметить, что именно последний подход наиболее интересен, так как помогает объяснить особенности речевого поведения человека [Витт, 1984, с. 13-14].

Что касается термина «эмотивность», здесь также существуют некоторые разногласия среди ученых. В. Н. Телия полагает, что «категория “эмотивность” связана с эмоциональной сферой психики и соотносится по содержанию с определенными типами эмоций – чувств-отношений, которые мы определяем в диапазоне одобрительной или неодобрительной реакции на обозначаемое» [Телия, 1986, с. 129]. Однако, большинство ученых (Кунин, Шаховский, Бабенко, Галиев и

др.) противопоставляют «эмотивность» как языковую категорию психической категории «эмоциональности». А. В. Кунин отмечает, что «эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, выражение языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [Кунин, 1986, с. 153]. Подобного осмысления придерживается В. И Шаховский, по мнению которого эмоции на языковом уровне трансформируются в эмотивность, а потому эмотивность, которая представляет собой вербальное выражение эмоций говорящего, – это языковая категория, а эмоциональность, отражающая психическое состояние человека, – психологическая [Шаховский, 1987, с. 13].

«Эмотивность» как лингвистическая категория также имеет широкую и узкую трактовку:

- в узком смысле категория эмотивности соотносится с эмотивной лексикой и отождествляется либо с коннотацией в целом (Телия, Шаховский, Токарев и др.), либо с каким-либо из компонентов коннотации:
  - с эмоциональным компонентом (Гальперин, Цоллер, Солодуб и др.),
  - с оценочным компонентом (Вольф, Лукьянова и др.);
- в широком смысле эмотивность включает все языковые средства отображения эмоций, обуславливая существование эмоциональной коммуникации (Бабенко, Ионова, Галиев и др.) [Зотова, 2010, с. 14-15].

Итак, эмотивность и эмоциональность взаимосвязаны, но не могут считаться тождественными и взаимозаменяемыми. Многими учеными подчеркивается, что единственным основанием для их разграничения является критерий «лингвистическое / психологическое». Эмоции (и эмоциональность) – проявление чувственной реакции человека на раздражитель в невербальной форме, когда инструментом общения становится тело человека: жесты, мимика, позы, взгляд. Эмотивность – вербальное выражение эмоций, следовательно, эмоции, имея словесное воплощение, проявляются на языковом уровне посредством эмотивности [Сажина, Семак, 2019, с. 566-567].

Эмотивность как языковая категория может проявляться на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, синтаксическом и др.:

- на фонетическом уровне эмотивность проявляется в интонации;
- на лексическом – словами-номинантами эмоций и эмотивами (вербальная или невербальная единица, которая позволяет выразить эмоциональное отношение / состояние к кому-либо или чему-либо [Солодовникова, 2010]), которые, по В. И. Шаховскому [Шаховский, 1975], подразделяются на следующие группы:
  - аффективы – лексические единицы языка, имеющие статус обязательной (денотативной) эмотивности и эмотивное значение которых является единственным компонентом его лексического значения (междометия, бранные слова, вульгаризмы и пр.) [Шаховский, 1987, с. 241];
  - коннотативы – лексические единицы языка, имеющие статус факультативной эмотивности, формирующей коннотацию слова, помимо логико-предметного компонента его значения (сравнения, метафоры, фразеологизмы и пр.);
  - потенциативы – лексические единицы речи, имеющие статус потенциальной эмотивности, т.е. они имеют нейтральный оттенок, но способны приобретать в определенном контексте некое новое эмоциональное значение [Там же, с. 242];
- на синтаксическом – экспрессивными структурами внутри предложения или нескольких предложений [Морозкина, Хамматова, 2015, с. 174].

С помощью эмотивности человек выражает свои чувства в процессе коммуникации, а значит, по мнению И. В. Труфановой, можно говорить и об эмотивных речевых актах, которые классифицируются следующим образом:

- эмотивы – речевые акты, при помощи которых говорящий выражает свои эмоции;

- эмотивно-оценочные – речевые акты, с помощью которых говорящий выражает свое эмотивно-оценочное отношение;
- речевые акты эмоционального воздействия на слушающего [Труфанова, 2000, с. 205].

В. И. Шаховский указывает, что категория эмотивности интегрирует разноуровневые единицы языка: «Эмотивность, несомненно, является функционально-семантической категорией, так как отвечает всем ее признакам: общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов (эмотивность, как установлено, имеет формальное выражение на всех “этажах” языка – фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом, фразеологическом, синтаксическом уровне структурных моделей); членение – центр – периферия и пр.» [Шаховский, 2008, с. 112-113]. Соответственно можно говорить о том, что эмотивность имеет структуру поля, которая характеризуется полицентричностью. «Полицентричность эмотивности определяется существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального» [Коростова, 2017, с. 3-4]. Таким образом, можно выделить ряд микрополей:

- микрополе импульсивности – в нем реализация коммуникативной эмотивности происходит рефлексивно и бессознательно, при этом адресованность речевого акта не учитывается;
- микрополе эмотивной оценочности – в его реализации задействовано интеллектуальное начало, но оно минимально, эмоциональность доминирует;
- микрополе прагматической эмотивности – в нем преобладает интеллектуальное начало, при этом эмоциональное воздействие направлено на собеседника [Корзун, 2022, с. 116].

Данный подход выделения микрополей / зон эмотивности перекликается с предложенной И. В. Труфановой классификацией эмотивных речевых актов.

Интересным для рассмотрения также является подход к разграничению «эмотивности» и «эмоциональности» Т. В. Лариной, занимающейся изучением вежливости в языке. Данные понятия дифференцируются с точки зрения прагматики коммуникации. «В отличие от эмоциональной коммуникации, представляющей собой спонтанную незапланированную естественную демонстрацию эмоций, эмотивная коммуникация – это сознательная, контролируемая демонстрация эмоций, которая используется в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта» [Ларина, 2009, с. 120]. Другими словами, эмоциональность в коммуникации – это проявление эмоций в чистом виде, она направлена на субъекта; эмотивность – это эмоции, направленные на объект коммуникации с целью воздействия на него [Корзун, 2023, с. 45]. Следовательно, эмотивность, в отличие от эмоциональности, характеризуется интенциональностью, т.е. намерением говорящего (по Полу Грайсу (Herbert Paul Grice) [Грайс, 1985]) или направленностью на адресата (по Джону Серлю (John Searle) [Серль, 1987]), что отчасти связывает эмотивность с теорией речевых актов и с лингвистической прагматикой.

Оговоримся, что подход Т. В. Лариной предлагается в данной работе в качестве иллюстрации того, что разграничение между понятиями «эмотивность» и «эмоциональность» в разные периоды и разными учеными проводилось на основании различных критериев, каждый из которых, тем не менее, был теоретически обоснован и актуален на момент его появления. Данное диссертационное исследование, как уже отмечалось ранее, основывается на несколько ином понимании терминов «эмотивность» и «эмоциональность», разница между которыми проходит по линии «лингвистическое / психологическое»: т.е. под эмоциональностью понимается психическое свойство человека испытывать эмоции, в то время как под эмотивностью – выражение эмоций при помощи различных средств языка.

Сегодня все бóльшую значимость приобретают проблемы не столько того, **что** человек говорит, сколько того, **как** он говорит, поскольку слова (особенно

эмоциональные), подобно действиям, имеют свои последствия – как для слушающего, т.е. объекта коммуникации, так и для самого говорящего, т.е. для субъекта. Выражая те или иные эмоции при общении с другими, человек зачастую не просто эксплицирует свое психологическое состояние (осознанно или нет), но и воздействует на окружающих (осознанно или нет). От того, как вербализуются эмоции, зависит не только успешность / неуспешность коммуникации, но и здоровье самих коммуникантов. Отсюда возникает важность изучения эмотивности и ее влияния на все сферы жизни человека, ее связи с экологичностью, включая экологичное, т.е. «здоровое» общение.

1.3. Экологичность коммуникации и культура речи

Лингвоэкология (а затем и эмотивная лингвоэкология) возникла, помимо экологии и лингвистики, на базе лингвокультурологии, одной из основных категорий которой является культура речи. Самое обобщенное определение культуры дает В. З. Демьянков: «Культура – это каноны в выборе альтернатив» [Демьянков, 1991, с. 115]. Каноны речи – это выработанные веками правила коммуникативного взаимодействия людей. В каждодневном речевом общении (беседы, разговоры, реплики, дискуссии, письменные тексты) представлена вся жизнь и уровень культуры всех членов общества, поскольку это естественная форма существования языка, а также материальное выражение мыслительных процессов человека [Лазуткина, 2022, с. 71].

Понятие «культура речи» закрепилось в отечественном научном дискурсе в период становления советского государства в работах, авторы которых назывались тогда исследователями психологического направления в языкознании, но, по сути, в описании языка следовали канонам функциональной лингвистики. Так, большой вклад в теорию языковой нормы внесли исследования И. А. Бодуэна де Куртенэ, Г. О. Винокура, С. И. Ожегова, В. И. Чернышева, Л. И. Скворцова, А. П. Сковородникова, Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева и др. [Там же, с. 71-72]. Понятие «культурная речь» или «хорошая речь» соотносится в лингвистике с

владением человеком «литературным языком», т.е. языком, который использовался в культурной, деловой, общественной жизни, а также в международных связях и стал активно употребляться при решении общих вопросов нормализации и кодификации языка. При этом «понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и разговорной форме)» [Виноградов, 1978, с. 293]. Как писал С. И. Ожегов, «то нормально, что позволяет точно выразить мысль» [Ожегов, 1986, с. 285-287]. Однако В. И. Шаховский отмечает, что языковая норма упрощает речь, а стремление к стандартизации лишает язык динамичности [Шаховский, 2017, с. 22].

Что касается литературного языка, до сих пор существует двойственность в понимании этого термина. «Иногда думают, что литературный язык – это язык художественной литературы. Неверно! Литературный язык – это язык культуры во всем огромном смысле этого слова, т.е. язык науки, публицистики, художественной литературы, язык театра и радио, школы и прессы. И быта: в быту культурные люди общаются на литературном языке» [Панов, 2004, с. 88]. М. В. Панов подчеркивает, что «в своих истоках литературный язык – это повседневный народный язык, <...> (литературная) обработка не мешает языку оставаться народным» [Там же, с. 90]. Получается, что литературный язык – это язык не только художественной литературы, это язык, который использует человек для коммуникации в различных ситуациях своей жизнедеятельности, в том числе и в бытовом общении [Самигуллина, Корзун, 2024, с. 71].

Кроме того, как отмечает Е. М. Лазуткина, основным принципом современных исследований по культуре речи является внимание к «человеку говорящему» как к личности. Из всех качеств «хорошей речи» «уместность» является наиболее неопределенной, поскольку именно она перекидывает мостик к человеку как личности во всех ее ипостасях и заставляет рассматривать речь как «речевое поведение» человека в различных жизненных ситуациях [Лазуткина, 2022, с. 74]. Таким образом, забота о литературном языке, его сохранение, его правильное использование человеком, связывает культуру речи с лингвоэкологией: важно не только, **что** человек говорит, но и то, **как** он это делает.

А. П. Сквородников замечает: «Если культура речи сосредоточивает свое внимание на вопросах оптимальной организации речи, ее коммуникативной эффективности и соответствующих компетенциях языковой личности, то эколлингвистика – на условиях и факторах благоприятного или неблагоприятного существования и развития языка как сложной полифункциональной системы» [Сквородников, 2013, с. 208].

Как следует из вышесказанного, современное языкознание рассматривает экологичность в аспекте культуры речи, а именно с позиции такого ее качества, как чистота (экологическая незагрязненность) [Солодовникова, 2022, с. 101]. Под экологичностью языка понимается этичность и позитивность высказываний, а экологичность коммуникации заключается в соблюдении этических и эмотивных норм пользования языком. Соответственно, развивающуюся эмотивную лингвоэкологию заботит, что происходит с эмоциями человека, который пользуется экологичным / неэкологичным языком [Там же, с. 99-100]. Как мотивационная основа сознания, «эмоции позволяют приблизиться к выявлению мотивов речемыследеятельности говорящего, ориентироваться не только на форму эмоциональных единиц общения, но и на их содержание и функциональную направленность речи, не только на то, как сказано, но и для чего говорящий выбрал именно данную форму для выражения эмоционального переживания» [Шаховский, 2014, с. 17], что в конечном итоге связывает эмотивность с экологичностью.

Таким образом, речевое поведение имеет свои последствия как для языка, так и для его пользователя и окружающей его среды. Однако, ни «литературный язык» сам по себе, ни «культурная речь» не являются тождественными экологичной, т.е. «здоровой» коммуникации, так как каждое из этих понятий имеет свои особенности. Важно подробнее описать параметры экологичности коммуникации, на основе которых представляется возможным делать выводы о том, что можно считать здоровым общением, а что таковым не является, а также обозначить трудности в определении параметров экологичности / неэкологичности коммуникации с точки зрения различных исследователей.

1.3.1. Параметры экологичности коммуникации

Для того, чтобы наиболее полно ответить на вопрос, что можно считать экологичной эмотивной коммуникацией, необходимо определить ее параметры. Кроме того, следует разграничить такие понятия, как вежливая / невежливая (антивежливая) коммуникация, позитивная коммуникация, деструктивная коммуникация, поскольку каждая из них имеет свои отличительные характеристики и особенности.

По определению Я. А. Волковой, **деструктивная коммуникация** направлена «на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуется чувством удовлетворения, испытываемым адресантом от страданий жертвы» [Волкова, 2014, с. 48].

Деструктивность в лингвистических исследованиях традиционно ассоциируется с агрессией, которая становится частой темой при обсуждении вопросов лингвоэкологии [Завьялова, 2003], а также с категорией невежливости / антивежливости [Волкова, 2022, с. 146]. Термин «**антивежливость**» многими учеными рассматривается как зонтичный, т.е. охватывающий все возможные проявления невежливости, грубости, нарушения этикетных норм (в том числе эмоциональной природы), речевой агрессии и хамства. Этот термин, с одной стороны, охватывает все коммуникативные действия, способствующие возникновению конфликта. Однако, с другой стороны, данный подход характеризует непосредственно сам коммуникативный акт (вербальное действие), игнорируя при этом коммуникативную интенцию [Там же, с. 147], чем и объясняется отличие невежливой / антивежливой коммуникации от деструктивной. И. А. Шаронов пишет: «Невежливость и конфликтная коммуникация – не аномалия, а частое явление, более того, это общераспространенная форма коммуникации. Введение в исследовательское поле конфликтных диалогов приоткрывает факт неоднозначной оценки людьми грубости речи в конкурентных диалогах, выявляет часто положительно оцениваемую эффективность и

эффективность в борьбе за победу даже в ущерб вежливости» [Шаронов, 2018, с. 295].

В деструктивной коммуникации, в отличие от невежливой / антивежливой, существенную роль играют мотивационно-интенциональная база адресанта и наличие отрицательной эмоциональной реакции адресата [Волкова, 2022, с. 147-148]. Например, даже если по форме высказывание адресанта является оскорбительным, но при этом адресант не имеет интенции унижить или оскорбить адресата, а сам адресат принимает подобный стиль общения, то такая коммуникация не является деструктивной. И наоборот, адресат может оценивать коммуникацию как оскорбительную, т.е. деструктивную, даже если адресант утверждает, что у него не было намерения унижить / оскорбить собеседника. Подобные ситуации возникают из-за коммуникативных помех в оценке высказывания, которые можно классифицировать следующим образом: 1) субъективность адресата в восприятии речи говорящего; 2) различия в языковых картинах мира, типах языковых личностей и мышления коммуникантов; 3) ложные ожидания адресанта касательно ответной реакции адресата [Щербинина, 2008, с. 46]. Я. А. Волкова добавляет к этому списку предыдущий отрицательный коммуникативный опыт: если собеседники ранее сталкивались с разного рода проявлениями агрессии при общении, они заранее начинают воспринимать любое высказывание как деструктивное и реагировать на него соответственно [Волкова, 2022, с. 148].

Таким образом, антивежливость можно рассматривать как гипероним к различным видам невежливой коммуникации. Деструктивная коммуникация, в свою очередь, отличается от антивежливости своей интенциональностью (негативной), т.е. стремлением адресанта получить удовлетворение за счет унижения адресата. Алгоритм развития деструктивной коммуникации можно представить следующим образом: «деструктивная интенция адресанта → вербальное и / или невербальное воздействие → негативная реакция адресата → положительная реакция адресанта» [Там же, с. 149]. Если соотносить деструктивное общение с экологичностью / неэкологичностью, то оно может быть

расценено как амбивалентно-экологичное: «несмотря на общее негативное воздействие на личность субъекта общения, оно вызывает катарсис деструктивных эмоций, тем самым способствуя освобождению (реальному или воображаемому) от нервного напряжения и вызывая у субъекта чувство удовлетворения» [Волкова, 2014, с. 351-362]. Соответственно, деструктивная коммуникация всегда двухмодусна: для адресата она неэкологична, но для адресанта эмотивно экологична [Волкова, 2022, с. 157].

Вежливая коммуникация. По мнению Т. В. Лариной, эмотивная лингвоэкология пересекается с теорией вежливости по некоторым параметрам, один из которых – антиконфликтная направленность. Вежливость как объект исследования в социопрагматике приобрела чрезвычайную популярность в 1970-80-е гг. Значительный вклад в развитие теории вежливости внесли работы Робин Лакофф (Robin Lakoff), Джорджа Лича (George Leech) [Leech, 2014], а также Пенелопы Браун (Penelope Brown) и Стивена Левинсона (Stephen Levinson) [Brown, Levinson, 1987]. В России вежливость как категория коммуникации также стала предметом изучения для ряда исследователей: Т. В. Лариной, М. А. Кронгауза, Н. И. Формановской и др. [Волкова, 2022, с. 147]. «Категория вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий и тактик, нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание, и включает в себя все то, что способствует гармоничному, бесконфликтному общению» [Ларина, 2009, с. 167]. Лингвоэкологи советуют заботиться о коммуникативном благополучии адресата, «отказаться от примата эгоцентрической модели поведения в пользу ориентации на Другого» [Шаховский, Штеба, 2013, с. 20], о чем также говорили основоположники теории вежливости, что и сближает экологичную и вежливую коммуникацию. Вежливая коммуникация характеризуется, по мнению Т. В. Лариной, позитивной эмотивностью = эмотивной вежливостью, которая основывается на эмоциональной чувствительности, этичности в проявлении своих эмоций, ориентированности на чувства других, а также призвана вызывать позитивные чувства у собеседника, т.е. она нацелена на позитивную коммуникацию [Ионова, 2015].

Позитивная коммуникация характеризуется как «благоприятная, эффективная, конструктивная, выражающая положительную интенцию, оптимизм, психологическую поддержку собеседника, настрой на положительный исход общения, прогресс и развитие» [Леонтович, 2015, с. 167]. О. А. Леонтович замечает, что позитивная коммуникация не обязательно означает полное согласие с партнером, но это несогласие может быть выражено позитивно и этично, соответственно, позитивная коммуникация – это «взаимодействие, основанное на положительных эмоциях, направленное на взаимопонимание и приносящее удовольствие всем ее участникам» [Там же, с. 169]. Основопологающими признаками позитивной коммуникации являются конструктивность и эффективность, а также окрашенность положительными эмоциями [Там же]. По мнению Н. Г. Солодовниковой, позитивная и экологичная коммуникация совпадают по своим целям: «достижение взаимопонимания и взаимные положительные эмоции» [Солодовникова, 2022, с. 103]. Но между ними есть и отличия: позитивная коммуникация не ставит запрет на использование ненормативной лексики, если это приносит коммуникантам положительные эмоции, поэтому она не всегда экологична; а экологичная коммуникация не исключает возникновения отрицательных эмоций у коммуникантов, поэтому она не всегда позитивна [Солодовникова, Бусыга, 2020].

Как показывает вышесказанное, вежливое и позитивное общение не является полным синонимом экологичного общения, равно как и деструктивная или антивежливая коммуникация не тождественны неэкологичной. Это объясняется тем, что разные типы общения базируются на собственных принципах, которые также не являются идентичными. Кроме того, на настоящий момент нет достаточного количества теоретических знаний о понятии «экологичность коммуникации», которое в современных исследованиях употребляется как самоочевидное [Солодовникова, 2022, с. 101], поэтому многие ученые предлагают собственные параметры экологичного / неэкологичного общения.

Так, например, Г. Г. Молчанова, говорит о «лингвотоксичных элементах», которые затрудняют и / или искажают коммуникативное взаимодействие и

выражаются наиболее ярко на лексическом уровне языка (термины, аббревиатуры, заимствования, жаргонизмы, сленгизмы и т.п.). [Молчанова, 2016, с. 49]. Г. Г. Матвеева и М. В. Лесняк поднимают вопрос экологичности речевого поведения и его влияния на окружающую среду: сохранение / загрязнение коммуникативного окружения через сознательное или неосознанное экологичное / неэкологичное речевое поведение [Матвеева, Лесняк, 2016]. По мнению Н. Н. Панченко, неэкологичную коммуникацию составляют клевета, диффамация, оскорбление, «грязные» речевые технологии воздействия на сознание людей. В свою очередь, одним из маркеров экологичности коммуникации является искренность, т.е. сознательная приверженность правде [Панченко, 2012, с. 126-128]. Кроме того, отмечается, что живая коммуникативная реальность и смоделированная идеальная коммуникативная ситуация, как правило, не совпадают, а потому в большинстве случаев наблюдается лишь иллюзия эффективного взаимодействия, которое в действительности не отвечает требованиям и постулатам кооперативного общения [Там же, с. 128-129].

Большое количество параметров экологичной / неэкологичной коммуникации (с учетом эмоций, мотивирующих общение) выделяет В. И. Шаховский (см. подр. [Шаховский, 2017, с. 29-31]). Н. Г. Солодовникова, вслед за В. И. Шаховским, очерчивает поначалу довольно широкий круг параметров экологичного / неэкологичного общения (см. подр. [Солодовникова, 2010, с. 59-62]). В своих более поздних работах исследователь значительно сужает этот круг параметров, приходя к выводу, что экологичная коммуникация – это общение, основанное на трех параметрах: **искренность, доброжелательность и этичность**. Иными словами, экологичность – это искреннее и этичное выражение доброжелательности [Солодовникова, 2020, с. 714]. Несмотря на то, что экологичная коммуникация подразумевает отказ от негативных эмоций и лексики, выражать их можно, если делать это искренне, доброжелательно и этично [Солодовникова, Бусыга, 2020].

Итак, «основными характеристиками экологичной коммуникации определялись вежливость, доброжелательность, толерантность, взаимное

стремление коммуникантов к созданию позитивного эмоционального центра общения, а неэкологичной – негативная оценочность, нарушение коммуникативного кодекса, что ведет к эмоциональной несогласованности, негативной эмотивности общения [Шаховский, 1995], коммуникативным сбоям [Матвеева, 2013]. Исследователи приходят к общему выводу о том, что успешный ход общения обеспечивается благоприятной коммуникативной средой, для чего коммуниканты должны интерпретировать социокультурные контексты в терминах позитивного доминирования [Солодовникова, 2010] с применением средств позитивной эмоциональной модальности [Ионова, 2011]» [Клименко, 2015, с. 89].

Следует отметить, что практическая часть данного диссертационного исследования базируется на определении экологичности / неэкологичности коммуникации, предложенном Н. Г. Солодовниковой: если эмоциональными мотивами коммуникантов выступают искренность, доброжелательность и этичность, то можно говорить об экологичности коммуникации [Солодовникова, 2020, с. 716].

Таким образом, к параметрам экологичной / неэкологичной коммуникации можно отнести довольно широкий спектр понятий и критериев, многие из которых были известны и подвергались подробному исследованию еще в рамках теории вежливости. Однако, существуют определенные сложности в их полном и точном определении, о чем идет речь в следующем параграфе работы.

1.3.2. Проблемы определения параметров экологичности коммуникации

За время существования эмотиологии и эмотивной лингвоэкологии был накоплен богатый материал, описывающий параметры экологичной / неэкологичной коммуникации. Однако, выделение параметров экологичного общения сопряжено с определенными трудностями. Нельзя игнорировать тот факт, что любая коммуникативная ситуация индивидуальна. «В языке всё ситуативно, при этом только анализ конкретной коммуникативной ситуации, рассматриваемой как многоуровневое семиотическое образование, может показать (не-) успешность

данного коммуникативного хода» [Шаховский, 2017, с. 22]. Одинаковые предпосылки общения в различных ситуациях могут привести к разным последствиям (вплоть до противоположных). Влиять на это может множество факторов: от личностных качеств коммуникантов до состояния окружающей среды (природной, информационной, психологической, социальной и др.), на фоне которой осуществляется коммуникация.

Например, С. В. Ионова пишет о влиянии информационной среды на психоэмоциональное и психофизическое состояние человека. Благоприятная информационная среда способствует благополучию и развитию человека, а неблагоприятное информационное окружение, наоборот, подавляет и угнетает его [Ионова, 2011, с. 190]. Также исследователь перечисляет трудности в установлении признаков экологичности информационной среды, которые связаны со сложной социально-биологической природой человека [Корзун, 2023, с. 1499] и обусловлены следующими моментами: 1) разнородностью объекта влияния по био-психо-социальным особенностям; 2) эффектом воздействия на человека; 3) средой и ее влиянием [Ионова, 2011, с. 191].

О. Д. Тарасова считает, что на установление критериев для определения здоровой коммуникации в первую очередь влияет эмотивность [Тарасова, 2016, с. 94], и, вслед за В. И. Шаховским, полагает, что экологичная / неэкологичная коммуникации разграничиваются на основе модуса (положительный / отрицательный) эмоций [Шаховский, 2017, с. 26]. Однако, О. Д. Тарасова замечает, что точно обозначить параметры экологичности не представляется возможным из-за некоторых особенностей как самих эмоций и слов, обозначающих их, так и психики отдельного человека при восприятии информации [Тарасова, 2016, с. 95]. Отмечаются следующие трудности: 1) амбивалентность природы некоторых эмоций; 2) влияние контекста на знак эмотивности; 3) психологические особенности коммуникантов [Корзун, 2023, с. 121-131].

Необходимо учитывать множество факторов: вид и характер окружающей среды, модус эмоций, психофизиологические (и другие) особенности коммуникантов. Роль коммуникантов в определении параметров экологичности /

неэкологичности общения, а именно то, с какими намерениями говорящий вступает в коммуникацию и с какими впечатлениями слушающий выходит из нее, имеет важнейшее значение.

В. И. Шаховский пишет: «Общеизвестно, что существует прагматика говорящего (инициальная интенция) и прагматика слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения» [Шаховский, 2017, с. 15]. Следовательно, для того, чтобы общение считалось экологичным, интенция говорящего и эффект от общения на слушающего должны совпадать: добрые намерения говорящего позитивно влияют на успешность коммуникации и на эмоциональное состояние слушающего. «В случае положительной интенции каждого из партнеров коммуникация является экологичной, в случае отрицательной – неэкологичной, а положительный или отрицательный знак интенции зависит от мотивов коммуникантов» [Солодовникова, 2010, с. 59–62]. Таким образом, интенция говорящего, несомненно, является важным критерием при определении экологичного общения, но не самым главным, так как реакция слушающего оказывается, в конечном итоге, не менее значимой [Самигуллина, Корзун, 2023, с. 1496-1504].

Действительно, существует множество ситуаций, когда интенция адресанта и реакция адресата не совпадают: например, ложь во спасение (если она открывается), похвала (с которой адресат не согласен), критика (даже конструктивная) и т.п. Следовательно, при оценке экологичности и успешности коммуникации во главу угла необходимо ставить не говорящего и его интенцию, а слушающего, т.е. оценку его (психофизиологического) состояния в результате общения [Там же, с. 1500]. Конечно, фактор адресата учитывается в теории вежливости, в эмотиологии, но акцент при этом в основном на важности учета чувств и эмоций адресата, а не на конечном эффекте всей коммуникативной ситуации. Более того, при желании говорящего учитывать реакцию собеседника, ожидания первого могут не оправдаться, и его положительная интенция может произвести отрицательное воздействие на слушающего. Соответственно, экологичность / неэкологичность коммуникации не всегда зависит исключительно

от интенции адресанта, немаловажную роль здесь играет фактор адресата, а именно эффект, производимый общением на его эмоциональное и физическое состояние. Таким образом, экологичную коммуникацию можно определить как общение, «основанное на **позитивных эмоциях**, производимое с **благими намерениями** со стороны говорящего и оказывающее **положительное влияние** на слушающего» [Самигуллина, Корзун, 2023, с. 1499].

Следует отметить, что именно на этом определении экологичности коммуникации основывается первая часть модели практического анализа данного диссертационного исследования. Каждая коммуникативно-эмоциональная ситуация анализируется по трем пунктам определения экологичности коммуникации: преобладающий оценочный знак эмотивов, интенция говорящего и реакция слушающего. После этого коммуникативно-эмоциональные ситуации проверяются на соответствие трем параметрам экологичности (по Н. Г. Солодовниковой): искренность, доброжелательность и этичность. Далее делается вывод, являются ли рассматриваемые КЭС экологичными / неэкологичными.

Следующая часть анализа основана на лингвосинергетической интерпретации экологичности / неэкологичности коммуникации. В ГЛАВЕ 2 рассматривается термин «художественный дискурс» с целью обоснования его использования в качестве источника материала для практического анализа. Следует отметить что дискурс является отправной точкой многих лингвистических исследований, поскольку, с одной стороны, ведет к систематизации языковых средств, а с другой стороны, становится завершающим этапом работы, на котором объясняются условия функционирования языковых средств, и происходит выработка прескрипций [Лазуткина, 2022, с. 74]. Кроме того, «художественная коммуникация, в которой неизбежно представлено эмоциональное поведение персонажей, является стилизованным вариантом естественной коммуникации, которая невозможна без называния, выражения и описания эмоций» [Шаховский, 2017, с. 17]. Это и обусловило выбор художественного дискурса в качестве эмпирической базы для анализа в данной работе.

Итак, для практического исследования из произведений художественного дискурса отбираются коммуникативно-эмоциональные ситуации для дальнейшего их анализа на экологичность / неэкологичность. Термин «коммуникативно-эмоциональная ситуация» (КЭС, по терминологии В. И. Шаховского) – это бленд двух понятий: «эмоциональная коммуникация» + «коммуникативная ситуация».

- Эмоциональная коммуникация – особый вид коммуникации, параметрами которой являются эмоциональные стимулы, интенции, ситуации, реакции, цель – эмоциональное самовыражение, эмоциональное отношение говорящего к чему / кому-либо, или эмоциональное воздействие на получателя [Шаховский, 1990]. В языке эмоциональная коммуникация выражается эмотивными средствами [Вахрушева, Ионова, 2021, с. 10].
- Коммуникативная ситуация – конкретная ситуация общения, в которую входят партнеры по коммуникации. Коммуникативная ситуация определяет речевое поведение, способы реализации коммуникативной интенции, является неречевым компонентом процесса общения [Новый словарь методических терминов и понятий, URL]. Коммуникативная ситуация – это система взаимодействующих факторов (реальных и воображаемых), побуждающих участников к общению и определяющих их речевое поведение [Толковый переводоведческий словарь, URL]. Коммуникативная ситуация – то же, что и коммуникативный акт: отдельное речевое действия, фрагмент коммуникации, например, реплика одного из собеседников в диалоге [Учебный словарь стилистических терминов, URL]. Коммуникативная ситуация является синонимом ситуации общения, которая включает говорящего, слушающего и отношения между ними, а также место, способ, средство, тональность, цель общения. Изменения одного параметра приводит к изменению всей коммуникативной ситуации [Жеребило, 2012].

В данной работе коммуникативно-эмоциональная ситуация представляется оптимальной единицей для анализа, так как отвечает всем предъявляемым

требованиям: наличие адресанта и адресата, наличие акта коммуникации, эмоциональная окрашенность общения и эмотивность речи, инициальная интенция говорящего, реакция слушающего и конечный эффект, производимый на него актом коммуникации.

В качестве резюме обозначим основные моменты, на которых строится данная работа. Эмотивная лингвоэкология базируется на тезисе эмотиологии о том, что человек не только *homo sapiens*, но еще и *homo sentiens*, так как во многом он руководствуется эмоциями, которые, в свою очередь, определяют когницию. Эмоции и способы их выражения имеют основополагающее значение, потому что наглядно демонстрируют проявление человеческого фактора в языке [Солодовникова, 2022, с. 101].

Проблемы, которые поднимает и решает экоэмотиология, продиктованы жизнью и связаны с заботой о человеке: «лингвистика эмоций и эмотивная лингвоэкология уже много достигли в теоретическом отношении, но еще предстоит самое главное – как внедрить все это в практику общения? И как сделать людей добрее, этичнее, справедливее и более эмоционально уравновешенными» [Шаховский, 2018, с. 160]. В этом состоит актуальность экологичного общения: в современной коммуникации необходимо осуществлять охрану как самого языка, так и охрану от него же [Шаховский, Солодовникова, 2013, с. 33], а также развивать у общества экологическую компетенцию.

Общение пронизывает всю жизнедеятельность современного человека. Любое общение сопровождается эмоциями, они влияют на процесс и результат общения. Поскольку связь человека, языка и среды очевидна и доказана, возникает четкое осознание того, что необходимо заботиться обо всех компонентах этой цепи, что требует времени и усилий по формированию соответствующей базы и в деле воспитания общества. Исследователи в области эмотивной лингвоэкологии стремятся перенести основные ее теоретические постулаты в сферу практического применения, чтобы сделать язык здоровее, среду и общение – экологичнее, человека и общество – успешнее.

Выводы по ГЛАВЕ 1

Языкознание в течение последних столетий прошло долгий путь развития, который сопровождался сменой научных парадигм. Сравнительно-историческую сменила системно-структурная (или структуралистская), а затем когнитивная, или антропоцентрическая. Серьезные экологические проблемы планетарного масштаба направили вектор развития науки от антропоцентризма к экоцентризму, т.е. на путь сохранения природы и человека. Начинается «экологизация» различных научных областей, в том числе и лингвистики. Происходит постепенное ее слияние с экологией, что порождает новое направление в языкознании – эколингвистику (или лингвоэкологию).

В рамках эколингвистики постулируется тесная взаимосвязь человека как части экосистемы, среды как места обитания человека, и языка как инструмента взаимодействия человека и среды. Также изучается влияние этих компонентов друг на друга. Более того, пристальное внимание ученых привлекают вопросы сохранения здоровья человека, среды и языка. Однако, невзирая на растущую популярность новой дисциплины, на сегодняшний день ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике нет единого подхода к определению лингвоэкологии, равно как и к ее наименованию. Так, в современных трудах встречаются термины «экология языка», «эколингвистика» и «лингвоэкология», ученые предпринимают попытки к их разграничению, подчеркивая различные аспекты данного направления.

Лингвоэкология сегодня представляет собой актуальное и перспективное направление языкознания, вобравшее в себя понятийный аппарат и методологию как экологии, так и лингвистики. Она выстроила прочные связи с другими отраслями науки: социологией, психологией, культурологией и пр. В лингвоэкологии выделяют различные подотрасли, одной из которых является эмотивная лингвоэкология, получившая свое начало благодаря трудам В. И. Шаховского. Данное направление возникло на базе лингвистики эмоций (эмотиологии) и лингвоэкологии. Эмоции – неотъемлемая часть жизни человека, в

особенности его коммуникации, поэтому важно рассматривать эмоции и их влияние на психофизиологическое здоровье коммуникантов в процессе общения. Задача эмотивной лингвоэкологии – научить собеседников выражать свои эмоции так, чтобы это не причиняло вреда ни говорящему, ни слушающему.

В рамках эмотивной лингвоэкологии основополагающими являются понятия «эмотивность» и «экологичность». Термин «экологичность» означает «здоровье» как человека, так и языка, который он использует для коммуникации. «Эмотивность» – это лингвистическая эмоциональность, т.е. то, как человек выражает свои эмоции в языке и речи. Взаимосвязь между терминами заключается в следующем: для того, чтобы коммуникация была «здоровой», т.е. не приносящей вред собеседникам, эмотивность должна быть экологичной. При этом экологичная эмотивность не равна положительной (осуществляемой только с помощью позитивных эмоций). Эмотивность может быть отрицательной, оставаясь при этом экологичной, если собеседники прикладывают усилия для того, чтобы даже негативные эмоции выразить корректно и этично, не причиняя психологического дискомфорта партнеру по коммуникации.

Важным для эмотивной лингвоэкологии является разграничение терминов «эмотивность» и «эмоциональность» по линии «психологическое» / «лингвистическое». «Эмоциональность» – это категория психики, заключающаяся в способности человека выражать эмоции, в то время как «эмотивность» является лингвистической категорией, которая сводится к отражению эмоций с помощью языковых средств. Важным в этой связи является вопрос о том, как определить, является ли эмотивность экологичной. Для этого необходимо установить параметры экологичной / неэкологичной коммуникации.

Экологичность коммуникации тесно связана с культурой речи, т.е. с владением языковой нормой устного и письменного языка. Однако, культура речи – это гипероним по отношению к экологичности, так как культурная речь не всегда является одновременно экологичной. Экологичная речь включает в себя не только использование нормативной лексики и следование правилам ее корректного

употребления, но и другие параметры, соблюдение которых делает коммуникацию не только успешной, но и положительно влияющей на коммуникантов.

Экологичную коммуникацию следует отличать от вежливой и позитивной коммуникации, а неэкологичную – от невежливой / антивежливой и деструктивной. Вежливость и антивежливость можно считать зонтичными терминами для вышеперечисленных видов коммуникации, которые включают в себя экологичное / неэкологичное общение, но не являются тождественными. Позитивная коммуникация отличается от экологичной тем, что ее цель – эвокация положительных эмоций у коммуникантов, при этом средства достижения цели не всегда могут быть этичными. Разница между деструктивной коммуникацией и неэкологичной заключается в том, что для первой характерна негативная интенция говорящего, что не является обязательным критерием неэкологичного общения. Таким образом, экологичная коммуникация – это общение, основанное на **позитивных эмоциях**, производимое с **благими намерениями** со стороны говорящего и оказывающее **положительное влияние** на слушающего. Основными параметрами экологичной коммуникации являются **искренность, доброжелательность и этичность**.

Определение параметров экологичности / неэкологичности предполагает учет ряда факторов, влияющих на коммуникацию в каждом конкретном случае: от социально-биологических качеств самой личности до характера окружающей среды, от амбивалентности эмоций до учета контекста их употребления и т.п.

Кроме того, недостаточно знать параметры экологичности. Чтобы коммуникация была успешной, среда экологичной, а человек и язык здоровыми, необходимо следовать данным параметрам. Этого можно добиться, развивая, распространяя и обучая людей экологической компетенции, в чем и заключается одна из основных задач эмотивной лингвоэкологии.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

2.1. Лингвосинергетика: исторический аспект

Начиная с середины прошлого столетия и до настоящего времени, в научном пространстве продолжается поиск универсального языка жизнедеятельности, коммуникации и познания, т.е. того, что немецкий физик-теоретик Герман Хакен (Hermann Haken), автор термина «синергетика», называл «междисциплинарным направлением, охватывающим самые разные области знания – от физики до психологии и философии» [Хакен, 2000, с. 3]. Несмотря на то, что математика, кибернетика, космология, лингвистика, психология и ряд других дисциплин в разные периоды претендовали на звание универсального языка научной коммуникации, именно синергетика ближе всего подошла к первенству в этом противостоянии.

Действительно, сближение различных наук и дисциплин – процесс не новый, примером чему может служить лингвоэкология, появившаяся на стыке экологии и лингвистики. Пожалуй, не осталось такой дисциплины, которая в своей научной коммуникации не использовала бы терминологию других областей знания (например, термины «поле», «единица», «ядро», «эволюция», «энергия», «закон», «знак» и мн. др. давно и успешно используются как гуманитариями, так и представителями точных и технических наук). С развитием интернета процесс экспансии универсального языка значительно ускорился, определяя траекторию эволюции научного сознания. В последние десятилетия процесс взаимного проникновения терминологического аппарата различных дисциплин заметно усилился. Так, в гуманитарных науках привычными стали термины «квант», «эксперимент», «интерпретация»; в естественно-научных – «метафора», «коннотация», «текст»; а «космос», «хаос», «система» стали универсалиями современной коммуникации. Подобные сближения активизировали интерес к «синергетике» как междисциплинарной науке. Термин «синергетика», или

«синергия» (феномен эффективного слияния усилий разных людей), как называл его американский психолог Абрахам Маслоу (Abraham Harold Maslow), активно входит в многожанровую речевую практику и многостороннюю профессиональную деятельность [Там же, с. 12].

«Синергетика» (от греч. «synergia» «совместно» + «действующий» – кооперация, содействие, сотрудничество) – это междисциплинарное научное направление, изучающее общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку [ЭЭФН, URL]. По определению Л. А. Мосионжника, синергетика – это «математическая наука, исследующая законы самоорганизации в сложных неравновесных системах; междисциплинарный метод, изучающий самопроизвольное возникновение порядка в сложных системах различной природы; философский метод, опирающийся на достижения естественнонаучных дисциплин, в центре внимания которого – диалектика хаоса и порядка» [Мосионжник, 2003, с. 23]. Междисциплинарность синергетики обуславливается общим математическим аппаратом описания и принципами, управляющими процессами самоорганизации [Зайченко, 2013, с. 67], представляющей собой одновременно целенаправленный и спонтанный процесс создания и организации сложной динамической системы [Фещенко, 2006, с. 98].

Возникновение синергетики зачастую воспринимают лишь как продолжение и развитие идей кибернетики американского математика Норберта Винера (Norbert Wiener) и общей теории систем австрийского биолога Людвиг фон Бергаланфи (Ludwig von Bertalanffy), что не совсем так, поскольку сфера исследовательских интересов кибернетики сводится к понятию «информация», в то время как синергетика исследует вопросы самоорганизации систем. «Именно синергетика дала импульс к пониманию механизмов саморазвития и самоорганизации открытых нелинейных систем, обратила внимание на принципы выбора направления дальнейшей эволюции в точках бифуркации в ходе движения к структурам-аттракторам, представляющим собой цели эволюции системы» [Князева, Курдюмов, 1994, с. 8-11]. Кроме того, предшественником синергетики считается написанная А. А. Богдановым в 20-е гг. XX в. «Тектология», задачей

которой было выявление единых для природы и человеческой деятельности организационных законов, а также объединение всех гуманитарных, биологических и физических наук [Там же, с. 11-12]. А. А. Богданов утверждает, что «у человека нет иного вида деятельности, кроме организационной, а все интересы человечества – организационные» [Богданов, 1921, с. 2].

Французский математик, физик и философ Анри Пуанкаре (Henri Poincaré) по праву считается одним из первых ученых-синергетиков, заложившим в конце XIX в. основы современной теории динамических систем и предложившим терминологический аппарат синергетики (аттрактор, точка бифуркации, неустойчивая траектория и динамический хаос) [Буданов, 2008], а также отметившим важную функцию математических методов: объединение всех наук и «их счастливое равновесие» [Пуанкаре, 1983, с. 385]. В 1963 г. настоящей сенсацией становится работа американского математика и метеоролога Эдварда Лоренца (Edward Norton Lorenz), инициировавшего изучение динамического хаоса, образом которого выступает «эффект бабочки (взмах крыльев которой на одном конце света может вызвать ураган на другом конце света)» [Аттрактор и бабочка, URL]. В 1970-х гг. чилийские нейробиологи Умберто Матурана (Humberto Maturana) и Франсиско Варела (Francisco Javier Varela García) предлагают эволюционную концепцию автопоэзиса (самовоспроизведения), присущего всем живым системам [Матурана, Варела 2001], которая вызвала огромный интерес и стала междисциплинарной, несмотря на свою биологическую основу [Калашникова, 2019, с. 17-18]. К 80-м гг. XX в. общенаучная картина мира радикально меняется, возникает универсальный эволюционизм (Э. Янч, Н. Н. Моисеев) – единый подход к миру сложных явлений в попытках сформировать принципы новой общенаучной картины мира [Буданов, URL].

Так, в XX в. постепенно происходит формирование новой парадигмы самоорганизации, которой Г. Хакен в 1969 г. дает название «синергетика» и вводит это понятие в науку [Комарова, 2012, с. 274]. «С конца 60-х годов XX века до наших дней идет неуклонное расширение синергетического мировоззрения» [Там же]. Суть синергетики заключается в сотрудничестве отдельных частей сложной

системы, в результате чего система самоорганизуется, т.е. приобретает новую структуру [Хакен, 2003, с. 14]. Кроме того, Г. Хакен приходит к выводу, что любые неравновесные системы (физические, биологические и др.) ведут себя одинаково, подчиняясь единым принципам развития, что позволило ученому вывести синергетику за пределы естественных наук [Хакен, 1980]. Г. Хакен определяет синергетику как «междисциплинарное направление, в рамках которого изучаются общие принципы, управляющие возникновением пространственных, временных и функциональных структур и (или) функций в результате самоорганизации и фазовых переходов «беспорядок – порядок» или «порядок – беспорядок» для широкого класса сложных систем в самых различных областях от физики до социологии» [Хакен, 1985, с. 16-19]. Синергетика, таким образом, является наукой о самоорганизованном коллективном поведении, подчиненном общим закономерностям, через одновременную конкуренцию и кооперацию единиц разных уровней [Хакен, 2003, с. 24-25].

Наряду с Институтом синергетики и теоретической физики в Штутгарте (Германия), возглавляемом Г. Хакеном, активное развитие получила Брюссельская школа И. Р. Пригожина [Моташкова, 2015, с. 12]. Лауреат Нобелевской премии по химии в 1977 г. за открытие в области неравновесных систем и основатель неравновесной термодинамики, И. Р. Пригожин считал, что синергетика – это «наука, не ограничиваемая более идеализированными и упрощенными ситуациями, а отражающая всю сложность реального мира, наука, рассматривающая нас и нашу деятельность как неотъемлемую часть фундаментального «тренда» на всех уровнях природы» [Пригожин, 2000, с. 14]. Следует отметить, что между Брюссельской (И. Р. Пригожина) и Штутгартской (Г. Хакена) школами существуют некоторые различия в терминологическом аппарате. В отличие от Г. Хакена, И. Р. Пригожин вместо термина «синергетика» использует понятие «неравновесная динамика», полагая, что именно неравновесность является источником упорядоченности.

Есть и другие подходы к определению синергетики. Например, Ю. А. Данилов и Б. Б. Кадомцев используют термин «X-наука», определяя синергетику как «одно из возможных, но далеко не единственное, значение X некой

X-науки, занимающейся исследованием процесса самоорганизации и образования, поддержания и распада структур в системах самой разной природы» [Аршинов, 1999, с. 7]. Такой подход объясняется невозможностью упорядочить накопленные знания в единую систему из-за бурных темпов развития этой X-науки, а также различий в методологическом аппарате и в понимании ее роли в современной научной парадигме [Данилов, Кадомцев, 1983, с. 5-6]. С. П. Курдюмов и Е. Н. Князева трактуют термин «синергетика» как «теорию эволюции и самоорганизации сложных систем мира» [Князева, Курдюмов, 1998]. Д. С. Чернавский определяет синергетику как «общую теорию неустойчивостей в системах различной природы» [Чернавский, 2004]. Однако, несмотря на различия в подходах, растущее множество методов описания динамических систем ассоциируется именно с синергетикой [Буданов, 2008, с. 12].

Благодаря адаптивности, преемственности, рефлексивности и самоприменимости синергетики, а также открытости ее методов и толерантности к гипотезам, она быстро приобрела популярность и стала широкоупотребимой [Буданов, URL]. Немецкий философ и ученый Клаус Майнцер (Klaus Meinzer) пишет, что синергетику можно рассматривать «как стратегию, позволяющую успешно справиться со сложными системами даже в гуманитарных областях знания» [Майнцер, URL]. Так, универсальность идей синергетики позволяет использовать их не только в естественнонаучных, но и гуманитарных областях: биологии, искусстве, культуре, лингвистике, педагогике, социологии [Мамонова, 2015, с. 35].

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод, что синергетика играет «роль метанауки, которая изучает общий характер тех закономерностей и зависимостей, которые частные науки считали своими, и возникает не на стыке наук, а извлекает представляющие для нее интерес системы из предметной области частных наук и исследует эти системы своими специфическими средствами, носящими общий характер по отношению к частным наукам» [Данилов, URL]. Как отмечает В. З. Демьянков, «теория и даже целая дисциплина может стать парадигмой в силу своей привлекательности в данную эпоху. А привлекательность

идей заключается, не в последнюю очередь, в их продуктивности» [Демьянков, 2006, с. 26].

Таким образом, возвращаясь к проблеме поиска универсального языка коммуникации, в том числе научной, можно уверенно говорить о том, что таким метаязыком постепенно становится синергетика. Это направление, возникшее в области естественно-научных дисциплин, постепенно приобрело статус междисциплинарного, так как его терминологический аппарат, принципы и методология доказали свою применимость и продуктивность не только для точных, но и для гуманитарных наук.

2.1.1. Интеграция синергетики в гуманитарные науки

Принципиальное достоинство синергетики как универсального языка научной коммуникации заключается в ее открытости, готовности к диалогу с другими научными дисциплинами с одновременным признанием их самоценности. В рамках синергетики различные научные области и дисциплины идут навстречу друг другу, обмениваясь характером своего осмысления мира [Моташкова, 2015, с. 14]. Так, терминология синергетики начала все чаще использоваться в социо-гуманитарных науках (социологии, истории, психологии), хотя часто в метафорическом значении [Бакиев, 2015, с. 39]. В. Г. Буданов, например, разграничивает строгую синергетику («ядро») и мягкую, метафорическую синергетику («ауру»), которая является пространством для диалога с другими направлениями и через новые методы питает ядро синергетики [Буданов, 2008, с. 22]. Однако, у некоторых ученых, занимающихся исследованиями в области естественно-научных дисциплин, подобная тенденция вызывает вполне закономерные опасения, связанные со злоупотреблением «псевдосинергетическими» категориями в междисциплинарном научном пространстве [Калашникова, 2019, с. 29].

Тем не менее, синергетика давно вышла за границы естественно-научных дисциплин и стала «общенаучной теорией самоорганизации сложных и

сверхсложных систем» [Комарова, 2012, с. 272]. Многие учёные считают синергетику новым типом мировоззрения [Там же, с. 273]. Д. С. Чернавский, например, целью синергетики видит возрождение в науке эпохи Ренессанса, т.е. объединение естественных и гуманитарных наук [Чернавский, 2010, с. 7]. Занимаясь изучением становления и развития сложноорганизованного целого, выявлением внутренних механизмов эволюции и самоорганизации открытых нелинейных динамических систем, синергетика очерчивает общие рамки исследования, ментальную схему, эвристический подход к решению той или иной проблемы, обеспечивает ученых определенной установкой при изучении поведения сложных систем в различных областях науки [Князева, Курдюмов, 2011, с. 50].

Возникновение синергетического направления в языкознании связывают с именами ученых немецкой школы «синергетической лингвистики» (Synergetic Linguistics) Вольфгангом Вильдгеном (Wolfgang Wildgen), Рейнхардом Кёлером (Reinhard Köhler) и их последователями, а также с именем отечественного ученого Р. Г. Пиотровского. Исследования на данном этапе носят преимущественно прикладной характер, а целью синергетической лингвистики является создание единой системной парадигмы для эмпирического описания взаимодействия всех языковых закономерностей, которые определяют поведение системы в целом [Бакиев, 2015, с. 40]. В отечественной прикладной лингвистике разработкой синергетических механизмов развития языка занимался Р. Г. Пиотровский. Ученый (анализируя тексты индоевропейской семьи языков) выявляет определенные модельные зависимости, «которые можно рассматривать в качестве внешних симптомов работы синергетических механизмов» [Пиотровский, 2006]. Также Р. Г. Пиотровский выделяет два способа изучения данных закономерностей: синхроническая синергетика (описывает закономерности языка, обеспечивающие его устойчивость в синхронном срезе в пределах гомеостаза) и диахроническая синергетика (описывает внутренние механизмы спонтанной самоорганизации языка). Сущность синергетической парадигмы, по Р. Г. Пиотровскому, заключается «в поиске скрытых от прямого наблюдения механизмов самоорганизации и

саморазвития систем языка и речи» [Пиотровский, URL]. Исследования ученого «опираются на фундаментальное представление о языке как об открытой саморазвивающейся, не узуральной системе» [Там же].

На рубеже XX–XXI вв. накопленный теоретический и практический материал получает свое новое осмысление, термин «синергетическая лингвистика» сменяется термином «лингвосинергетика» [Дрожащих, 2009]. В России у истоков лингвосинергетики стоят такие ученые, как В. И. Аршинов и Я. И. Свирский, Л. В. Бронник, И. А. Герман и В. А. Пищальникова, С. К. Гураль и др. Кроме того, изучением текста с позиций лингвосинергетики занимаются Т. В. Андрусенко, К. И. Белоусов, Н. В. Дрожащих, И. Ю. Моисеева, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкина, И. Н. Пономаренко и др. К исследованию дискурса как самоорганизующегося феномена обращаются Н. Ф. Алефиренко, В. Ю. Барбазюк, В. Г. Борботько, Н. С. Олизько и др. Также при рассмотрении дискурса отдельное внимание уделяется изучению концепта (Л. В. Бронник, А. В. Гирнык, Е. В. Зубкова, Н. В. Мамонова), метафоры (А. Г. Бакиев, М. Ф. Гайнаншин, А. С. Самигуллина, С. А. Хахалова), фракталов (Н. С. Олизько, С. Н. Плотникова, В. В. Тарасенко) и др. [Калашникова, 2019, с. 33-34].

Проанализировав вышеперечисленные подходы и исследования, можно прийти к выводу, что понятийный аппарат синергетики, ее принципы и методология активно и продуктивно используются в лингвистике, что подтверждает универсальность этой науки. Однако, следует отметить, что и синергетика во многом зависит от гуманитарных наук. Так, например, Ю. А. Данилов, один из теоретиков синергетики, снимает границу между филологией и физикой [Данилов, 1973]. Лингвистика занимает особое место в синергетических процессах, поскольку от нее зависят все остальные науки, используя в своих описаниях как минимум национальные языки [Моташкова, 2015, с. 14]. Направление «лингвистика + синергетика» отражает современные научные представления в их стремлении к синтезу наук, где язык является основой благодаря его коммуникативной, мнемонической и дескриптивной природе. Язык синергетики – это, помимо культуры, язык самой эволюции [Князева, 2010].

Синергетика позволяет по-новому взглянуть на эволюционные процессы в природе, в то время как лингвосинергетика дает возможность пересмотреть представление о языковой системе как об открытом, сложном и универсальном языке коммуникации [Моташкова, 2015, с. 15].

Таким образом, синергетика, зародившись в области естественных наук, постепенно проникла и в гуманитарные. Этому способствовала универсальность терминологического аппарата, принципов и методологии синергетики, что делает ее своего рода метанаукой. Языкознание, с его историей воззрений на язык как на систему (в рамках структуралистского подхода), стало благодатной почвой для интеграции синергетической парадигмы в сферу лингвистических учений, которая происходила в два этапа. Первый этап – это возникшая на основе трудов немецких ученых синергетическая лингвистика, которая исследовала язык с прикладной точки зрения. Второй этап – связанная с именами отечественных ученых лингвосинергетика, объединившая в себе множество различных направлений: от рассмотрения текста и дискурса как самоорганизующихся систем до изучения концепта, метафоры с позиций синергетики и фрактального моделирования. Отметим, что в рамках данного диссертационного исследования особый интерес представляет подход, основанный на фрактальном моделировании англоязычного художественного дискурса как самоорганизующейся системы.

2.1.2. Основные принципы и методологическая база синергетики

Синергетика как наука имеет дело с процессами самоорганизации систем в неравновесной среде. Термин «самоорганизующаяся система» ввел английский психиатр и специалист по кибернетике Уильям Росс Эшби (William Ross Ashby). Ученый относил к самоорганизующимся системам «сложные динамические системы, которые под влиянием изменений внешних или внутренних условий их существования и развития, а также с учетом прошлого опыта, создают, сохраняют, воспроизводят и совершенствуют свою организацию» [Ashby, 1947].

Процесс самоорганизации представляет собой процесс эволюции системы, подразумевающий ее качественный переход от одного состояния к другому под действием противоборствующих тенденций и внутреннего взаимодействия элементов в самой системе. Для описания процессов самоорганизации С. П. Курдюмов использует термины триады Ч. Дарвина: изменчивость (постоянное присутствие факторов случайности и неопределенности); наследственность (бесконечная или ограниченная память системы, поскольку накопление и сохранение информации происходит нелинейно и сопровождается состояниями порядка и хаоса); (естественный) отбор (конкурирование тенденций, даже самых незначительных, за право определять ход эволюции системы) [Курдюмов, URL].

Герман Хакен в своих работах перечисляет основополагающие постулаты синергетики (см. подр. [Хакен, 2000, с. 55]). И. А. Герман на основе положений Г. Хакена формулирует два основополагающих лингвосинергетических принципа: открытость и нелинейность языковой системы. Эти принципы порождают определенные следствия: разрастание флуктуаций; пороговость чувствительности; дискретность путей эволюции; возможность эмерджентных изменений [Герман, 2000]. По мнению Н. С. Олизько, в основе синергетики лежат единые для частно- и общенаучных теорий принципы: нелинейность; неустойчивость; нелокальность; открытость; подчиненность [Олизько, 2009].

Однако, наиболее универсальными и применимыми считаются синергетические принципы, соотносящиеся с фазами самоорганизации систем, которые выделил В. Г. Буданов. Ученый условно разделил их на

- принципы Бытия (характеризующие самосохранение системы): гомеостатичность и иерархичность;
- принципы Становления (характеризующие обновление системы): нелинейность, незамкнутость (открытость), неустойчивость, эмерджентность и наблюдаемость [Буданов, 2008, с. 51].

Принципы Бытия обеспечивают относительно равновесное состояние системы до наступления неравновесности – «состояния удаленности от равновесия

(под действием некоторых сил), характеризуемое процессами обмена между динамической системой и внешней средой» [Пономеранко, 2004, с. 72]. Для выбора одного из путей развития системе достаточно даже самого незначительного влияния на любом из ее уровней, что по цепочке вызывает инновации на других уровнях и ведет к нарушению равновесия всей системы [Зайченко, 2013, с. 78].

Гомеостатичность. Гомеостаз – тип динамического равновесия, состоящий в поддержании параметров сохранения системы в допустимых пределах [НФЭ, URL]. Самостабилизация и стремление к порядку является целью любой сложной системы, корректирующей ее поведение при помощи механизмов обратных связей, которые подавляют любые отклонения, возникающие под действием окружающей среды [Тельнова, 2006, с. 15]. Обратные связи могут быть положительными (увеличивают воздействие управляющего параметра, приводя систему к разрушению) и отрицательными (изменяют воздействие управляющего параметра, способствуя поддержанию системы в устойчивом состоянии) [Князева, Курдюмов, 1998, с. 24].

В состоянии гомеостатичности система стремится к «аттрактору» (от лат. «attractor» – «притягиватель»), который в общем смысле представляет собой конечную цель эволюции системы, притягивая к себе возможные траектории и сужая круг возможных путей ее развития [Аршинов, 1999, с. 86]. «Аттракторы свидетельствуют о таком выборе режима эволюции системы, который является для нее наиболее благоприятным» [Герман, 2000, с. 43]. Л. А. Асланов считает аттракторы «воронками, которые втягивают в себя множество траекторий и определяют ход эволюции системы на участках, даже отдаленных от жерла такой воронки» [Асланов, 2001, с. 37-38]. Аттракторы могут быть простые (при которых поведение системы предсказуемо) и странные (при которых поведение системы невозможно предсказать точно) [Мосионжик, 2003].

Иерархичность. Для многоуровневых динамических систем иерархичность является важнейшим принципом, поскольку обеспечивает функционирование всей системы через управление процессами на ее различных уровнях [НФЭ, URL]. В иерархии сложных систем выделяют микро-, макро- и мегауровень [Буданов, 2008,

с. 159-160]. «Каждый уровень характеризуется целостностью и определённой перспективой саморазвития и является необходимым условием для существования и развития последующего уровня» [Тельнова, 2006, с. 16].

Иерархичность системы строится на параметрах порядка, действующих в соответствии с аттракторами системы. Являясь устойчивыми переменными более высокого уровня, параметры порядка задают тон поведения всей системы [Хакен, 2003, с. 89].

Принципы Становления способствуют обновлению системы путем возникновения новой и более совершенной организации.

Нелинейность. В точных науках распространён принцип линейности, основанный на суперпозиции (наложение / сложение), т.е. результат суммарного воздействия на систему равен сумме результатов, при этом изменение параметра какого-либо воздействия меняет результат воздействия [Мамонова, 2015, с. 46]. Математический термин «нелинейность», наоборот, допускает наличие нескольких решений. В синергетике «нелинейность» – это возможность многовариантного, альтернативного эволюционного развития системы, зависимость свойств системы от комплекса протекающих в ней процессов и от внешних воздействий [Пономаренко, 2004, с. 73]. Согласно принципу нелинейности, «результат суммы воздействий (под которыми в широком смысле понимаются некие внутренние или внешние изменения) на систему не равен сумме результатов этих воздействий» [Буданов, 2008, с. 56]. Благодаря этому принципу невозможно однозначно предсказать многовариантный вектор развития системы [Тельнова, 2006, с. 17].

Если говорить о путях эволюции, нелинейная система в состоянии неравновесия движется к некоторой критической точке, которую называют «точкой бифуркации». «Бифуркация» (от лат. «bifurcatio» – «раздвоение») – это «точка (или область) “ветвления”, в которой неравновесная система выбирает один из путей своего дальнейшего развития в момент структурных перестроек» [Пономаренко, 2004, с. 75]. Точка бифуркации – это показатель нарушения устойчивости системы, когда она выбирает дальнейший путь эволюции: либо вернуться к прежнему аттрактору, либо изменить направление движения к новому

аттрактору [Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 216-218]. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов отмечают, что выбор в точке бифуркации происходит через случайность («эффект бабочки» Э. Лоренца), которая больше не повторяется [Князева, Курдюмов, 1994, с. 22-24].

Незамкнутость (открытость). Самоорганизация системы невозможна без ее незамкнутости, которая проявляется в способности системы взаимодействовать с окружающей средой [Мечковская, 2007], испытывая при этом на себе ее воздействие, что способствует оформлению и усложнению системы. Воздействие среды (факторы среды) иногда настолько сильно, что система его не выдерживает и оказывается в состоянии неустойчивости / неравновесности. Это приводит систему либо к разрушению, либо к изменению структуры, что соответствует конструктивному и деструктивному путям выхода открытых систем из кризиса [Ровинский, 2006]. При этом, благодаря принципу нелинейности, путь изменения системы заранее предсказать невозможно [Пиотровский, 2006]. В. Г. Буданов отмечает, что «при переходе от одного состояния относительного равновесия к другому система становится обязательно открытой в точках бифуркации» [Буданов, URL].

Открытость системы обуславливает ее эволюцию через обмен информацией, энергией, веществом между уровнями, а также с внешней средой. Это делает открытые системы более адаптивными и жизнеспособными, нежели закрытые (неспособные к изменению) системы. Незамкнутые системы способны поддерживать низкий уровень энтропии (степень неупорядоченности системы), благодаря диссипации (от лат. «dissipatio» – «рассеиваю / разрушаю») во внешнюю среду излишней энергии, которая не отвечает тенденции развития системы на новом уровне организации [Пономаренко, 2004]. Благодаря механизму диссипации прежний порядок в системе разрушается и достигается окончательное установление нового.

Неустойчивость. Принципы нелинейности и незамкнутости способствуют выходу системы из гомеостаза, а повышение уровня внешнего воздействия вызывает увеличение уровня энтропии, в результате чего система оказывается в

состоянии неустойчивости. Долгое время неустойчивость воспринималась как недостаток, но синергетика трактует ее как источник возникновения нового порядка и стабильного развития системы [Тельнова, 2006, с. 18].

Открытая система более чувствительна к внешнему миру, благодаря чему она подвергается флуктуациям, приводящим ее в состояние неустойчивости [Мосионжник, 2003]. «Флуктуация» (от лат. «fluctuatio» – «колебание») – это «возмущения, колебания, случайные отклонения системы от некоторого равновесного состояния» [Пономаренко, 2004, с. 75]. Чаще всего флуктуации (воздействия внешней среды) случайны: «затухание или нарастание внешних воздействий не зависит от самой системы, поэтому предсказать судьбу системы вблизи критической точки X (точки бифуркации) невозможно. Случайность (джокер) может подтолкнуть ее как на разрушение, так и на новый путь развития» [Пиотровский, 2006, с. 16]. Следует отметить, что флуктуации играют двойственную роль: либо выступают как нейтральный фон и не дестабилизируют систему, либо переводят систему в критическое состояние и доводят ее до точки бифуркации [Зайченко, 2013, с. 79].

Эмерджентность (динамическая иерархичность). Динамичность системы проявляется в ее постоянном развитии под действием внешних и внутренних процессов. Эмерджентность описывает возникновение нового качества динамической системы по горизонтали [Сергодеев, 2016, с. 39]. Другими словами, под эмерджентностью понимается «появление спонтанно возникающих свойств, не характерных для отдельно взятых иерархических уровней, но присущих системе как целостному функциональному образованию» [Олизько, 2009, с. 95].

Наблюдаемость. Принцип наблюдаемости подчеркивает субъективность и антропоцентричность процесса познания. По словам В. Г. Буданова, «человек видит в первую очередь то, что ему близко и знакомо, то, что он сам склонен видеть и распознать» [Буданов, URL]. Наблюдаемость характеризуется относительностью процесса приобретения знаний, так как на конечный результат влияет множество факторов: от методов и условий исследования, до измерительных приборов и величин. При этом наблюдатель не способен влиять на поведение исследуемых

систем, а интерпретация результатов исследования во многом зависит от масштаба наблюдений [Буданов, 2008, с. 64].

Важно отметить, что в последнее время в лингвосинергетике выделяется еще один принцип – «симметрии / асимметрии». Симметрия (от греч. «соразмерность») характеризует «существующий в объективной действительности порядок, пропорциональность и соразмерность между составными частями целого, определенное равновесное состояние, относительную устойчивость» [Москальчук, 2011, с. 94]. Симметрия – это свойство неизменности (инвариантности) некоторых сторон, процессов и отношений объектов относительно некоторых преобразований [ФЭС, 1983]. Г. Г. Москальчук отождествляет симметрию с устойчивостью, повторяемостью, порядком частей в целом и др.; асимметрию – с неустойчивостью, перестройкой организации, сложностью и др. [Москальчук, 2011, с. 93]. И. Ю. Моисеева связывает с симметрией «определенный порядок структуры, соразмерность между частями целого, относительную устойчивость», а асимметрию рассматривает как «антипод симметрии» [Моисеева, 2007, с. 64]. По Н. С. Олизько, под симметрией «понимается соразмерность между частями целого, образуемая повтором соответствующих структур» [Олизько, 2009, с. 52].

Основываясь на синергетических принципах, выделенных В. Г. Будановым, Н. А. Тельнова отмечает, что «системам свойственно стремление к самосохранению, которое достигается за счет действия консервативных и инновационных механизмов» [Тельнова, 2006, с. 15]. Консервативные механизмы соответствуют принципам Бытия, обуславливая стремление системы к стабильности и сохранению структуры и порядка. Инновационные механизмы соответствуют принципам Становления, направляя находящуюся в состоянии неравновесности систему к более совершенной структуре и новому порядку [Бакиев, 2015, с. 30].

Таким образом, в процессе самоорганизации любая система проходит следующие фазы: равновесность, согласно параметрам порядка → неравновесное состояние системы, вызванное внешними флуктуациями (факторы среды) → точка бифуркации → хаос → диссипация излишней энергии во внешнюю среду →

становление нового порядка и структуры → движение системы в направлении аттрактора.

Следует отметить, что самоорганизация рассматривается как способность системы к саморазвитию с использованием внутренних и внешних возможностей. Самоорганизация осуществляется в процессе прохождения системой цикла «порядок-хаос-порядок» [Зайченко, 2013, с. 82]. Порядок – это благоприятное состояние системы, для которой характерна строгая упорядоченность, а также симметрия элементов и связей между ними. Хаос – это нестабильное, непредсказуемое и слабоструктурированное состояние и поведение системы. Однако, в синергетических исследованиях значение хаоса переосмысливается, утратив негативные коннотации, а разделение процесса эволюции системы на стадии порядка и хаоса является весьма условным, поскольку каждый порядок содержит часть хаоса, а в хаосе присутствуют элементы порядка [Калашникова, 2019, с. 21]. «Внутри хаоса возникает новый системный порядок (диссипативная структура) с новой самоупорядоченностью и новым механизмом самоорганизации» [Пиотровский, 2006, с. 36].

Таким образом, синергетика претендует на роль метанауки, связующего звена между естественно-научными и гуманитарными дисциплинами. Несмотря на свою относительную молодость, она заявила о себе как об универсальном языке научной коммуникации, довольно быстро распространив свои принципы, терминологию и методологию на область гуманитарных дисциплин. Так появилась лингвосинергетика, успешно развиваемая многими отечественными учеными и исследующая широкий спектр лингвистических проблем: от общей системы языка и его единиц до текстологии и дискурс-анализа.

В рамках данного исследования материалом эмпирического анализа выступает англоязычный художественный дискурс. С позиций синергетики дискурс рассматривается как саморазвивающаяся система, основными принципами организации которой являются иерархичность, нелинейность, незамкнутость (открытость), неустойчивость, эмерджентность.

2.2. Дискурс как объект исследований

История исследований дискурса начинается еще до закрепления этого термина в языкознании и связана с лингвистическими трудами В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина, которые считали живую речь («язык в действии») главнейшим языковым фактом: «действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание, и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов, 1929, с. 113]. Во второй половине XX в. внимание лингвистов начала привлекать именно событийная сторона общения, породив концепт речи «on-line» [Кубрякова, 2005, с. 29].

Сущность понятия «дискурс» виделась лингвистами по-разному в зависимости от подхода к его исследованию. Однако, различные подходы не взаимоисключают, а дополняют друг друга [Карасик, 2000], предлагая, по замечанию Марианне В. Йоргенсен и Луизы Дж. Филипс (Marianne Winther Jørgensen, Louise Gwenneth Phillips), свои основания для определения терминов «дискурс» и «дискурс-анализ» [Йоргенсен, Филипс, 2008, с. 17]. «Дискурс» (фр. «discours», англ. «discourse», от лат. «discursus» «движение, круговорот; беседа, разговор») – это неоднозначный и объемный термин ряда гуманитарных наук, «предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, – лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии» [Кибрик, Паршин, URL].

Французский лингвист Эмиль Бенвенист (Émile Benveniste) первым ввел термин «дискурс» в лингвистику. Ученый строил свою теорию на дихотомии «результат высказывания» (énoncé) – «акт высказывания» (énonciation); дискурс был отнесен к «акту высказывания» и являлся членом дихотомии «субъективное высказывание» = «речь» (discours) – «объективное повествование» = «история» (histoire). Э. Бенвенист определял дискурс как «всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным

образом воздействовать на второго» [Бенвенист, 1974, с. 276]. Ученый также противопоставил «discours» (речь, привязанную к говорящему) и «recit» (речь, не привязанную к говорящему), тем самым перенеся внимание с текста на акт высказывания [Там же, с. 312].

В работах многих зарубежных исследователей (П. Анри, Ф. Гваттари, А. Греймаса и Ж. Курте, Ж. Делеза и др.) преобладает семиотический подход к пониманию дискурса. Так, французские лингвисты Альгирдас Греймас (Algirdas Julius Greimas) и Жаклин Курте (Jacqueline Curtet) отождествляют дискурс с семиотическим процессом, а представители англо-американской лингвистики Зеллиг Харрис (Zellig Sabbetai Harris) и Джон Серль (John Searle) придерживаются структуралистского подхода [Фещенко, 2021, с. 23]. Нидерландский лингвист Тьен Адрианус ван Дейк (Teun Adrianus Van Dijk) определяет дискурс как «коммуникативное событие, сложное единство языковой формы, значения и действия» [Дейк ван, 1989, с. 121-122], выделяя в дискурсивном событии три семиотических компонента: форма (синтактика), значение (семантика) и действие (прагматика) [Фещенко, 2021, с. 23]. С точки зрения Т. ван Дейка, дискурс должен пониматься как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами» [Дейк ван, 1989, с. 8], т.е. дискурс подразумевает определенное коммуникативное событие, которое включает писателя и читателя и совершается при определенных условиях (место, время, обстоятельства и др.) [Dijk van, 1998, с. 193]. Голландский ученый Пол Верт (Paul Werth) понимает дискурс как «ситуативный контекст, окружающий само речевое событие» [Werth, 1999, с. 83]. Ученый отмечает, что дискурс отличается от текста «большим фоновым объемом знания, в котором присутствуют референциальные, дейктические отношения, предикативные и фреймовые характеристики» [Там же, с. 289]. Следовательно, «дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события, или коммуникативного акта» [Дейк ван, 2000, с. 121-122]. В этом понимании дискурс «не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого

диалога» [Там же], текст при этом рассматривается ученым как единица дискурса, т.е. как часть коммуникативного акта. Однако, в дискурс-исследованиях часто можно встретить более узкое понимание дискурса как (устного или письменного) результата коммуникативного акта, его вербального продукта [Dijk van, 1998, с. 194] [Цит. по: Сафина, 2016, с. 1065-1066].

Отечественная лингвистика заимствует из зарубежной термин «дискурс», наполняя его новым содержанием и выводя на передний план социо-прагматические факторы общения, т.е. то, что исходит от адресанта и направлено на адресата [Манерко, 2013, с. 108]. Одно из первых определений дискурса, которое отождествляло понятия «дискурс» и «текст», было дано В. Г. Борботько: «Дискурс – это тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько, 1981, с. 8].

Помимо текста, в дискурс включаются экстралингвистические факторы, необходимые для его понимания [Караулов, Петров, 1989, с. 8]. С. Е. Никитина и Н. В. Васильева считают, что дискурс – это «последовательность речевых актов, образующих связный текст, погруженный в экстралингвистический контекст» [Никитина, Васильева 1996, с. 69]. По определению Н. Д. Арутюновой, дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990, с. 136-137]. Исследователь разграничивает понятия «текст» и «дискурс», трактуя дискурс как реализацию текста в живой речи, как речь, «погруженную в жизнь» [Там же]. Ю. С. Степанов понимает дискурс как связный и достаточно длинный текст в его динамике, «соотнесенный с главным субъектом, с “эго” всего текста, с творящим текст человеком» [Степанов, 1981, с. 332], вводя, таким образом, в дискурс инстанцию авторства [Фещенко, 2021, с. 23].

Диалогический подход к дискурсу основывается на исследовании его диалогической природы. Вслед за М. М. Бахтиным, некоторые ученые понимают дискурс как форму диалога. Все сказанное не принадлежит только говорящему, свои права есть и у слушающего, следовательно, понимание высказывания диалогично [Бахтин, 1979, с. 300-301]. Развивая идеи М. М. Бахтина, Ю. Кристева пишет о том, что текст при этом рассматривается как диалог двух дискурсов [Кристева, 2000, с. 441].

Социальный подход к рассмотрению дискурса характерен для исследований французского ученого Мишеля Фуко (Paul-Michel Foucault). Ученый описывает дискурс как «тонкую контактирующую поверхность, сближающую язык и реальность, смешивающую лексику и опыт» [Фуко, 1996, с. 49], а также как общественную практическую область, которая соотносится с различными областями человеческого знания (медицина, религия, экономика) [Зайченко, 2013, с. 16-17]. О. Г. Ревзина рассматривает дискурс как «субстанцию, которая не имеет четкого контура и объема и находится в постоянном движении» [Ревзина, 2005, с. 66], обеспечивая процессы генерирования, получения, сохранения и использования знаний человеком [Там же, с. 72].

Деятельностно-коммуникативный подход к дискурсу можно обнаружить в работах многих ученых. Так, Н. Ф. Алефиренко определяет дискурс как «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, паралингвистическими и другими факторами» [Алефиренко, 2002, с. 99], которое также следует рассматривать как социальную деятельность [Там же, с. 101-102]. По В. В. Богданову, дискурс в широком смысле – это «все, что говорится и пишется, в любой репрезентации» [Богданов, 1993, с. 5]. По мнению В. З. Демьянкова, дискурс – это «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения» [Демьянков, 1982, с. 7]. Г. Н. Манаенко рассматривает дискурс как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации

текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [Манаенко, 2011, с. 91]. С точки зрения И. В. Силантьева, дискурс – это «устойчивая, социально и культурно определенная традиция человеческого общения» [Силантьев, 2006, с. 9]. По определению В. И. Тюпы, дискурс представляет собой «высказывание, речевой акт текстопорождения, включающий в себя слушающего наравне с говорящим и рассматриваемый как “коммуникативное событие социокультурного взаимодействия” (ван Дейк) субъекта, объекта и адресата» [Тюпа, 2008, с. 60].

Когнитивный (когнитивно-дискурсивный или коммуникативно-дискурсивный) подход к пониманию дискурса также популярен среди отечественных лингвистов. По мнению А. А. Кибрика, под дискурсом понимается «единство процесса языковой деятельности и ее результата» [Кибрик, 2019, с. 127]. В. И. Карасик определяет дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения» [Карасик, 2000, с. 5-6]. Ученый отмечает, что «дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [Карасик, 2002, с. 192]. Е. С. Кубрякова указывает на причинно-следственную связь дискурса и текста: «текст создается в дискурсе и является его детищем» [Кубрякова, URL]. М. Л. Макаров трактует дискурс как «языковое общение с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности» [Макаров, 2003, с. 99], при котором когнитивные структуры, опираясь на широкий социально-культурный контекст, управляют коммуникативными действиями [Там же]. В. Е. Чернявская сводит различные трактовки дискурса в зарубежном и отечественном языкознании к двум дефинициям: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивном и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская, 2001, с. 14]; 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Там же, с. 16].

Важно отметить, что в связи с развитием синергетики и ее проникновением в лингвистику популярность в последнее время приобретает синергетический подход к пониманию дискурса, который подробнее описывается далее.

В. В. Фещенко, суммировав ключевые дефиниции дискурса, дает следующее определение: дискурс – это «совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате социального взаимодействия коммуникантов со своим особым концептуальным миром, с учетом экстралингвистических факторов порождения и восприятия этих высказываний» [Фещенко, 2021, с. 26].

Таким образом, дискурс является одним из центральных понятий современного языкознания, что обуславливает интерес к его изучению. Термин «дискурс» в современной лингвистике неоднозначен, его трактовка во многом зависит от подхода к исследованию. В соответствии с целями данного диссертационного проекта наиболее емким и всесторонним принимается определение, предложенное В. В. Фещенко.

2.2.1. Разграничение понятий «дискурс» и «текст»

«Дискурс» тесно переплетается с понятием «текст». Структурная лингвистика XX в. выбирает основной единицей языка именно текст как речевое произведение, в котором представлены единицы всех языковых уровней (фонемы, морфемы, слова и предложения). Б. М. Гаспаров называет текстом «языковой артефакт, созданный из известного языкового материала при помощи языковых приёмов» [Гаспаров, 1996, с. 318], и отмечает, что текстом может быть любое языковое высказывание [Там же]. По мнению И. Р. Гальперина, текст представляет собой «произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно-обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда сверхфразовых единств, ... имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2007, с. 18]. Лингвистика текста трактует это понятие как «некое упорядоченное множество

предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию» [Тураева, 1986, с. 11], и указывает на следующие его свойства: связность, цельность, законченность и системность. Однако, такой подход к тексту рассматривает его не в жизни («in vivo»), а в искусственных условиях («in vitro») [Манерко, 2013, с. 105].

Новое осмысление понятия «текст» начинается в языкознании с осознания важности его исследования «на границах лингвистики, философии и других гуманитарных дисциплин. Текст – это первичная данность всех этих дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления» [Бахтин, 1975, с. 481]. Кроме того, отмечается, что целью создания любого текста является выражение авторской мысли [Манерко, 2013, с. 106], что делает его не автономным и не самостоятельным феноменом, а лишь частью речемыслительной деятельности человека [Бенвенист, 1974]. Такое понимание текста переносит акцент на когнитивный аспект. Французский лингвист Гюстав Гийом (Gustave Guillaume) воспринимает текст как «многосложную и многокомпонентную психолого-интеллектуальную сущность, тесно связанную с миром действительности, знания о которой находят воплощение в индивидуально-авторской картине мира» [Гийом, 2004]. Текстовая деятельность, кроме того, тесно связана с целеполаганием, т.е. ориентирована на процесс понимания и интерпретации текста со стороны воспринимающей стороны [Манерко, 2013, с. 107]. Подобная трактовка текста делает его частью динамического процесса коммуникации в лингвистике («usage-based approach» [Nuys, 2005, с. 70]), с чего начинается активное развитие теории дискурса [Там же, с. 108].

В отечественном языкознании существует множество подходов, каждый из которых оперирует своими принципами и методами для анализа текста и дискурса. В когнитивной лингвистике понятия «текст» и «дискурс» тесно связаны [Манерко, 2013, с. 108-109] и характеризуются причинно-следственными отношениями [Кубрякова, 2000]. Текст представляется результатом речевой деятельности автора, в то время как дискурс – это «когнитивный процесс, связанный с реальным

речепроизводством» [Кубрякова, Александрова, 1999, с. 186-197], объединяющий, таким образом, две основополагающие функции языка: когнитивную и коммуникативную [Langacker, 2001; Sanders, Spooren, 2007].

Несмотря на тесную взаимосвязь, текст и дискурс – явления не тождественные. М. Л. Макаров выделяет три подхода к их разграничению.

- Устный дискурс / письменный текст: текст представляет собой «графическое отображение “кусочка действительности”»; это порождение письменного варианта языка» [Гальперин, 2007, с. 4] / дискурс понимается как «текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие; речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136-137].
- Дискурс как диалог и процесс / текст как монолог и продукт: дискурс – диалогическое явление / текст принадлежит одному автору; дискурс связан с когнитивным процессом создания речевого произведения / текст – конечный результат речевой деятельности [Кубрякова, Александрова, 1999, с. 186–197].
- Дискурс как речь / текст: дискурс представляет собой речевую деятельность в письменной или устной форме / текст понимается как нечто более «материальное» [Демьянков, 2005, с. 49-50]. Следует отметить, что по степени вовлеченности в ситуацию говорящего и адресата дискурс разделяется на устный и письменный, «не сводя их к двум формам языковой действительности – использующей и не использующей письмо» [Макаров, 2003, с. 87].

3. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что лингвистами до сих пор не выработаны конкретные параметры, по которым можно было бы четко разграничить понятия «дискурс» и «текст», однако существуют некие общие тенденции их использования: 1) исследования дискурса охватывают экстралингвистические и социокультурные факторы, а исследования текста сосредоточены на его внутреннем устройстве; 2) дискурс шире текста, который

является основой дискурса; 3) дискурс принципиально бесконечен, представляя собой совокупность ограниченных по объему текстов [Попова, Стернин, 2005].

Таким образом, на основе анализа представленных определений понятий «дискурс» и «текст» можно выделить наиболее общие трактовки.

- Дискурс – «все, что говорится и пишется, это речевая деятельность в любой репрезентации – звуковой или графической» [Макаров, 2003, с. 89].
- Текст – «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма» [Богданов, 1993, с. 5].

Эмпирической базой для данного исследования послужил художественный дискурс, особенности которого требуют подробного рассмотрения.

2.2.2. Художественный дискурс и его особенности

Термин «художественный дискурс» представляет собой широкое и сложное явление, которое часто встречается в разнообразных лингвистических исследованиях, что говорит о его актуальности и востребованности. Благодаря трудам Э. Бенвениста и Т. ван Дейка, художественный дискурс стал объектом исследований по теории языка и литературы [Фещенко, 2021, с. 17]. В общем смысле термин «художественный» означает «относящийся к искусству» / «образно изображающий», однако, он имеет свою специфику и не тождественен родственным понятиям «эстетичность», «искусственность», «образность» и др. [Там же, с. 18].

Хотя термин «художественность» тесно переплетается с понятием «образность», он не имеет в своем корне значения «образ» и сформировался по принципу инструментальной метафоры: от материальной «художественной деятельности» – к ментальной «художественной образности» [Там же]. Также «художественность» является родственной понятию «искусство», но последнее не имеет «ментального» значения [Мельчук, Жолковский, 2016], сместившись в сферу

«материального» [Фещенко, 2021, с. 18]. В поэтике под «художественностью» понимается «типологическая характеристика явлений искусства, указывающая на их родовую культурную специфику, которая отличает данный род деятельности (способ мышления, область культуры) от философии и религии, от науки и публицистики, производительного труда и политики и т.д.» [Тюпа, 2008, с. 288]. В. В. Бычков определяет «художественность» как «эстетическое качество произведения искусства, суть которого заключается в такой формально-содержательной его организации, которая инициирует у реципиента полноценный процесс эстетического восприятия, или, по-иному, событие эстетического опыта» [Бычков, Маньковская, 2017, с. 222]. Следует отметить, что слово «эстетика» (греч. «aisthesis» – «восприятие») изначально не относилось к миру искусства, а понятия «эстетический» и «художественный» не являлись родственными, поскольку эстетическое восприятие может присутствовать не только в художественной сфере, но художественная сфера основывается на эстетических законах [Фещенко, 2021, с. 21]. «Эстетическое шире художественного: оно может относиться к природе, обществу, человек. личности, тогда как художественное относится только к предметам человек. творчества – произведениям иск-ва. Эстетическое есть непосредств. выразительность любых явлений действительности, художественное же представляет собой специфически осуществленное человеком воплощение эстетического в том или ином специфич. материале» [Лосев, 1970, с. 576].

Принимая во внимание особенности термина «художественный», понятие «художественный дискурс» чаще всего понимается как «дискурс художественной литературы» / «дискурс художественного произведения», однако последние термины воспринимаются многими учеными как гипонимы по отношению к первому – гиперониму [Фещенко, 2021, с. 26]. Кроме того, лингвисты связывают понятие «художественный дискурс» с понятием «художественный текст» и определяют как «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [Пищальникова, 1984, с. 3]. Исследование художественного дискурса предполагает также анализ дискурса автора художественного произведения [Манерко, 2013, с.

113], художественный текст при этом является единицей художественной коммуникации, которая взаимодействует с дискурсом автора [Гуо, 2017, URL]. Согласно Ю. М. Лотману, художественный дискурс является посредником между литературой, живым языком и внешней реальностью [Лотман, 1992]. По В. А. Миловидову, художественный дискурс – это «диалогическая и динамическая мыслительно-речевая практика, протекание которой обусловлено местом, временем, культурно-историческим и социально-психологическим контекстом говорения (креативным контекстом) и слушания (рецептивным контекстом), характером намерений говорящего и слушающего, характеристиками объекта, особенностями специализированных языков, которыми кодируется сообщение, а также особенностями языков декодирования» [Миловидов, 2016, с. 13]. В. А. Маслова перечисляет отличительные черты художественного дискурса: 1) создается социально-индивидуальной действительностью; 2) является динамичным процессом взаимодействия автора и читателя с учетом экстралингвистических особенностей; 3) создает и предлагает свою версию мира [Маслова, 2014, с. 11].

Л. А. Манерко отмечает: «В отличие от термина “художественный текст” или “текст художественной литературы”, который указывает на конечный результат коммуникативного события, термин “дискурс художественного произведения” следует понимать как явление динамичное, имеющее отношение к динамике понимания взаимодействия текстового и концептуального-смыслового пространства, помогает понять не только его семантику и семиотику, но и связать это явление с “вертикальностью” текста, показать возможность его интерпретации. Это дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [Манерко, 2013, с. 112]. В. В. Фещенко добавляет: «Художественный дискурс – термин генерический по отношению к иным вышеперечисленным; его сфера бытования – любая область вербальных высказываний в эстетической деятельности» [Фещенко, 2021, с. 30]. Кроме того, ученый дает свою обобщенную интерпретацию термина «художественный дискурс» – «это совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-

художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства (объект или событие, обладающие эстетической ценностью и являющиеся продуктом художественного творчества), с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства» [Там же, с. 30]. Определение В. В. Фещенко представляется наиболее точным и берется в качестве рабочего в рамках данного диссертационного исследования.

Подводя итоги, следует еще раз обозначить основные характеристики художественного дискурса, выделенные на основе приведенных выше трактовок:

- эстетичность: вызывает у адресата определенные чувства и эмоции [Сапиева, Малова, Шхумишхова, URL];
- антропоцентричность: создается человеком для человека, т.е. содержанием сообщения является личность [Лотман, 1994];
- коммуникативность: формируется в рамках отношений: писатель – художественное произведение – читатель [Гуо, 2017, URL];
- полиморфность: возможность смешения особенностей разных видов дискурса в одном [Самарская, Мартиросьян, 2012];
- создание вымышленного мира: автор создает определенный мир, которая может совпадать или не совпадать с реальной действительностью [Там же];
- художественная перцепция: восприятие изображаемой автором действительности происходит при помощи языковых средств [Варламенко, 2017, с. 10].

Таким образом, художественный дискурс – это в узком смысле дискурс художественного произведения, обладающий определенными параметрами, выполняющий эстетическую функцию и служащий средством коммуникации автора и реципиента посредством различных языковых средств. Поскольку в настоящем диссертационном исследовании произведения художественного дискурса анализируются через призму лингвосинергетики, необходимо описать дискурс как самоорганизующуюся систему.

2.3. Художественный дискурс как система

С точки зрения ливвосинергетики, дискурс интерпретируется как самоорганизующаяся система. Однако, следует различать синергетическую систему от классического подхода к данному термину. В частности, языковая система понимается как

- «совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [Кочерган, 2000, с. 34];
- «множество языковых элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность» [Иванова, 2006, с. 167];
- «обширная, строго когерентная система, состоящая из множества систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое» [Гийом, 2010, с. 106].

Синергетическое видение освещает понятие «система» через новые смыслы и принципы, представляя ее уже не в качестве зафиксированного целого, рассматриваемого «в себе» (как у Ф. де Соссюра) [Плунгян, 2010, с. 237]. Определение системы должно отражать «неустойчивость, открытость, нелинейность, кооперацию и ко-эволюцию ее составляющих» [Домброван, URL]. Сложность системы проявляется в её функционировании, что требует новых научных методов и подходов при ее изучении. Синергетика дополняет системный подход тем, что фокусирует внимание на исследовании системы не в состоянии статики (гомеостаза), а в развитии, в так называемые переходные (от одного состояния к другому) периоды, когда вся языковая система (или какие-либо из составляющих ее подсистем) качественно изменяет свое поведение в результате сложного взаимодействия различных механизмов и под влиянием внешних факторов [Там же]. Следовательно, важно изучать дискурс как сложную систему, развивающуюся в зависимости от определённой коммуникативной ситуации в реальных условиях вербального взаимодействия [Fontaine, 2012, с. 143], поскольку

языковая система не является автономной и независимой от внешних факторов, а, напротив, определяется ими.

Н. Ф. Алефиренко под синергетикой дискурса понимает «взаимодействие всех порождающих его факторов, в результате которого происходит “слияние и содействие энергий”, направленное на онтологическую и функциональную “самоорганизацию” дискурсивного пространства и определяющее смысловую дистрибуцию его ингредиентов» [Алефиренко, 2008, с. 21]. При этом объектом лингвистического анализа дискурса «становится не только текст, но и вся та социокультурная информация, которая этим текстом опосредуется» [Там же]. С позиций лингвосинергетики ученый трактует дискурс как «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» [Там же, с. 22]. С. К. Гураль рассматривает дискурс как «результат синтеза научной мысли, сверхсложное образование, состоящее из разноуровневых компонентов, взаимодействующих между собой по определенным, установленным правилам» [Гураль, 2009, с. 118]. Н. С. Олизько определяет дискурс как «речемыслительный процесс, объективированный в некотором множестве текстов, связанных друг с другом общими когнитивными стратегиями порождения и понимания, имеющими согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служащими для передачи и генерирования смысла, а также для декодирования других текстов» [Олизько, 2002, с. 15]. Т.е. дискурс представляет собой знаковую систему, в которой, с одной стороны, взаимодействуют тесты в пределах одного дискурса, а с другой стороны, взаимодействуют разные дискурсы в пределах семиосферы, что делает «границы между текстом и дискурсом взаимопроницаемыми» [Олизько, 2009, с. 12]. Такое видение текста и дискурса позволяет трактовать последний как «саморазвивающуюся систему, основными принципами организации которой являются иерархичность, неустойчивость, нелинейность, эмерджентность, симметричность / асимметричность, открытость» [Там же, с. 95].

«Художественный дискурс» как разновидность бытийного общения представляет собой «развернутый, предельно насыщенный смыслами диалог автора, читателя и текста, выявляющий взаимодействие авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и структуры текста, выводящей произведение в безграничное пространство семиосферы (под семиосферой понимается совокупность всех знаковых систем, используемых человеком, включая как текст, язык, так и культуру в целом)» [Олизько, 2009, с. 84].

Таким образом, дискурс (в т.ч. художественный) с позиций лингвосинергетики представляет собой сложную систему, самоорганизующуюся в соответствии с общими синергетическими принципами.

- Иерархичность: дискурс как система «состоит из очень многих деталей, что порождает возможности очень сложного взаимодействия между ними» [Тарасенко, 2009, с. 110]. Параметры порядка определяют способность каждого уровня системы находиться в состоянии относительного равновесия [Олизько, 2009, с. 84], которое возникает вокруг аттракторов [Олизько, 2009, с. 84], представляющих собой (применительно к дискурсу) коммуникативную цель говорящего [Малахова, 2021, с. 29].
- Открытость: система дискурса эволюционирует от простого к сложному и взаимодействует со своим окружением, обмениваясь с ним и другими уровнями веществом, энергией, информацией [Олизько, 2009, с. 86]. Любая система «живет не только по законам саморазвития, но также включена в разнообразные столкновения» [Лотман, 2000, с. 63] с другими структурами, которые носят случайный характер и становятся «источником динамики» дискурса [Там же, с. 22].
- Нелинейность: система дискурса основывается на идее многовариантности, альтернативности путей эволюции и ее необратимости [Князева, Курдюмов, 2011, с. 50]. Под действием внешней среды и флуктуационных процессов дискурс проходит «чередующиеся

этапы хаотизации и (смысловой) упорядоченности» [Храмченко, 2009, с. 177].

- Эмерджентность: саморазвитие системы дискурса сопровождается диссипацией излишних смысловых компонентов системы, а также притоком новых элементов извне, в результате чего приобретаются эмерджентные свойства, которые присущи всей системе, но не ее элементам в отдельности [Храмченко, 2013, с. 129].
- Неустойчивость: в системе дискурса происходят динамические процессы, вызывающие флуктуации, которые подводят систему к точке бифуркации – переломному моменту в выборе дальнейшего пути развития [Олизько, 2009, с. 85]. При этом однозначно предсказать результат и / или траекторию дальнейшего развития смысла невозможно.
- Симметрия / асимметрия: система дискурса может подвергаться преобразованиям, при этом всегда есть «нечто сохраняющееся (симметричное) и изменяющееся (асимметричное)» [Пономаренко, 2006, с. 239]. Симметрия / асимметрия помогает установить динамику развития смысловой системы дискурса [Мышкина, 1998, с. 51].

Таким образом, процесс самоорганизации художественного дискурса в сжатом виде можно представить следующим образом: на начальном этапе дискурсивная система характеризуется устойчивостью / стабильностью вектора развития, заложенного автором → система движется в направлении к аттрактору (действующему в соответствии с параметрами порядка), который задается автором произведения и соотносится с его коммуникативной интенцией → столкновение параметров порядка внутри системы, ведущее к неустойчивости понимания смысла произведения, также провоцирует уязвимость системы даже к незначительным флуктуациям / внешним колебаниям (ассоциации, впечатления читателя) → нарастает уровень энтропии (неупорядоченности), достигая крайних значений → в сознании читателя наступает хаос (непонимание смысла произведения, потеря аттрактора) → дойдя до критического состояния, система дискурса сталкивается с точкой бифуркации / выбора дальнейшего пути развития → происходит

диссипация избыточной информации и смыслов, не соответствующих тенденции развития системы дискурса → переход системы на качественно новый, более совершенный уровень самоорганизации → стремление к новому аттрактору.

Кроме того, некоторые ученые выделяют еще один принцип, присущий системе (художественного) дискурса – фрактальность, которую кратко можно описать как самоподобие, обеспечивающее единство и целостность восприятия дискурса. В связи с этим в данном диссертационном исследовании представляется важным определить термин «фрактал», описать теорию фракталов, а также охарактеризовать фрактальную организацию художественного дискурса.

2.3.1. Синергетическая теория фракталов

Одной из фундаментальных концепций синергетики является теория фракталов. Понятия «фрактал» и «фрактальность» становятся объектом исследований с 1975 г., когда франко-американский математик Бенуа Б. Мандельброт (Benoit B. Mandelbrot) после выхода книги «Фрактальная геометрия природы» ввел их в научный обиход и популяризировал. Б. Мандельброт замечает: мнение о том, что «размерность является внутренней характеристикой тела, поверхности или кривой – неверно (в действительности, размерность объекта зависит от наблюдателя, точнее от связи объекта с внешним миром)» [Мандельброт, 2004, с. 49]. Действительно, в природе практически невозможно найти прямые евклидовы линии, однако ученые на протяжении долгих лет не могли измерить существующие в природе объекты со сложной формой. Б. Мандельброт вдохновился работой английского метеоролога Льюиса Фрая Ричардсона (Lewis Fry Richardson), который заметил, что невозможно измерить длину береговой линии, поскольку ее восприятие в значительной степени зависит от масштаба. Б. Мандельброт определил степень криволинейности этой линии и назвал полученное число фрактальной размерностью [Морозкина, Сафина, 2015, с. 969]. Далее Б. Мандельброт формулирует определение фракталов: «Это объекты, которые мы называем неправильными, шероховатыми, пористыми или

раздробленными, причем указанными свойствами фракталы обладают в одинаковой степени в любом масштабе. Форма этих объектов не изменяется от того, рассматриваем мы их вблизи или издалека. Термин фрактал образован от латинского причастия “fractus”. Соответствующий глагол “frangere” переводится как “ломать, разламывать”, т.е. создавать фрагменты неправильной формы» [Mandelbrot, 1983, с. 4]. В более поздних работах ученый уточняет свое определение и использует термин «фрактал» для обозначения множества, «размерность которого не совпадает с обычной» [Мандельброт, 2002, с. 31].

Норвежский физик Йенс Федер (Jens Feder) дает свою интерпретацию, называя фракталом «структуру, состоящую из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» [Федер, 1991, с. 19]. Англо-американский математик Майкл Барнсли (Michael Barnsley) замечает, что фрактальная геометрия, ставшая популярной благодаря трудам Б. Мандельброта, кардинально меняет взгляд на мир: «Классическая геометрия позволяет рассмотреть структуру физических объектов при первом приближении, в то время как фрактальная геометрия расширяет классическую: это новый язык, овладение которым даст возможность описать форму облака так же точно, как архитектор описывает дом» [Barnsley, 1993, с. 1]. Б. Мандельброт пишет, что методы евклидовой и неевклидовой геометрии не позволяют исследовать многочисленные сложноорганизованные объекты природы, поскольку это «наука искусственно созданных человеком фигур, <...> но это не означает, что у данных объектов нет другой, “своей” геометрии» [Мандельброт, 2002]. Ученый продолжает: «Облака не являются сферами, горы – конусами, береговые линии нельзя изобразить с помощью окружностей, кору деревьев не назовешь гладкой, а путь молнии – прямолинейным. В более общем виде я заявляю, что многие формы природы настолько неправильны и фрагментированы, что в сравнении с евклидовыми фигурами <...> природа демонстрирует не просто более высокую степень, но совершенно иной уровень сложности» [Мандельброт, 2004, с. 13]. Следовательно, фрактальная геометрия, в отличие от евклидовой, больше подходит для описания естественных, природных форм. Немецкий физик-теоретик Манфред Шрёдер (Manfred Robert Schroeder)

пишет: «Выяснилось, что все эти годы мы жили с фрактальными артериями неподалеку от фрактальных речных систем, собирающих влагу со склонов фрактальных гор под фрактальными облаками и катящих свои воды к фрактальным берегам морей и океанов» [Шредер, 2001, с. 18].

Фрактал имеет определенные свойства: 1) нетривиальная структура во всех масштабах; 2) дробная метрическая размерность; 3) самоподобие [Геометрия фракталов, URL]. Благодаря этим свойствам, по мнению группы немецких исследователей Хайнца-Отто Пайтгена (Heinz-Otto Peitgen), Хартмута Юргенса (Hartmut Jürgens) и Дитмара Заупе (Dietmar Saupe), фракталы «дают чрезвычайно компактный способ описания объектов и процессов» [Юргенс, Пайтген, Заупе, URL]. Фрактал – это «такая часть целого, которая структурно подобна каждой другой части и всему целому», а фрактальность – это «рекуррентно-итерационный алгоритм, благодаря которому образуется особое фрактальное множество (множество самоподобных структур)» [Плотникова, 2011, с. 127].

Теория фракталов позволяет обнаружить закономерность в хаосе. «Мы можем смело утверждать наличие единообразной закономерности построения этого феномена, определяющей всю его структуру, какой бы сложной она ни была, с поправкой на некий уровень случайности» [Жуков, Лямин, 2007, с. 16]. Фрактал определяется как «результат моделирования, который позволяет ограниченному количеству наблюдаемых элементов судить о качестве всей совокупности элементов в рамках наблюдаемого уровня (уровней) сложности» [Там же, с. 31-32]. Рассматривая фрактал как «переходное квазиустойчивое состояние становящейся системы, характеризующееся хаотичностью, нестабильностью, которое постепенно эволюционирует к устойчивому, упорядоченному целому» [Войцехович, URL], В. Э. Войцехович называет фракталы сетевыми образованиями, самоподобными и бесконечно повторяющими себя на разных уровнях структурами, «существующими среди себеподобных объектов» [Там же].

На протяжении всей истории человечества фракталы являлись частью не только естественных, но и гуманитарных наук [Морозкина, Сафина, 2015, с. 969]. В связи с этим, термин «фрактал», не являясь строго математическим, становится

междисциплинарным, что позволяет трактовать его через призму гуманитарно-культурологического осмысления [Самодурова, 2018, с. 109].

Теория фракталов долгое время находила применение только в сфере точных наук, но постепенно ими заинтересовались представители гуманитарных дисциплин. В языкознании теория фракталов применяется относительно недавно. Однако, она предлагает универсальную модель описания многих лингвистических явлений, а также позволяет «изучать и описывать лингвистические процессы и структуры различных нерегулярностей в языке с высокой степенью наглядности» [Мамонова, 2015, с. 60]. В. В. Тарасенко понимает фрактал как «нелинейную знаковую структуру, бесконечно воспроизводящуюся каждый раз в новом масштабе» [Тарасенко, 2009]. Л. В. Бронник отмечает, что фрактальным объектам свойственны «иерархичность, распределённость, рекурсивность, итеративность и нелинейность, на любом уровне иерархии они подчиняются одним и тем же закономерностям вне зависимости от масштабов времени и пространства» [Бронник, 2009, с. 19]. По мнению Н. Н. Белозеровой, фрактальные черты «просматриваются во многих лингвистических модельных построениях» [Белозерова, URL], которые могут быть использованы для описания, объяснения или порождения высказывания, а также «для интерпретации и деконструкции сложных лингвистических явлений, вызванных двойственной природой языка, его одновременной принадлежностью к природе и культуре» [Там же]. «Фрактал представляет собою модель вечноразвивающейся сущности, основанной на образовании самоподобных структур из каждой точки развития» [Там же]. Важно отметить, что в последнее десятилетие понятие «фрактал» находит применение в целом ряде лингвистических исследований концепта (С. Г. Воркачев), метафоры (Е. Л. Орлова, С. А. Хахалова), дискурса / текста (В. Ю. Ключникова, Н. С. Олизько, С. Н. Плотникова, И. Н. Пономаренко) и др. [Бакиев, 2015, с. 53].

Таким образом, фрактал привносит в науку идею подобия части и целого. Это позволяет получать и передавать информацию экономично, поскольку один элемент системы может дать представление о системе в целом. В лингвистике фрактал – это «повторяющаяся модель, распадающаяся на фрагменты, каждый из

которых является уменьшенной копией целой формы» [Олизько, 2009, с. 37], при этом фрагменты являются структурно похожими, но не идентичными. Сегодня использование фрактальных моделей в лингвистике востребовано, поскольку с их помощью можно интерпретировать сложные языковые явления. В данном диссертационном исследовании основополагающим является понятие «дискурс», которое также поддается исследованию через призму теории фракталов.

2.3.2. Фрактальная организация художественного дискурса

Синергетическая теория фракталов успешно применяется в современной лингвистике, поскольку в языке, по мнению многих ученых, проявляются основные свойства фрактала: 1) структурное самоподобие; 2) неровная поверхность; 3) фрактальная размерность; 4) скалярная относительность; 5) формальная последовательность [Pareyon, URL]. В ряде работ отечественных лингвистов высказывается предположение, что текст и дискурс, будучи сложными, многослойными и неоднородными языковыми явлениями, также организованы по фрактальному принципу.

Фрактальной организацией текста занимаются отечественные лингвисты Н. И. Бялоус, Г. М. Заславский, Г. Г. Москальчук, Р. З. Сагадеев и др. Как отмечает Г. Г. Москальчук, «фрактальность структуры текста является образом динамической системы, объясняющим нелинейный характер структуры целого текста, наличие в нем еще не вполне познанных современной физикой и геометрией свойств. Тем не менее, сложность объекта не препятствует его изучению с помощью упрощенных моделей, а лишь побуждает к непрерывным блужданиям в хаосе смыслов и слов во имя поиска порядка» [Москальчук, 2003, с. 185-186]. Развитие смысла в структуре текста происходит по принципу фрактальности и представляет собой «покадровое прояснение деталей, касающееся как смысла, так и структуры целого» [Там же]. И. Н. Пономаренко добавляет, что «за сменой смыслов стоит также и фрактально бесконечная смена их толкований

при каждом новом прочтении, со временем происходит нечто вроде эволюции смысла» [Пономаренко, 2005, с. 89-90].

Представление о фрактальности дискурса находит свое отражение в трудах Н. Н. Белозеровой, В. Ю. Ключниковой, Н. С. Олизько, С. Н. Плотниковой, И. Н. Пономаренко и др. Н. Н. Белозерова дополняет трехкомпонентную модель американского философа Чарльза Морриса (Charles William Morris) (парадигматика (семантика) + синтагматика + прагматика) параметром «фрактальность» для более глубокого объяснения процессов смыслопорождения [Белозерова, URL]. С. Н. Плотникова разрабатывает теорию дискурсивных пространств, представляющих собой «логическую среду, в которой сосуществуют определенные дискурсы» [Плотникова, 2011, с. 132], а также предлагает методологию фрактального анализа дискурса. Дискурсивное пространство формируется «по фрактальному принципу – принципу самоподобия, итерации и рекуррентности дискурсов-фракталов, заполняющих общее дискурсивное пространство» [Там же]. Фрактальный анализ предполагает определение самоподобия дискурсов по мере возникновения их в дискурсивном пространстве: т.е. «самоподобен ли он всем имеющимся в нем дискурсам, а именно: «повторяет» ли он эти дискурсы (алгоритм итерации), «возвращает» ли он нас, кругообразно, к этим дискурсам (алгоритм рекуррентности)» [Там же, с. 133]. Поскольку фрактал – это не застывшая, а динамичная и развивающаяся структура, задать фрактальную структуру – значит задать принцип роста, а неисчерпаемое многообразие фрактальных структур является выражением главного эстетического принципа – «принципа единства в многообразии» [Волошинов, 2002]. Таким образом, фрактал – это «нелинейная смысловая структура, самоподобная другим смысловым структурам в нелинейной системе дискурса» [Мамонова, 2015, с. 71]. Постоянные процессы хаотизации системы дискурса свидетельствуют о его «жизнеспособности», так как позволяют адаптироваться к изменению некоторых параметров [Мамонова, Олизько, 2017, с. 109]. Фрактальный подход рассматривает дискурс как подвижную смысловую систему хаоса, содержащего элементы

порядка. Фрактальное моделирование позволяет увидеть системность там, где ее на первый взгляд нет [Там же, с. 111].

Система дискурса, стремясь к самоорганизации, упорядочивается по определенным структурным моделям, с помощью которых можно описать взаимодействие параметров системы в процессе ее становления. Структурные модели по-разному эволюционируют на разных этапах [Мамонова, 2015, с. 64], но «именно фрактальные структуры указывают на динамику смыслов» [Тарасенко, 2009, с. 175] в системе дискурса. Типологию актуальных фрактальных структур самоорганизации дискурса подробно описывает Н. С. Олизько, выделяя следующие модели: «концентрические круги», «спираль», «древо», «ризома» [Олизько, 2009].

Модель «концентрические круги» представляет собой два и / или более круга с разными радиусами, описанные из единого центра в одной плоскости [Энциклопедии & Словари, URL]. Концентрические круги бывают расходящиеся (от центра к периферийной области) и сходящиеся (от периферии к центральной области).

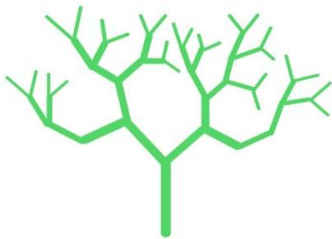
Самоорганизация дискурса в форме концентрических кругов представляет собой волнообразное движение из центра (смыслового аттрактора) к периферии (пограничной области) под действием нового аттрактора с расширением смыслового значения во всех возможных направлениях, сопровождающееся приращением и диссипацией смысловых элементов [Зайченко, 2013, с. 98]. Каждый новый круг представляет собой новую интерпретацию смыслового содержания коммуникативно-эмоциональных ситуаций (КЭС), благодаря чему происходит более глубокое понимание произведения художественного дискурса.

Модель «спираль» представляет собой плоскую кривую, которая, не замыкаясь, обходит вокруг одной или нескольких точек, приближаясь или удаляясь от нее [Энциклопедии & Словари, URL]. Спираль бывает развернутая (из центра – эволюция) и

свернутая (к центру – инволюция), двухмерная (Архимедова спираль [БЭПС, 2004]) и трехмерная (винтовая / объемная спираль), двойная (зеркально-симметричная спираль).

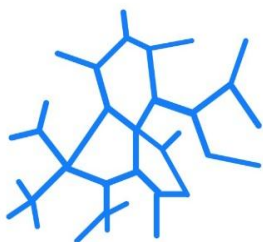
Закручивающиеся спирали иллюстрируют затухающие колебательные процессы, когда система стабилизируется; раскручивающиеся спирали – колебательные процессы с увеличивающейся амплитудой, приводящие систему к дестабилизации и разрушению [Жуков, Лямин, 2010, с. 25]. В случае развития системы дискурса по спирали происходит развитие смысла КЭС с каждым новым витком от центра (смыслового аттрактора) к периферии (пограничной области), с возможным приращением и диссипацией смысловых элементов, а также с появлением новых эмерджентных смыслов. Каждый виток спирали повторяет предыдущие и добавляет новые смысловые значения, становясь новым уровнем понимания КЭС.

Модель «дерево» представляет собой форму основания (ствола) с двумя и более ответвляющимися элементами, олицетворяющими единство в многообразии [ЭСГ, URL]. Древовидные фракталы – строго иерархичны: «ствол разделяется на две отдельные ветви, каждая из которых является стволом для следующих, более мелких, ветвей и т.д.» [Жуков, Лямин, 2007, с. 13], при этом «ветка не является точной копией дерева, но легко обнаружить сходство между веткой и всем деревом» [Там же, с. 11].

Развитие смысла дискурса по древовидной модели представляет собой симметричное разветвление смысловых элементов из центра (смыслового аттрактора) в направлении периферии (пограничной области) к новым самостоятельным аттракторам, вокруг которых формируются новые смысловые образования. Центральное значение КЭС под действием внешних воздействий (флуктуаций) расщепляется и при прохождении ряда ветвлений (бифуркаций) формирует новые значения (новые ветви). При этом излишки информации

подвергаются диссипации (рассеиванию), новые смысловые компоненты прирастают, и система достигает состояния относительного равновесия.

Модель «ризомы» представляет собой альтернативу структурам с жесткой осевой ориентацией, несмотря на наличие «скрытого стебля». Эта разветвленная многоуровневая, изменяющаяся модель не имеет строгой иерархии элементов, а также начала и конца – только середину, из которой ризома растет и развивается [Грицанов, URL]. Ризома характеризуется неоднородностью, нелинейностью и разрывностью [Морозкина, Сафина, 2015, с. 972].

Ризома дает наименьшее сцепление смыслов среди всех фрактальных моделей, определяющей характеристикой данной модели является случайность [Можейко, 2001]. При ризоматической самоорганизации дискурса смысл развивается внешне хаотично и асимметрично, движение смысловых элементов КЭС разнонаправленно в области периферии (пограничной области) при одновременном сохранении «скрытого» смыслового центра (смыслового аттрактора). В этой модели большое значение отводится флуктуациям и бифуркациям, в результате чего система приобретает такие характеристики, как неустойчивость и эмерджентность. Развитие смысла КЭС по ризоматической модели, которое на первый взгляд кажется несвязанным, нелогичным и хаотичным, выводит читателя на основное значение КЭС.

Успешная практика применения теории фракталов в лингвистике позволяет считать ее перспективной альтернативой изучения не только языка в целом, но и текста / дискурса в частности. С этой точки зрения интерес представляет рассмотрение фрактальной структуры КЭС в художественном дискурсе, что способствует более глубокому пониманию развития смысловой составляющей произведения. В диссертационном исследовании развитие смысла коммуникации в КЭС подробно описывается и соотносится с определенной фрактальной моделью: «концентрические круги», «спираль», «дерево», «ризомы». В завершении анализа делается вывод о том, по какой фрактальной модели чаще всего развивается

общение в КЭС, которые ранее были определены как экологичные / неэкологичные.

Следует отметить, что лингвосинергетика гармонично сочетается с лингвоэкологией, благодаря чему осуществление подобного практического анализа представляется не только возможным, но и актуальным. Согласно постулатам лингвоэкологии, язык является неотъемлемой частью окружающей среды, связывающей воедино три элемента: человека – язык – среду. Открытость языковой системы (синергетический принцип) проявляется во взаимодействии человека со средой и обществом посредством языка. Следовательно, язык как открытая система, с одной стороны, подчиняется условиям окружающей среды, а с другой стороны, является средством ее структуризации и концептуализации в сознании человека [Дрожащих, 2012]. Описанная в ГЛАВЕ 1 триада «человек – язык – среда» – это сложная система, каждый элемент которой тесно связан друг с другом и подвергается взаимному воздействию, способствуя развитию или провоцируя разрушение всей системы.

Выводы по ГЛАВЕ 2

На протяжении долгих лет учеными предпринимались попытки найти универсальный язык научной коммуникации. Предполагалось, что таковым может стать язык математики, космологии, кибернетики и даже лингвистики, свидетельством чему служат многочисленные заимствования в терминологии разных наук. Однако, по-настоящему универсальным становится язык синергетики. Несмотря на то, что синергетика возникла в естественно-научной области, она довольно быстро приобрела статус междисциплинарной науки, благодаря универсальности своего терминологического аппарата, принципов и методов исследования, которые начали успешно применяться и в сфере гуманитарных дисциплин.

Языкознание, переняв синергетические принципы и методологию, успешно адаптировало их для изучения языковых явлений. Интеграция синергетики в

лингвистику проходила в два этапа: первый – лингвистическая синергетика, которая занималась изучением языка как сложной системы и взаимодействия его элементов в прикладном аспекте; второй – лингвосинергетика, которая изучает более узкие языковые явления: текст / дискурс, метафора, концепт и др. При этом важно отметить, что синтез «синергетика + лингвистика» является взаимовыгодным: не только лингвистика многое заимствовала из синергетики, но и синергетика зависит от языковой системы как основы человеческого мышления и коммуникации.

Синергетика занимается изучением сложных систем, характеризующихся нелинейностью, открытостью, динамичностью и иерархичностью. Любая система, самоорганизуясь, проходит определенные этапы: равновесность, согласно параметрам порядка → неравновесное состояние системы, вызванное внешними флуктуациями (факторы среды) → точка бифуркации → хаос → диссипация излишней энергии во внешнюю среду → становление нового порядка и структуры → движение системы в направлении аттрактора. Развитие системы от порядка – через хаос – к новому порядку происходит в соответствии с синергетическими принципами Бытия (гомеостатичность и иерархичность), характеризующими самосохранение системы, и принципами Становления (нелинейность, незамкнутость / открытость, неустойчивость, эмерджентность, наблюдаемость), символизирующими обновление системы. Постепенно такие системы становятся объектом исследования гуманитарных наук, так как язык – это тоже сложная система.

В последние десятилетия ученых привлекают исследования языка с коммуникативной точки зрения («язык в действии»). В этой связи актуальным является изучение такого сложного языкового явления, как «дискурс», который в широком смысле можно определить как речь, «погруженную в жизнь». Однако, несмотря на актуальность, термин «дискурс» в современной лингвистике не является до конца определенным и однозначным. Это связано с тем, что на передний план выдвигаются разные аспекты данного явления. В качестве рабочего определения в рамках данного диссертационного исследования выбрано

следующее: дискурс – это совокупность вербальных высказываний, сформированных в результате социального взаимодействия коммуникантов со своим особым концептуальным миром, с учетом экстралингвистических факторов порождения и восприятия этих высказываний.

Понятие «дискурс» тесно связано с понятием «текст». Многие ученые сходятся во мнении, что текст и дискурс имеют родовидовые отношения, где текст, являясь структурно-семантическим единством и представляя собой результат речевой деятельности, воспринимается как составная часть дискурса. Текст и дискурс характеризуются причинно-следственной связью.

Разновидностью дискурса является «художественный дискурс», или «дискурс художественного произведения» (понятия, синонимичные в рамках данного исследования). Художественный дискурс обладает отличительными чертами: эстетичностью, антропоцентричностью, коммуникативностью, полиморфностью, созданием вымышленного мира, художественной перцепцией. Для художественного дискурса важным является процесс коммуникации автора и читателя посредством художественного произведения (в данном случае литературного).

Дискурс (в том числе художественный), являясь сложным и многоаспектным языковым явлением, может рассматриваться через призму лингвосинергетики. Дискурс – это саморазвивающаяся система, организующаяся согласно таким синергетическим принципам, как иерархичность, нелинейность, открытость, неустойчивость, эмерджентность, а также симметричность / асимметричность. Самоорганизацию системы дискурса можно представить следующим образом: устойчивость вектора развития, заложенного автором → движение в направлении к аттрактору, который задается автором и соотносится с его коммуникативной интенцией → столкновение параметров порядка внутри системы, ведущее к неустойчивости понимания смысла произведения, уязвимость системы к внешним колебаниям (ассоциации, впечатления читателя) → нарастает уровень энтропии → хаос в сознании читателя (непонимание смысла произведения, потеря аттрактора) → система дискурса сталкивается с точкой бифуркации → диссипация избыточной

информации и смыслов → переход системы на качественно новый, более совершенный уровень самоорганизации → стремление к новому аттрактору.

В рамках синергетики большую популярность приобретает теория фракталов, а также фрактальное моделирование сложных систем и явлений. В общем смысле фрактал – это фигура, обладающая сложной структурой, самоподобием и дробной размерностью. В лингвистическом преломлении под фракталом понимают повторяющуюся модель, распадающуюся на фрагменты, каждый из которых является уменьшенной копией целой формы. С помощью фракталов успешно исследуются такие языковые явления, как концепт, метафора, текст. Дискурс, являясь сложной самоорганизующейся синергетической системой, также характеризуется фрактальностью, а значит, может изучаться через призму теории фракталов.

Дискурс состоит из связанных между собой элементов (текстов или высказываний) и таким образом имеет структуру фрактала, т.е. характеризуется самоподобием, динамичностью, нерегулярностью, дробностью, сложной структурой, которая упорядочивается по определенным моделям («концентрические круги», «спираль», «древо» и «ризом»). Анализ дискурса посредством фрактального моделирования позволяет рассмотреть динамику развития смысла как всего дискурса, так и КЭС, которые отбираются из анализируемых в данной работе художественных произведений.

Соединение в одном практическом исследовании основных идей двух разных лингвистических направлений: лингвоэкологии и лингвосинергетики – помогает глубже и шире взглянуть на анализируемые явления. С одной стороны, дискурс как сложная система самоорганизуется согласно принципам синергетики и обладает фрактальными характеристиками. С другой стороны, (художественный) дискурс наиболее точно отображает ситуации живого общения, которые могут быть проанализированы с точки зрения их эмотивности и экологичности / неэкологичности. Соотнесение дискурса с той или иной фрактальной моделью позволяет более полно исследовать КЭС и делать выводы об экологичности / неэкологичности общения.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧНОСТИ КОММУНИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

3.1. Особенности художественного жанра антиутопии.

Специфика дискурса Л. Лоури

Для лучшего понимания романов в жанре антиутопии, которые были выбраны в качестве практического материала, необходимо описать особенности данного литературного жанра.

Большая российская энциклопедия дает следующее определение жанра антиутопии: антиутопия (от анти... и утопия; другие названия – дистопия, англ. *dystopia*; какотопия, англ. *cacotopia*) – литературный эпический жанр, описывающий негативную модель государственного или мирового устройства [Большая российская энциклопедия, URL]. Будучи зачастую пародией или сатирой на утопию, антиутопия зародилась как реакция на распространение идей образцового государства, показывая возможные антигуманные и опасные последствия их осуществления. Выделяются следующие жанровые особенности романов-антиутопий:

- 1) в центре внимания антиутопий – тоталитарные, диктаторские государства, массовый конформизм;
- 2) сюжет антиутопий строится вокруг противостояния политических, социальных и прочих внешних факторов и внутренних, личностных качеств и интересов героя, которое разрешается зачастую трагически – духовной или физической смертью персонажа;
- 3) антиутопическим произведениям свойственна аллегоричность;
- 4) для антиутопического мира характерна ритуализация жизни;
- 5) межличностные отношения в антиутопии могут регламентироваться, однако персонажи так или иначе выходят за рамки дозволенного;

- 6) личное пространство героя, его жильё, в антиутопии утрачивает черты индивидуального и интимного;
- 7) действие антиутопий разворачивается зачастую в будущем, в пространстве, закрытом от остального мира;
- 8) мир антиутопий пронизан страхом: органы власти, концерны и другие организации контролируют инакомыслие и пресекают его по первому доносу;
- 9) антиутопии свойственна карнавализация (несоответствие внешнего / внутреннего, кажущегося / реального в героях и устройстве мира), проявляющаяся в театральности происходящего: роли, которые играют персонажи в вымышленном мире, своей искусственностью и гротескностью напоминают сценическое представление;
- 10) нередко в центре произведения оказывается эксцентричный, непохожий на остальных герой, поведение которого зачастую проявляется в интеллектуальной и творческой деятельности [Там же].

В качестве эмпирического материала настоящего диссертационного исследования был выбран цикл из четырех романов антиутопического жанра «Дающий. Квадрология» («The Giver Quartet») американской писательницы Лойс Лоури (Lois Lowry), в который входят следующие произведения:

- 1) Дающий / The Giver (1993),
- 2) В поисках синего / Gathering Blue (2000),
- 3) Вестник / Messenger (2004),
- 4) Сын / Son (2012).

Лойс Лоури – современная американская писательница, автор более тридцати книг для детей и подростков, дважды лауреат медали Джона Ньюбери (американская ежегодная литературная премия, присуждаемая автору за выдающийся вклад в американскую литературу для детей), финалист премии имени Ганса Кристиана Андерсена (литературная премия, которой награждаются лучшие детские писатели). Отметим, что одна из медалей Джона Ньюбери была

присуждена автору за роман «Дающий», который входит в программу обучения в школах Австралии, Канады и США.

Данный цикл романов был выбран неслучайно. Помимо большой популярности, о чем говорят награды, проданный тираж (более 12 милл. копий по всему миру только первого романа), а также довольно известная экранизация (в 2014 г. в США по первой части цикла был снят фильм «Посвященный» с Дж. Бриджесом, М. Стрип, К. Холмс, А. Скарсгардом и Т. Свифт в главных ролях), романы также являются отличной иллюстрацией антиутопического жанра и имеют определенные детали, которые особенно важны при анализе в рамках данной диссертационной работы.

Следует отметить, что романы цикла «Дающий. Квадрология» относятся к так называемой подростковой антиутопии – жанру, ставшему популярным в американской и европейской литературе янг-эдалт. Янг-эдалт (англ. young adult fiction; YA – литература для «молодых взрослых», «книги для подростков», «роман инициации») – направление современной массовой культуры, возникшее в конце XX – начале XXI вв. и адресованное преимущественно молодой аудитории. В основе янг-эдалта лежит сюжет о молодом человеке (юноше или девушке), участвующем в опасных соревнованиях, играх на выживание, выполняющем рискованные задания и миссии, успех в которых повышает его социальный статус [Большая российская энциклопедия, URL]. В отличие от традиционных образцов жанра, направленных на развенчание социально-политических доктрин и концепций, в центре внимания подростковых антиутопий – противостояние героя-подростка враждебному «миру взрослых» и его институтам. В целом, помимо главного героя-подростка, романы цикла полностью соответствуют жанру антиутопии (согласно пунктам, приведенным выше), а именно:

- 1) герои данного цикла романов живут в общинах (Communities), которые строго контролируются старейшинами (The Elders), неусыпно следящими за каждым членом общества и регулирующими каждый их шаг;

- 2) главный герой цикла 12-летний (на момент первого романа) подросток Джонас, узнав от своего учителя изнанку уклада жизни членов общины, восстает против системы и сбегает;
- 3) романам свойственна аллегоричность: плоский бесцветный мир, в котором существуют герои, олицетворяет жизнь без чувств и эмоций, против которой борется главный герой;
- 4) распорядок жизни в общине строго регламентирован и управляется старейшинами, а члены общины лишены самостоятельности;
- 5) чувства и эмоции героев искусственно подавляются специальными препаратами, поэтому им чужды любовь, преданность, привязанность, дружба, тоска и т.п.;
- 6) личное пространство у героев отсутствует, за ними неусыпно следят старейшины: в каждом доме членов общины установлены камеры и звукозаписывающие устройства;
- 7) община изолирована от мира, связь с другими общинами практически отсутствует, сбежать практически невозможно;
- 8) важнейшую роль в жизни общины играют старейшины, символизирующие абсолютную власть и контролирующие всех и вся, строго наказывая тех, кто сопротивляется;
- 9) устройство жизни в общине и все процессы, регулирующие ее, настолько упрощены, что кажутся противоестественными; члены общины – марионетки, которыми управляют кукловоды – старейшины;
- 10) главный герой отличается от среднестатистического члена общины определенным набором качеств, которые, с одной стороны, позволили ему получить знания, недоступные для остальных, с другой стороны, заставили его восстать против системы.

Следует отметить, что в романах поднимается несколько важных тем. Во-первых, это важность семьи, дружбы и человеческих связей. Каким бы идеальным ни было общество, человеку всегда нужна семья; только рядом с родными и любимыми человек может полностью раскрыть свой потенциал и свои лучшие

качества. Во-вторых, это тема памяти: не зная своего прошлого, невозможно построить будущее. С этим не раз сталкивались Старейшины из романа «Дающий», которым приходилось прибегать к опыту прошлых лет, поэтому должность Принимающего воспоминания, выпавшая главному герою, настолько важна. В-третьих, это тема чувств и эмоций, которые невозможно полностью подчинить или подавить искусственно. Жизнь без чувств – не жизнь, а существование; чувства не продать, не обменять, они всегда найдут выход. Следующая тема – одинаковость. С одной стороны, когда все равны, жить проще, так как в подобном обществе нет места зависти, социальной несправедливости, расовой борьбе и т.п. Но при этом нет стимула для развития, здоровой конкуренции и роста, в результате чего общество рано или поздно приходит в упадок. Тема регулирования рождаемости и генов (одна из самых сложных в романах) – это аллегория евгеники. Вторжение в законы природы никогда к хорошему не приводит. Тема самопожертвования также важна. Каждый из героев чем-то жертвует: свободой (Кира), семьей и привычным укладом жизни (Джонас), собой (Мэтти и Клэр). Важно и то, ради чего приносятся жертвы: начиная от родных и близких до целой общины. Интересна и тема единства человека и природы. Природа в романе – не фон, а еще один персонаж, наделенный человеческими чертами. Природа – это аллегория жизни героев: от ровного рельефа и одинакового климата, олицетворяющих спокойную размеренную жизнь в общине Джонаса, до непроходимых гор и бушующих рек, встающих перед героями и символизирующих трудности, которые им приходится преодолевать на пути к заветной цели, и до гниющего леса, который олицетворяет степень разложения и испорченности жителей деревни.

Все темы являются основополагающими в жизни любого человека и общества, именно поэтому романы актуальны. Описываемая в них связь человека и окружающей среды (зависимость качества жизни человека от среды и общества) обосновывает выбор данных романов в качестве материала для практического анализа в данном диссертационном исследовании. Особый интерес представляет тот факт, что в описываемом обществе повышенное внимание уделяется языку, а именно точности формулировок (*Precision of Language*). Например, детей в

общинах с малых лет учат правильно формулировать свои мысли, не путать слова и извиняться за оговорки. Жителям запрещено указывать на имеющиеся у некоторых различия или задавать личные вопросы, так как это считается грубостью и может ранить собеседника. Категорически запрещено врать. С исследовательской точки зрения, интересно проанализировать общение героев с той точки зрения, является ли оно экологичным, благодаря следованию правилам общины, или отдельные примеры окажутся неэкологичными, несмотря на изначальную «запрограммированность» на позитивную коммуникацию.

3.2. Методология эмпирического анализа

На первом этапе КЭС рассматриваются с точки зрения **эмотивной лингвоэкологии** и распределяются по четырем группам, описывающим соотношение типа информации и ее языковой репрезентации, согласно классификации В. И. Шаховского:

- 1) позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация (+/+),
- 2) негативная информация и ее негативная языковая репрезентация (-/-),
- 3) позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация (+/-),
- 4) негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация (-/+).

Распределение КЭС происходит на основе первичных формальных признаков: используемый в КЭС вокабуляр и контекст ситуации. Кроме того, к языковой репрезентации в данной работе относятся и неязыковые средства выражения (чаще всего интонация и жесты), благодаря которым ярко проявляются эмоции коммуникантов, которые являются неотъемлемой частью при анализе экологичности / неэкологичности коммуникации.

Далее внутри каждой группы КЭС анализируются по трем пунктам, определяющим экологичную коммуникацию – общение, основанное на **позитивных эмоциях**, производимое с **благими намерениями** со стороны говорящего и оказывающее **положительное влияние** на слушающего:

- 1) преобладающий оценочный знак эмотивов (положительный или отрицательный),
- 2) интенция говорящего (позитивная или негативная),
- 3) реакция слушающего (позитивная или негативная).

Анализируется оценочный знак эмотивов, которые преимущественно относятся к выражению чувств и эмоций коммуникантов, а также являются релевантными для понимания смысла коммуникации. В качестве источника дефиниций эмотивов выбран американский онлайн словарь Мириам-Уэбстер [Merriam-Webster Dictionary, URL], поскольку цикл анализируемых романов написан американской писательницей и относится к американской литературе.

Далее КЭС проверяются на соответствие параметрам экологичной коммуникации, выделенным Н. Г. Солодовниковой, а именно **искренность, доброжелательность, этичность**. На основе полученных в результате анализа данных, делается вывод о том, является ли рассматриваемая КЭС **экологичной** или **неэкологичной**.

На втором этапе КЭС анализируются с помощью общенаучного метода лингвосинергетики, включающего в себя технику фрактального моделирования. Каждая проанализированная ранее КЭС раскладывается по одной из фрактальных моделей: **«концентрические круги», «спираль», «древо», «ризом»**. Затем устанавливается, по какой модели преимущественно развивается общение в тех или иных КЭС, которые на первом этапе были определены как экологичные / неэкологичные. В заключение делается общий вывод, какие фрактальные модели характерны для экологичного / неэкологичного общения. Следует отметить, что более глубокий анализ фрактальных моделей, по которым развивается общение в КЭС, не предполагается в рамках данного диссертационного исследования. Однако, предложенный анализ может послужить основой для дальнейших теоретических и практических изысканий в этом направлении.

Кратко модель эмпирического анализа представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Модель эмпирического анализа

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
1) Оценочный знак эмотивов – положительный / отрицательный 2) Интенция говорящего – позитивная / негативная 3) Реакция слушающего – позитивная / негативная
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
1) Искренность – да / нет 2) Доброжелательность – да / нет 3) Этичность – да / нет
Вывод:
II. Фрактальный анализ
Фрактал:
Характеристика:
Вывод:

Общий вывод:

Примеры для эмпирического анализа из цикла романов «Дающий. Квадрология» Л. Лоури представлены в **ПРИЛОЖЕНИИ 1** к данному диссертационному исследованию в порядке их рассмотрения в параграфе **3.3. Анализ экологичности / неэкологичности КЭС с применением методов фрактального моделирования.**

Таким образом, представленная методика эмпирического анализа языкового материала инкорпорирует методы и техники двух лингвистических направлений: эмотивной лингвоэкологии и лингвосинергетики, что помогает, во-первых, более глубоко и всесторонне проанализировать КЭС, а во-вторых, установить, по какой фрактальной модели чаще всего развивается экологичное или неэкологичное общение.

3.3. Анализ экологичности / неэкологичности КЭС с применением методов фрактального моделирования

3.3.1. Позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация

В данном параграфе рассматриваются примеры КЭС, в которых в процессе общения передается позитивная информация (похвала, дружеская или семейная беседа, слова поддержки, приятные воспоминания, теплая встреча и др.). Языковая репрезентация также позитивная, т.е. оценочный знак эмотивов в КЭС, согласно анализу словарных дефиниций, является преимущественно положительным.

Пример 1.

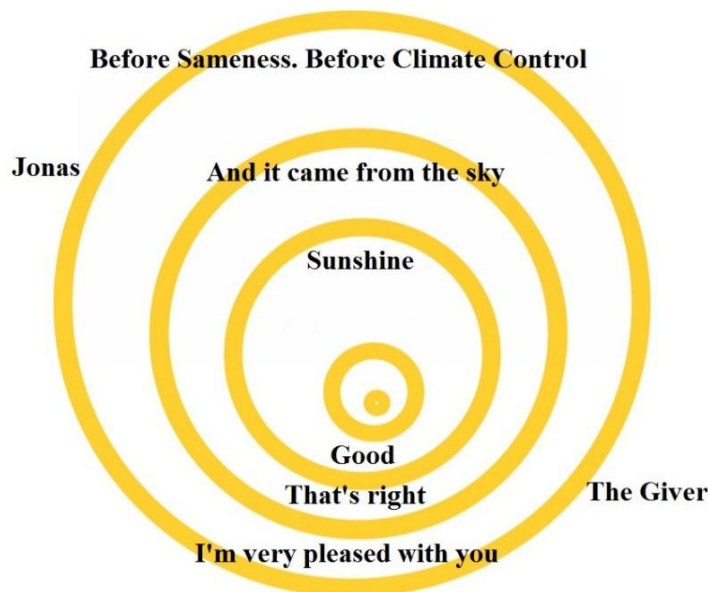
I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>Laugh, v.</i> – to find amusement or pleasure in smth. (смеяться) (+)</p> <p><i>Pleased, adj.</i> from <i>please, v.</i> – to afford or give pleasure or satisfaction (довольный) (+)</p> <p><i>Right, adj.</i> – being in accordance with what is just, good, or proper (правильный) (+)</p> <p><i>Well, adv.</i> – in a good or proper manner (хорошо) (+)</p> <p><i>Good, adj.</i> – of a favorable character or tendency (хороший) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Дающий (учитель) хвалит Джонаса, который быстро учится принимать воспоминания и хорошо усваивает информацию.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: Джонасу приятна похвала Дающего, также ему интересно узнавать и чувствовать новое, например, солнечный свет, тепло, холод, снег и т.д.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: Дающему нравится Джонас, поэтому он искренне радуется его успехам в обучении, а Джонасу приятно осознавать, что учитель им доволен.
- 2) Доброжелательность – **да**: общение учителя и ученика проходит в доброжелательной и теплой манере и напоминает общение дедушки с внуком.
- 3) Этичность – **да**: Дающий привязан к Джонасу и даже неприятные знания и воспоминания старается передать максимально аккуратно, чтобы не причинить ему вред.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Самоорганизация общения в форме концентрических кругов представляет собой приращение и диссипацию смысловых элементов по принципу волнообразного движения из центра к периферии с расширением значения во всех возможных направлениях. В данном примере представлены двойные расходящиеся круги: с одной стороны, круги Джонаса, описывающего солнечный свет, смысловое

значение которого расширяется на каждом новом круге: свет, идущий с неба → свет, каким он был до Одинаковости. С другой стороны, круги Дающего, похвала которого на каждом новом круге становится более многословной. Под действием аттракторов, представленных лексемами «*sunshine*» и «*good*», смысловые компоненты КЭС радиально самоорганизуются, благодаря чему происходит смысловое расширение содержания КЭС через его интерпретации.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: позитивная информация (похвала) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Пример 2.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>Thoughtfully, adv.</i> from <i>thoughtful, adj.</i> – characterized by careful reasoned thinking (задумчиво) (+)</p> <p><i>Grin, v.</i> – to draw back the lips so as to show the teeth especially in amusement or laughter (расплыться в улыбке) (+)</p> <p><i>Frown, v.</i> – to contract the brow in displeasure or concentration (хмуриться) (–)</p> <p><i>Slyly, adv.</i> from <i>sly, adj.</i> – lightly mischievous (с хитрецей) (+)</p> <p><i>Chortle, v.</i> – to laugh or chuckle especially when amused or pleased (хихикать) (+)</p> <p><i>Laughter, n.</i> from <i>laugh, v.</i> – to find amusement or pleasure in smth. (смех) (+)</p> <p><i>Hoot, v.</i> – to shout or laugh usually derisively (хохотать) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Джонас с интересом расспрашивает пожилую жительницу общины Лариссу о церемонии прощания, та с удовольствием о ней рассказывает.</p>

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Ларисса рассказывает Джонасу о том, насколько ей понравилась церемония прощания, Джонас слушает с интересом и выражает желание однажды поприсутствовать на церемонии.

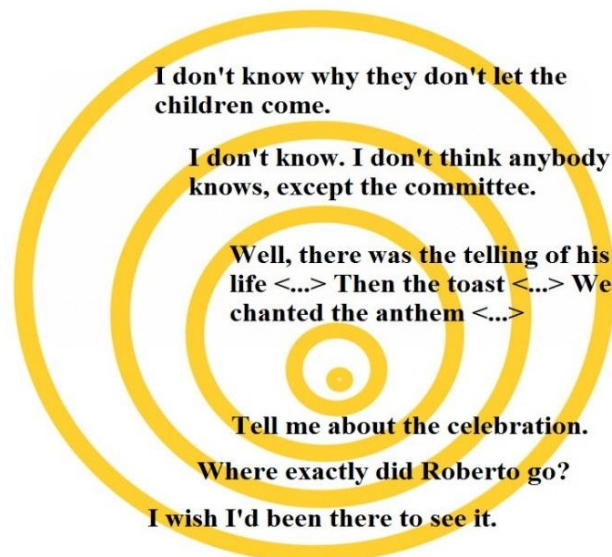
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: Джонас и Ларисса честно и открыто выражают свои эмоции по поводу церемонии, их общение носит непринужденный характер дружеской беседы.
- 2) Доброжелательность – **да**: общение героев происходит в дружеском и позитивном ключе, они весело шутят друг с другом, шутки абсолютно безобидны.
- 3) Этичность – **да**: даже когда Джонас или Ларисса шутят, они аккуратны и этичны, чтобы собеседник не принял шутку за насмешку и не обиделся.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Смысл беседы представлен в виде концентрических кругов, расходящихся из центра к периферии. Центральный смысловой элемент, представленный лексемой «*Celebration of Release*», развивается вокруг аттрактора к

периферийным областям с одновременным наращиванием новых смысловых компонентов и их расширением в разные стороны на каждом последующем круге. Так, беседа героев в виде последовательных комментариев обрастает новыми подробностями, способствуя уточнению информации и более полному пониманию КЭС.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: позитивная информация (дружеская беседа) передается лексическими единицами с положительным коннотативным значением. Данная КЭС является экологичной и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Пример 3.

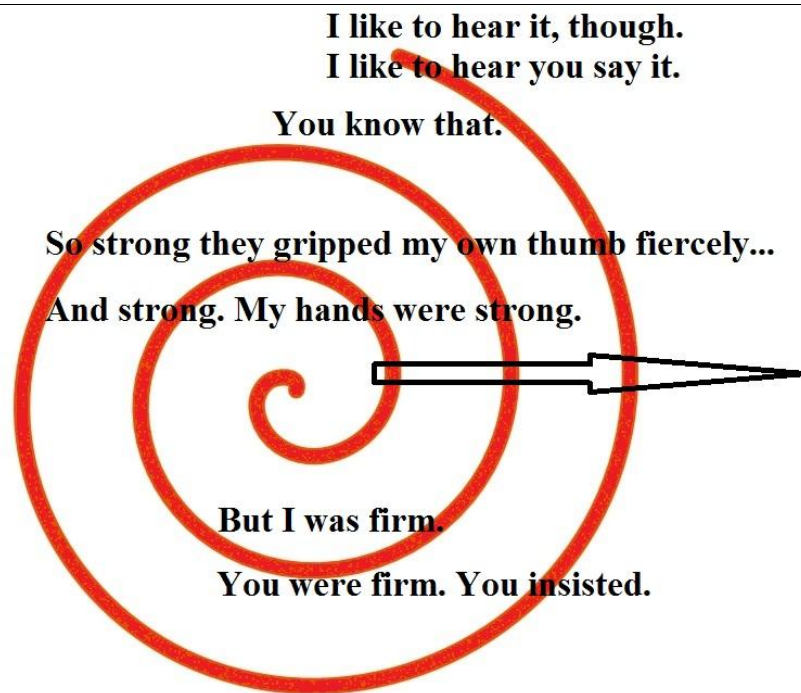
I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>Satisfaction, n.</i> – a source or means of enjoyment (удовлетворение) (+)</p> <p><i>Pride, n.</i> – pleasure that comes from some relationship, association, achievement, or possession that is seen as a source of honor, respect, etc. (гордость) (+)</p> <p><i>Laugh, v.</i> – to find amusement or pleasure in smth. (смеяться) (+)</p> <p><i>Beg, v.</i> – to ask earnestly for (умолять) (+)</p> <p><i>Smile, v.</i> – to appear pleasant or agreeable (улыбаться) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: мама рассказывает дочери Кире о моменте ее рождения и о том, что, несмотря на врожденный дефект дочери, мама отказалась ее бросить.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: дочери приятно слушать эту историю вновь и вновь, так как она показывает, как сильно мама ее любит, что дает Кире ощущение нужности.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: мама и дочь нежно любят друг друга, они честны и искренны друг с другом, и даже неприятные подробности рождения Киры не расстраивают ее.
- 2) Доброжелательность – **да**: общение между героинями пронизано нежностью и добротой, мама пытается показать дочери всю силу своей любви.
- 3) Этичность – **да**: чтобы не расстроить дочь, мама аккуратно рассказывает о том, что девочку хотели отнять у нее при рождении из-за врожденного недостатка.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В этом примере раскручивающейся спирали характерны колебательные процессы с увеличивающейся амплитудой. В случае развития общения по спирали происходит развитие смысла КЭС с каждым новым витком от центра, сформированного вокруг аттрактора через лексему «*I was firm*», к периферии, с повторением информации, приращением смысловых элементов, а также с

появлением эмерджентных смыслов. Каждый виток спирали, являясь симметричным отображением соответствующего значения, актуализирует новые смысловые значения по сравнению с предыдущим витком и становится новым уровнем понимания КЭС.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: позитивная информация (разговор мамы и дочери) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 4.

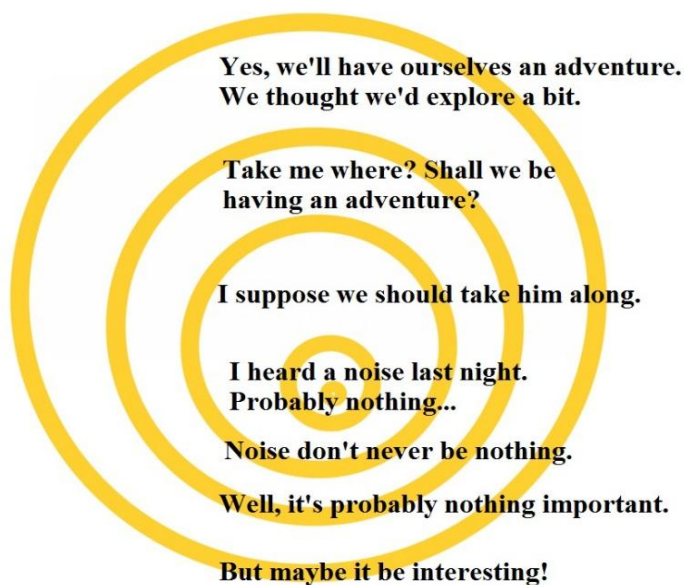
I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>(In) delight, n.</i> – a high degree of gratification or pleasure (в восторге) (+)</p> <p><i>Rightly, adv.</i> – according to truth or fact (верно) (+)</p> <p><i>Interesting, adj.</i> – holding the attention (интересный) (+)</p> <p><i>Eagerly, adv.</i> from <i>eager, adj.</i> – marked by enthusiastic or impatient desire or interest (с рвением) (+)</p> <p><i>Important, adj.</i> – marked by or indicative of significant worth or consequence: valuable in content or relationship (важный) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Кира и Томас предлагают Мэтту пойти с ними осмотреть другие комнаты в Здании Совета, где они живут, зная, что Мэтт будет рад присоединиться.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: Мэтт в восторге от предложения, так как воспринимает осмотр здания как приключение и с удовольствием соглашается.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: Кира, Томас и Мэтт – друзья и никогда ничего не скрывают друг от друга, они всегда искренны друг с другом и в словах, и в поступках.
- 2) Доброжелательность – **да**: герои общаются с большой добротой, так как они очень близки и являются друг для друга семьей, которой ни у кого из ребят нет.
- 3) Этичность – **да**: все трое героев заботятся о чувствах друг друга и стараются быть этичными в выражении своих эмоций и мыслей, чтобы не обидеть.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В рассмотренном примере общение представляет собой два симметрично расходящихся концентрических круга с единым центром, сформированным вокруг смыслового аттрактора, представленного лексемой «*I suppose we should take him along*». Далее смысл расходится по направлению к периферии по двум кругам: Кира – Мэтт и Томас – Мэтт, каждый из векторов развития смысла

стремится к своему аттрактору («*adventure*» и «*noise*»), приращивая при этом новые смысловые элементы на новом круге и расширяя общее понимание КЭС.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: позитивная информация (предложение осмотреться) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Пример 5.

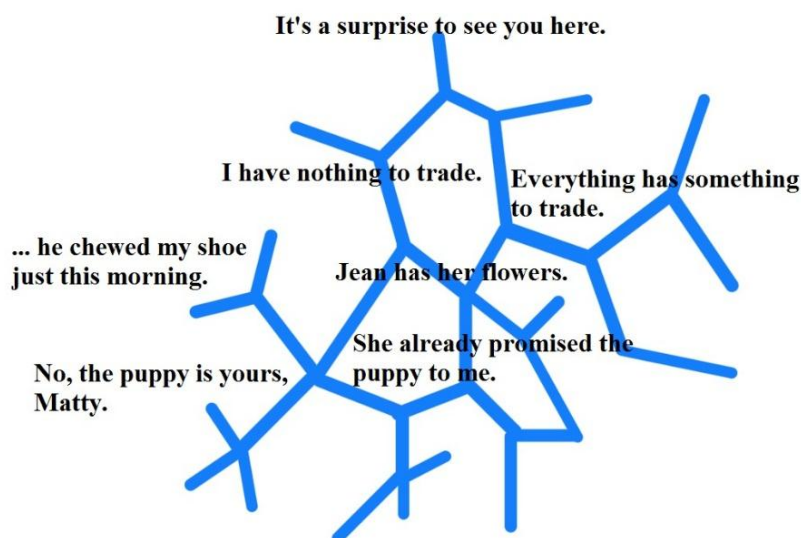
I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>Smile, v.</i> – to appear pleasant or agreeable (улыбаться) (+)</p> <p><i>Affectionately, adv.</i> from <i>affection, n.</i> – a feeling of liking and caring for someone or smth.: tender attachment (ласково) (+)</p> <p><i>Laugh, v.</i> – to find amusement or pleasure in smth. (смеяться) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: учитель Мэтти рад его видеть и приветствует его на Ярмарке.</p> <p>3) Реакция слушающего – негативная: несмотря на то, что учитель приветлив, Мэтти чувствует, что с ним что-то не так, поэтому он не верит в его искренность и настороженно наблюдает за его действиями.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – нет: учитель искренне рад видеть Мэтти, а Мэтти – нет, он обеспокоен изменениями в характере и поведении учителя, поэтому реагирует сдержанно.</p> <p>2) Доброжелательность – да: и учитель, и Мэтти стараются общаться вежливо и приветливо, так как хорошо знают друг друга, Мэтти пытается не выдать своего волнения.</p>

3) Этичность – **нет**: со стороны учителя общение этично; со стороны Мэтти – нет, так как он пытается выяснить, что произошло с учителем, при этом не выдавая своих намерений.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

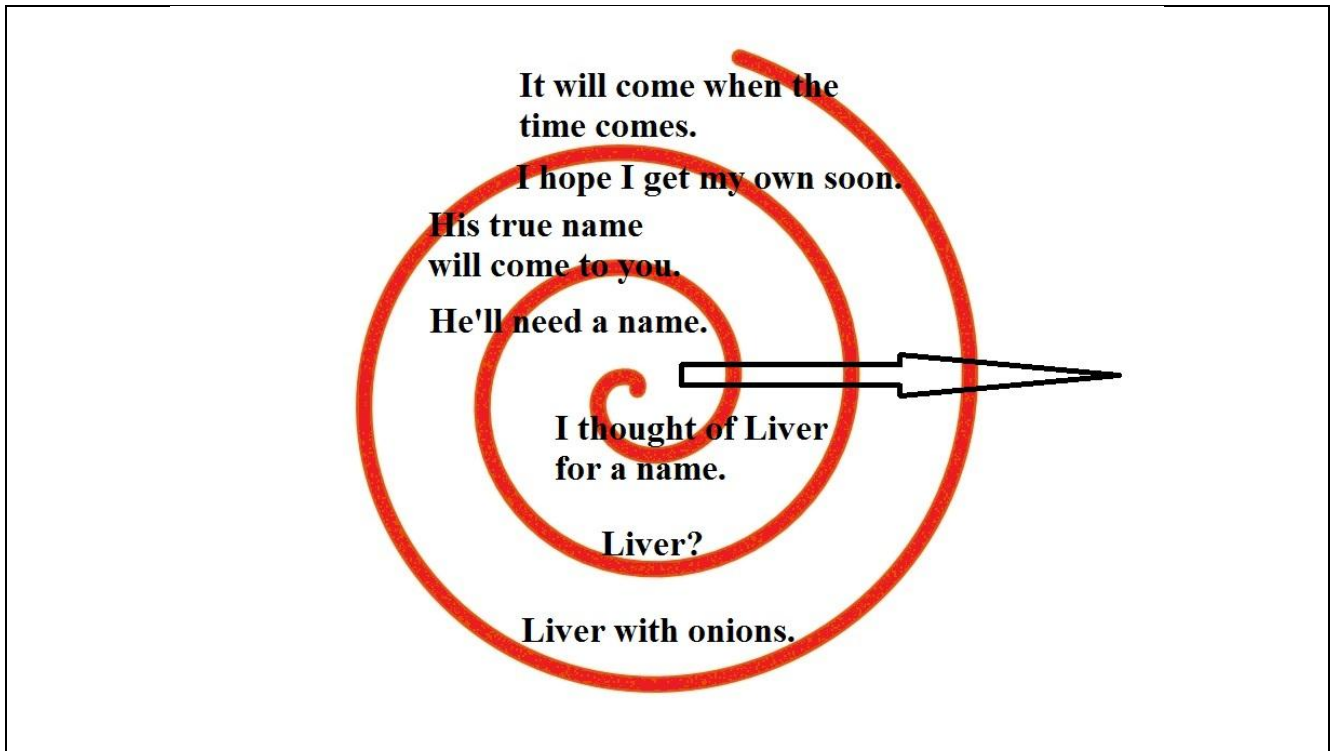
В примере выше общение развивается по ризоматической модели, двигаясь хаотично и разнонаправленно. Имея общий скрытый стержень и формируясь вокруг аттрактора, выраженного лексемой «*It's a surprise to see you here*», общий смысл расщепляется на более мелкие компоненты («*flowers*», «*puppy*») с приращением и диссипацией смысловых элементов. В целом общение развивается хаотично, так как Мэтти постоянно старается переключиться с одной темы на другую, пытаясь выяснить секрет учителя.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризома».

Общий вывод: позитивная информация (беседа учителя и Мэтти) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Несмотря на это, подробный анализ показал, что данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «ризома».

Пример 6.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный: <i>Nod, v.</i> – to make a quick downward motion of the head whether deliberately (as in expressing assent or salutation) or involuntarily (as from drowsiness) (кивнуть) (+) <i>Laugh, v.</i> – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+) <i>Make a face</i> – to distort one's features (поморщиться) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Мэтти пытается придумать имя своему щенку и обсуждает варианты с Видящим, некоторые имена забавные.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: Видящий внимательно слушает Мэтти и с удовольствием участвует в выборе имени для щенка, так как понимает, что для мальчика это важно.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – да: Видящий поддерживает Мэтти, говоря, что нужное имя обязательно найдется для щенка, а также со временем определится предназначение для самого Мэтти.</p> <p>2) Доброжелательность – да: Мэтти и Видящий относятся друг к другу как отец к сыну, они общаются с нежностью и заботой, постоянно по-доброму подшучивая друг над другом.</p> <p>3) Этичность – да: Видящий этичен, он знает, что Мэтти хочет скорее получить свое имя-назначение, и успокаивает его, говоря, что это произойдет очень скоро, чтобы Мэтти не расстраивался.</p>
Вывод: данная КЭС экологична.
II. Фрактальный анализ
Фрактал:

Характеристика:

В примере выше смысл общения развивается по спиралевидной модели. От центра, сформированного вокруг аттрактора, выраженного лексемой «*He'll need a name*», расходятся две раскручивающиеся спирали к периферийным областям. Одна спираль стремится к аттрактору «*I hope I get my own [name] soon*», вторая – к аттрактору с вариантами имен для щенка. У первой спирали при прохождении точки бифуркации смысловые элементы подверглись диссипации, система стабилизировалась вокруг нового аттрактора. Вторая спираль с каждым новым витком повторяет смысловой элемент и приращивает новые, подвергая систему флуктуациям и выводя ее из равновесного состояния.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: позитивная информация (выбор имени) передается лексическими единицами с положительным коннотативным значением. Данная КЭС является экологичной и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 7.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) **Оценочный знак эмоций – положительный:**

Nod, v. – to make a quick downward motion of the head whether deliberately (as in expressing assent or salutation) or involuntarily (as from drowsiness) (кивать) (+)

Correct, v. – to point out usually for amendment the errors or faults of (поправить) (+)

Affably, adv. from *affable, adj.* – being pleasant and at ease in talking to others (дружелюбно) (+)

Frightened, adj. – feeling fear: made to feel afraid (напуганный) (–)

Reassuring, adj. – restoring or intended to restore confidence: reducing or eliminating worry or uncertainty (успокаивающий) (+)

2) **Интенция говорящего – позитивная:** члены комиссии стараются успокоить Клэр и сообщают, что с ее ребенком все хорошо и что она скоро получит новое назначение.

3) **Реакция слушающего – негативная:** Клэр относится к словам комиссии с недоверием, она чувствует, что что-то не так, и волнуется из-за своего будущего назначения.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) **Искренность – нет:** члены комиссии нехотя отвечают на вопросы Клэр и стараются побыстрее от нее избавиться, Клэр это чувствует и относится к словам комиссии с недоверием.

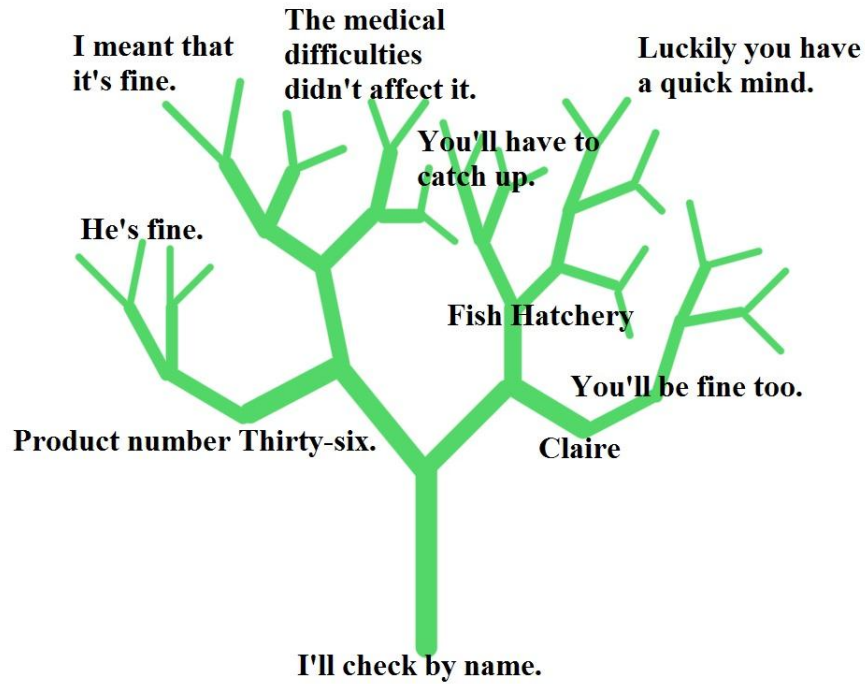
2) **Доброжелательность – да:** общаются члены комиссии вежливо, так как этого требуют правила поведения общины, кроме того, они чувствуют неуверенность Клэр и пытаются ее подбодрить.

3) **Этичность – нет:** несмотря на попытки комиссии быть доброжелательными, Клэр чувствует, что ей что-то не договаривают, что указывает на неэтичность их поведения, Клэр это беспокоит.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В данном примере смысл КЭС разделяется от центрального ствола (аттрактора), выраженного фразой «*I'll check by name*», на две разнонаправленные ветви, касающиеся будущего назначения самой Клэр и судьбы ее ребенка («*Product 36*» и «*Claire*»). Каждая ветвь далее делится на более мелкие ветви, формирующиеся вокруг новых аттракторов (назначение Клэр и состояние новорожденного) с приращением дополнительных смысловых элементов.

Вывод: общение в данной КЭС развивается по фрактальной модели «древо».

Общий вывод: позитивная информация (новое назначение) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Несмотря на это, подробный анализ показал, что данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «древо».

Пример 8.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмоций – **положительный**:

Make a face – to distort one's features (поморщиться) (+)

Laugh, v. – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+)

Wry, adj. – made by a deliberate distortion of the facial muscles often to express irony or mockery (иронический) (+)

Smile, n. – a pleasant or encouraging appearance (улыбка) (+)

Nod, v. – to make a quick downward motion of the head whether deliberately (as in expressing assent or salutation) or involuntarily (as from drowsiness) (кивнуть) (+)

Chuckle, v. – to laugh inwardly or quietly (хихикать) (+)

Furrow, v. from *furrow, n.* – a deep wrinkle (нахмуриться) (–)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: Элис помогает своему другу Бенедикту вспомнить один из приятных моментов прошлого.

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Бенедикт вспомнил день, когда они с Элис были молоды и впервые танцевали вместе.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Элис и Бенедикт знают друг друга давно, поэтому всегда общаются открыто и честно, кроме того, они уже в том возрасте, который позволяет им говорить открыто.

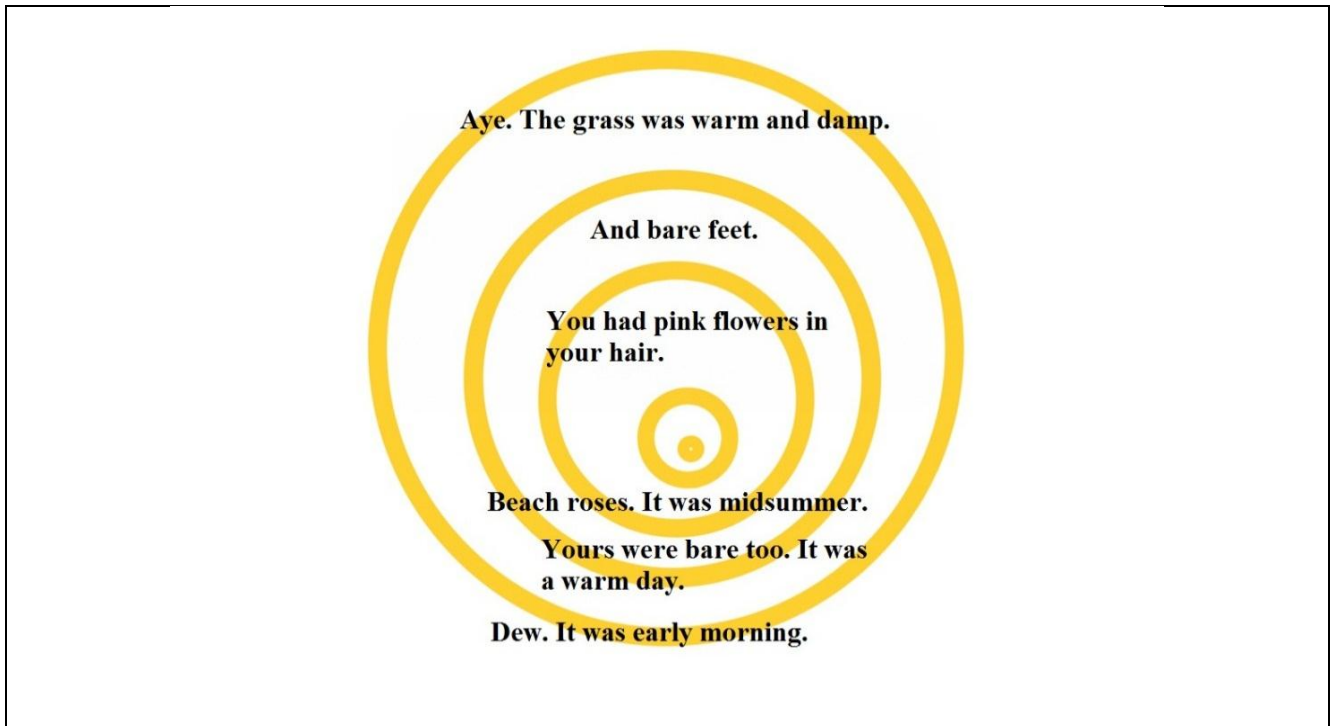
2) Доброжелательность – **да**: герои дружат много лет, поэтому даже когда они подтрунивают друг над другом, делают это по-доброму и не обижаются.

3) Этичность – **да**: Элис и Бенедикт давно знают друг друга и могут себе позволить общаться прямо, однако они не переходят границ этичности и заботятся о чувствах друг друга.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В данной КЭС смысл общения развивается кругообразно от центра к периферии. Центр представлен лексемой «*I thought back to the day we danced*» и сформирован вокруг главного смыслового аттрактора. Далее при движении к новому аттрактору происходит наращение смысловых элементов на каждом последующем круге, дополняя и конкретизируя смысл беседы и выводя ее восприятие на более высокий уровень.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: позитивная информация (воспоминания о молодости) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Данная КЭС **экологична**, развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Пример 9.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **положительный**:

Gently, adv. from *gentle, adj.* – free from harshness, sternness, or violence (нежно) (+)

Carefully, adv. from *careful, adj.* – marked by wary caution or prudence (аккуратно)

(+)

Smile, n. – a pleasant or encouraging appearance (улыбка) (+)

Pleasure, n. – a source of delight or joy (удовольствие) (+)

Enjoy, v. – to take pleasure or satisfaction in (наслаждаться) (+)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: Травник осматривает пожилую Клэр и приободряет ее, говоря, что, несмотря на возраст, она все еще может наслаждаться жизнью.

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Клэр благодарит Травника за заботу, ведь он не знает, что на самом деле она не старая и что Торговец забрал ее молодость в обмен на возвращение к сыну.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Травник, будучи довольно старым, искренне советует Клэр не унывать и наслаждаться тем немногим временем, что у них обоих осталось.

2) Доброжелательность – **да**: Травник внимательный и заботливый по отношению к людям, которые приходят к нему за советом или лечением, он также добр с Клэр.

3) Этичность – **да**: Травник общается этично, он видит, что Клэр стара, но не хочет ее огорчать, поэтому советует ей радоваться жизни, пока еще есть время.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

I'll see you at the feast. We can watch the dancing and remember our young years. There is pleasure in that.

So, you can't dance or chew meat. But if you can hear the birds sing and watch the wind in the leaves, then you still have much pleasure left.

And your eyes? Ears?

Характеристика:

В рассматриваемой ситуации смысл общения сформирован вокруг центрального аттрактора через лексему «*You still have much pleasure left*». Смысл распространяется от центра к периферии по направлению к новому аттрактору «*You should enjoy everything you can*». При прохождении точек бифуркации происходит диссипация излишков информации и приращение новых смысловых элементов на каждом новом круге, что способствует более полному пониманию ситуации общения. Вокруг нового аттрактора система стабилизируется, флуктуации затихают.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: позитивная информация (советы) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «**концентрические круги**».

Пример 10.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

Соответствие определению экологичности / неэкологичности

коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **положительный**:

Affectionately, adv. from *affection, n.* – a feeling of liking and caring for someone or something: tender attachment (с любовью) (+)

Ignorance, n. – lack of knowledge, education, or awareness (незнание) (–)

Grin, v. – to draw back the lips so as to show the teeth especially in amusement or laughter (расплыться в улыбке) (+)

Laugh, v. – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+)

Like, v. – to feel attraction toward or take pleasure in (нравится) (+)

Love, v. – strong affection for another arising out of kinship or personal ties (любовь) (+)

Passionately, adv. – with great feeling and emotional intensity (со страстью) (+)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: Кира радуется возвращению Мэтти, за которого она волновалась, а также тому, что он принес ей синий цвет, которого ей не хватало.

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Мэтти счастлив от того, что ему удалось порадовать подругу, он с удовольствием рассказывает о своих приключениях и открытиях.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Кира и Мэтти искренне рады встрече, они весело общаются, Мэтти подробно рассказывает Кире о своих приключениях и о сюрпризах, которые ей приготовил.

2) Доброжелательность – **да**: герои общаются друг с другом с добротой и нежностью, Кира относится к Мэтти как к младшему брату, она волновалась за него и рада его возвращению.

3) Этичность – **да**: Кира и Мэтти всегда заботятся о чувствах друг друга, потому что понимают, что жизнь обоих тяжела, поэтому даже неприятные новости стараются преподнести этично.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:	
<p>I love the blue.</p>	 <p>Do you think it makes them quiet and nice, to be broken?</p> <p>What do you mean, broken?</p> <p>Them be all broken, them people.</p> <p>Anyways, them got blue, for certain sure.</p> <p>For certain sure.</p>
Характеристика:	
<p>Смысл общения в примере развивается спиралевидно от центра к периферийным областям в направлении к новым аттракторам. Центральный аттрактор выражен лексемой «<i>Them be all broken</i>», от него расходятся две параллельные спирали, одна к аттрактору «<i>broken people</i>», вторая – к «<i>them got blue</i>». На каждом новом витке спирали происходит повторение смыслового центра с постепенным приращением эмерджентных смысловых элементов, выводя общее понимание смысла коммуникации на новый уровень.</p>	
<p>Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».</p>	

Общий вывод: позитивная информация (встреча Киры и Мэтти) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «спираль».

Таким образом, проведенный анализ выявил 8 экологичных и 2 неэкологичные КЭС. Экологичное общение развивается по моделям «концентрические круги» (5 примеров) и «спираль» (3 примера). Неэкологичное общение – по моделям «древо» (1 пример) и «ризомы» (1 пример).

3.3.2. Негативная информация и ее негативная языковая репрезентация

В примерах КЭС этого параграфа передается негативная информация (плохие новости, сильные переживания, предостережение об опасности, ссора, спор и др.). Кроме того, для подобных КЭС характерна негативная языковая репрезентация, поскольку анализ словарных дефиниций выявил отрицательный оценочный знак большинства рассматриваемых эмотивов.

Пример 1.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – преимущественно отрицательный:</p> <p><i>Sigh, v.</i> – to make a deep audible breath (as in weariness or relief) (вздыхать) (–)</p> <p><i>Hope, v.</i> – to cherish a desire with anticipation: to want smth. to happen or be true (надеяться) (+)</p> <p><i>Sharply, adv.</i> from <i>sharp, adj.</i> – inclined to or marked by irritability or anger (резко) (–)</p> <p><i>Petulantly, adv.</i> from <i>petulant, adj.</i> – insolent or rude in speech or behavior (капризно) (–)</p> <p><i>Firmly, adv.</i> from <i>firm, adj.</i> – not weak or uncertain (твердо) (–)</p> <p><i>Acknowledge, v.</i> – to recognize the rights, authority, or status of (признавать) (+)</p> <p><i>Reluctantly, adv.</i> from <i>reluctant, adj.</i> – feeling or showing aversion, hesitation, or unwillingness (нехотя) (–)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: мама пытается убедить дочь Лили, что быть Роженицей – это не очень хорошее назначение, а потому Лили не стоит об этом думать.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: дочь сначала не согласна с мнением мамы, но быстро принимает ее доводы, так как понимает их разумность и не хочет ее расстраивать.</p>

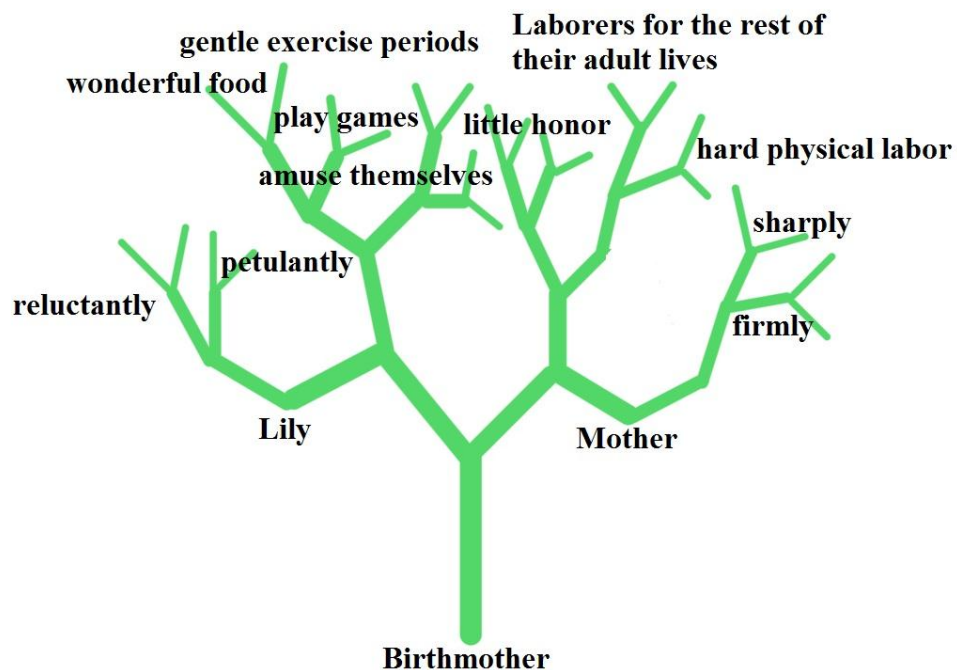
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: дочь поначалу не согласна с мнением мамы, но уступает, чтобы не продолжать спор, так как понимает, что мама права и желает ей лучшего.
- 2) Доброжелательность – **да**: несмотря на то, что коммуниканты спорят, они члены семьи и любят друг друга, поэтому стараются быть сдержанными и доброжелательными.
- 3) Этичность – **да**: поскольку разговор представляет собой спор мамы с дочерью, обе стороны стараются быть вежливыми и подбирать слова, чтобы не обидеть друг друга.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Развитие смысла КЭС по древовидной модели представляет из себя симметричное разветвление смысловых элементов из центрального смыслового аттрактора, представленного лексемой «*Birthmother*», в направлении периферии.

Одна ветвь символизирует мнение мамы, вторая – дочери Лили. Далее происходит последующее деление, символизирующее аргументы, которые приводит каждая из сторон, а также их манеру общения. При этом на каждой ветви можно наблюдать как приращение новой информации и ее последующее деление, так и диссипацию ненужных смысловых компонентов, что приводит системы в неравновесное состояние. Основные ветви мамы и Лили стремятся к своим новым аттракторам, стабилизируясь вокруг них.

Вывод: общение в данной КЭС развивается по фрактальной модели «древо».

Общий вывод: негативная информация (спор) передается лексическими единицами с преимущественно **отрицательным** коннотативным значением. Однако, как показал подробный анализ, данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «древо».

Пример 2.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Irritated, adj.</i> from <i>irritate, v.</i> – to provoke impatience, anger, or displeasure in (раздраженный) (–)</p> <p><i>Plead, v.</i> – to entreat or appeal earnestly (молить) (–)</p> <p><i>Angrily, adv.</i> from <i>anger, n.</i> – a strong feeling of displeasure and usually antagonism (со злостью) (–)</p> <p><i>Automatically, adv.</i> – largely or wholly involuntary (машинально) (–)</p> <p><i>Warily, adv.</i> from <i>wary, adj.</i> – marked by keen caution, cunning, and watchfulness especially in detecting and escaping danger (опасливо) (–)</p> <p><i>Mumble, v.</i> – to utter words in a low confused indistinct manner (мямлить) (–)</p> <p><i>Carefully, adv.</i> from <i>careful, adj.</i> – marked by wary caution or prudence (аккуратно) (+)</p> <p><i>Sigh, v.</i> – to make a deep audible breath (as in weariness or relief) (вздыхать) (–)</p>

Wearily, adv. from weary, adj. – exhausted in strength, endurance, vigor, or freshness
(изможденно) (–)

- 2) Интенция говорящего – **негативная**: Ашер, друг Джонаса, злится на то, что Джонас прервал игру-войнушку, в которую Ашер играл с друзьями. Ашер стремится показать другу свое негодование.
- 3) Реакция слушающего – **негативная**: с одной стороны, Джонас понимает, что Ашер (который не представляет, что такое настоящая война) не имеет в виду ничего плохого. С другой стороны, он пытается объяснить другу, что война – это плохо, и очень расстраивается из-за того, что Ашер не желает его слушать.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **нет**: Ашер злится на Джонаса и, хотя он и приносит свои извинения, но делает это неискренне. Со стороны Ашера это, скорее, звучит как сарказм.
- 2) Доброжелательность – **нет**: Ашер высказывает Джонасу свое недовольство, а Джонас обижается на Ашера. Разговор между ними происходит на повышенных тонах с нескрываемыми негативными эмоциями.
- 3) Этичность – **да**: несмотря на то, что Ашер и Джонас ссорятся, они стараются максимально этично выбирать слова, чтобы не наговорить лишнего и не слишком ранить друг друга.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

При ризоматической самоорганизации дискурса смысл развивается внешне хаотично и асимметрично, движение смысловых элементов КЭС разнонаправленно в области периферии при одновременном сохранении «скрытого» смыслового центра. В этой модели большое значение приобретают флуктуации и бифуркации, происходящие в системе, в результате чего она становится неустойчивой. Смысловые элементы в данном примере движутся в разных направлениях от центра смыслового аттрактора, выраженного лексемой «*game*», к периферийным зонам, при этом переплетаясь («*expertness*» vs. «*expertise*»), возвращаясь на предыдущую смысловую ступень («*I said I apologize*»), а затем резко перескакивая на другую («*It's a cruel game*») и т.д.

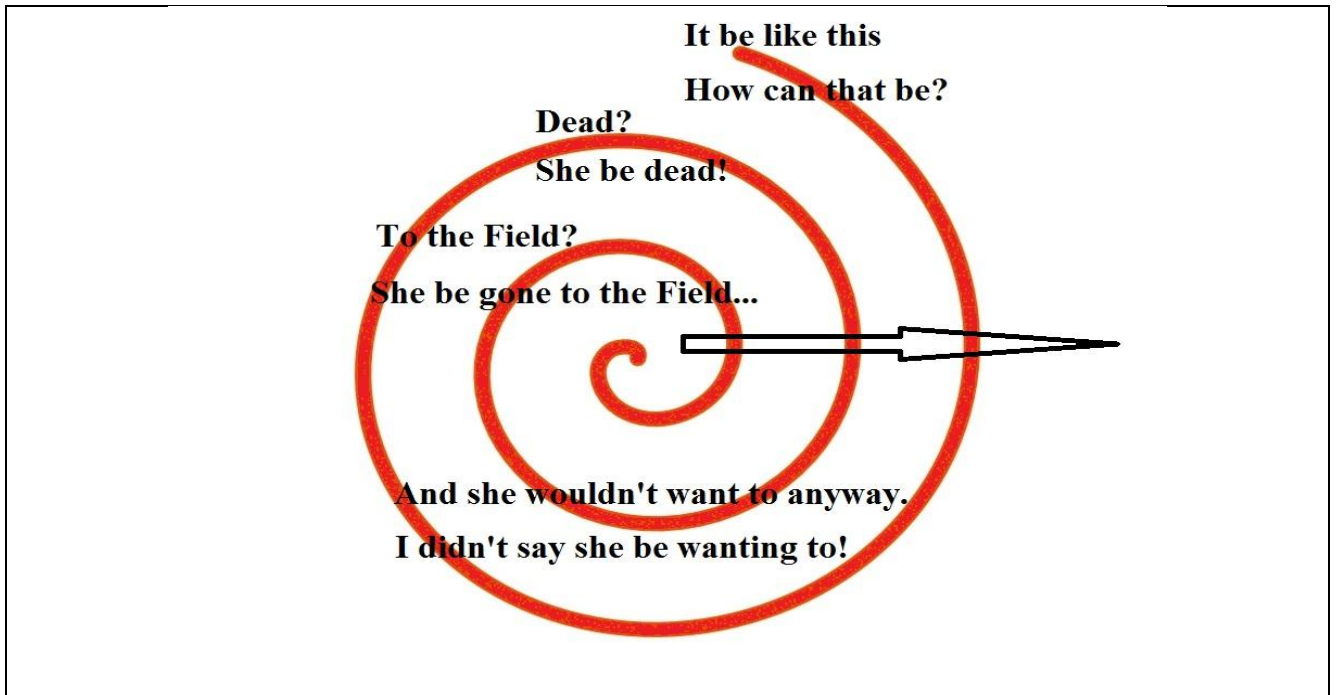
Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризомы».

Общий вывод: негативная информация (ссора) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным значением. Данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «ризомы».

Пример 3.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

<p>Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:</p>
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Solemn, adj.</i> – marked by grave sedateness and earnest sobriety (серьезный) (–)</p> <p><i>Stunned, adj.</i> from <i>stun, v.</i> – to overcome especially with paralyzing astonishment or disbelief (потрясенный) (–)</p> <p><i>Seriously, adv.</i> – in a sincere manner (всерьез) (+)</p> <p><i>(in) Dismay, n.</i> – sudden disappointment (в ужасе) (–)</p> <p><i>Stare, v.</i> – to look fixedly often with wide-open eyes (уставиться) (–)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Мэтт сообщает своей подруге Кире о смерти ее знакомой-травницы. Мэтт не хочет расстраивать Киру, но и не может скрыть эту новость.</p> <p>3) Реакция слушающего – негативная: Киру шокирует новость о смерти Аннабеллы, она реагирует эмоционально. Хотя Кира понимает, что Мэтт не имел в виду ничего плохого, она расстроена.</p>
<p>Соответствие параметрам экологичности коммуникации:</p>
<p>1) Искренность – да: Мэтт спешит рассказать Кире новость, чтобы поставить ее в известность, при этом не желая обидеть, он искренен в своих эмоциях и поступках.</p> <p>2) Доброжелательность – нет: Мэтт старается быть доброжелательным, но не задумывается, что новость может расстроить Киру, а Кира – нет, потому что находится в растерянности от новости.</p> <p>3) Этичность – нет: Мэтт не этичен, он не задумывается о манере преподнесения новости и не пытается смягчить ситуацию, так как не осознает, насколько сильно Кира привязана к умершей знакомой.</p>
<p>Вывод: данная КЭС не экологична.</p>
<p>II. Фрактальный анализ</p>
<p>Фрактал:</p>

Характеристика:

В данном примере смысл развивается от центрального аттрактора, выраженного во фразе «*What do you mean, I mustn't go?*», к периферийной области. На каждом новом витке спирали происходит повторение информации, что подчеркивает состояние растерянности Киры. При этом с новым витком смысл ситуации конкретизируется и расширяется, что также сопровождается диссипацией излишков информации.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: негативная информация (сообщение о смерти знакомой) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным значением. Данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 4.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **отрицательный**:

Abruptly, adv. – in a sudden and unexpected way (резко) (–)

Peer at, v. – to look narrowly or curiously (сверлить взглядом) (–)

Mistrust, n. – a lack of confidence (недоверие) (–)

(In) dismay, n. – sudden disappointment (в отчаянии) (–)

Shocked, adj. – stricken with sudden mental or emotional disturbance (шокированный)
(–)

Shove, v. – to move by forcing a way (оттолкнуть) (–)

Pull, v. – to exert force upon so as to cause or tend to cause motion toward the force
(дернуть) (–)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: Кира и Томас ищут Мэтта, который отсутствует несколько дней, и пытаются выяснить у его матери, не знает ли она, где ее сын.

3) Реакция слушающего – **негативная**: мать не знает, где Мэтт, более того, она не желает разговаривать с Кирой и Томасом и отвечает им грубо, пытаясь поскорее избавиться от них.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **нет**: Кира и Томас искренне волнуются за Мэтта, а матери Мэтта все равно, она не желает помогать героям и старается выгнать их, ничего им не рассказав.

2) Доброжелательность – **нет**: мать Мэтта злят расспросы о нем, она грубо и резко отвечает Кире и Томасу, которые, в свою очередь, стараются быть доброжелательными.

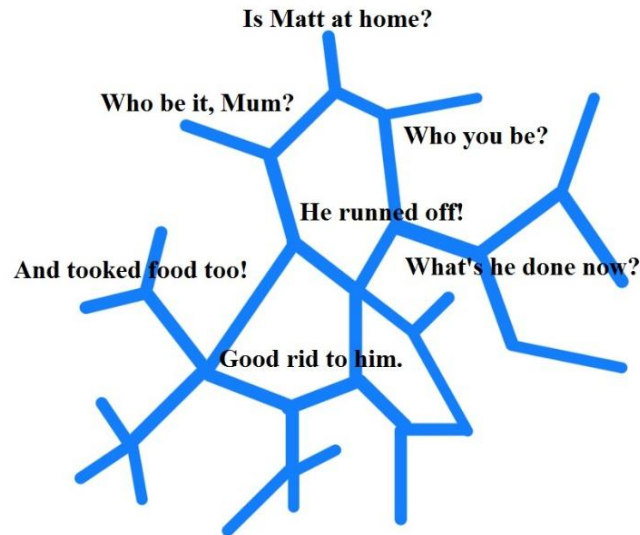
3) Этичность – **нет**: женщина не пытается скрыть своего раздражения, она нехотя отвечает на вопросы и захлопывает дверь перед героями, ведет себя грубо и неэтично.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Из примера следует, что общение развивается по ризоматической структуре, т.е. разнонаправленно, прерывисто и хаотично. Центральный аттрактор выражен лексемой «*Is Matt at home?*» и концентрирует основной смысловой элемент коммуникации. Далее смысл начинает развиваться от центра к периферии скачкообразно с диссипацией одних и приращением других смысловых элементов, которые добавляются эмерджентно, увеличивая флуктуации и лишая систему стабильности.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризома».

Общий вывод: негативная информация (поиски Мэтта) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным значением. Данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «ризома».

Пример 5.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) **Оценочный знак эмотивов – отрицательный:**

Startle, v. – to frighten or surprise suddenly and usually not seriously (ошарашить) (–)

Cry, v. – to shed tears often noisily (плакать) (–)

(In) horror, n. – painful and intense fear, dread, or dismay (в ужасе) (–)

Weep, v. – to express deep sorrow for usually by shedding tears (рыдать) (–)

Sob, v. – to cry or weep with convulsive catching of the breath (всхлипывать) (–)

2) **Интенция говорящего – позитивная:** Джин, дочь Учителя, жалуется Мэтти на пугающие ее изменения в отце, так как она доверяет Мэтти и ищет его поддержки.

3) **Реакция слушающего – позитивная:** Мэтти тоже обеспокоен поведением Учителя, разговор с Джин помогает ему сформулировать свои опасения; также он искренне заботится о Джин и пытается помочь и утешить ее.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) **Искренность – да:** оба героя честно делятся своими страхами и мыслями по поводу изменений в поведении Учителя и их возможных причин, так как доверяют друг другу.

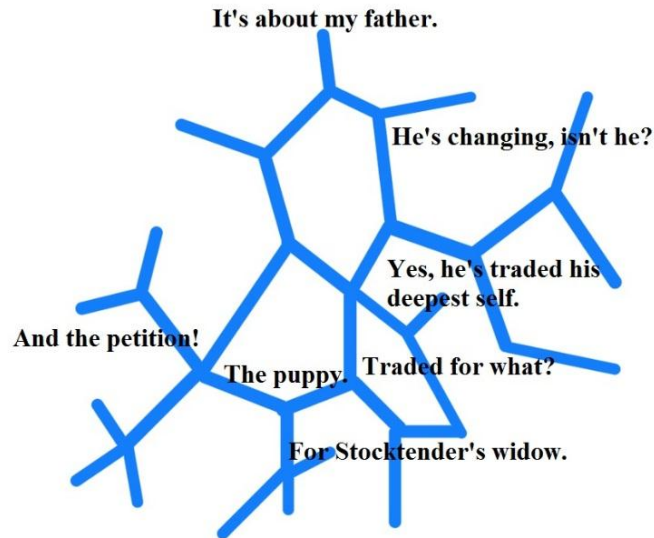
2) **Доброжелательность – да:** Джин испытывает нежные чувства к Мэтти и доверяет ему, Мэтти также очень симпатична Джин, он проявляет заботу и успокаивает ее.

3) **Этичность – да:** герои знают, что могут доверять друг другу, поэтому не боятся быть откровенными, но при этом этичными, чтобы не сказать лишнего и не обидеть друг друга.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Смысловой компонент в данном примере развивается в разных направлениях от центрального аттрактора, выраженного фразой «*It's about my father*», расщепляясь на новые элементы, часть из которых продолжают развивать ту же мысль. При этом часть смысловых линий обрывается («*Stocktender's widow*») и переходит на новые смысловые элементы с приращением дополнительных эмерджентных значений («*the puppy*», «*the petition*»), способствуя хаотичному развитию общего смысла КЭС.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризом».

Общий вывод: негативная информация (жалоба) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным значением. При этом подробный анализ показал, что данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «ризом».

Пример 6.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

Соответствие определению экологичности / неэкологичности

коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **отрицательный**:

Cry out, v. – to make a loud sound because of pain, fear, surprise, etc. (воскликнуть)

(–)

(In) anguish, n. – extreme pain, distress, or anxiety (в ужасе) (–)

Reel, v. – to walk or move unsteadily (испытывать головокружение) (–)

Encouraged, adj. from *encourage*, v. – to inspire with courage, spirit, or hope (воодушевленный) (+)

Despair, n. – utter loss of hope (отчаяние) (–)

Hate, v. – to have a strong aversion to: find very distasteful (не выносить) (–)

Hurry, v. – to move or act with haste (спешить) (–)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: Лидер (Джонас) сообщает, что спешит на помощь раненым Кире и Мэтти, он пытается убедить Видящего (Кристофера), что с ними все будет хорошо.

3) Реакция слушающего – **негативная**: Видящий доверяет Лидеру, но он в ужасе от новостей, так как переживает за дочь Киру и за Мэтти, которого любит как собственного сына.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Лидер понимает, что Видящий напуган новостями о Кире и Мэтти, поэтому пытается убедить его, что сможет помочь; он в это искренне верит.

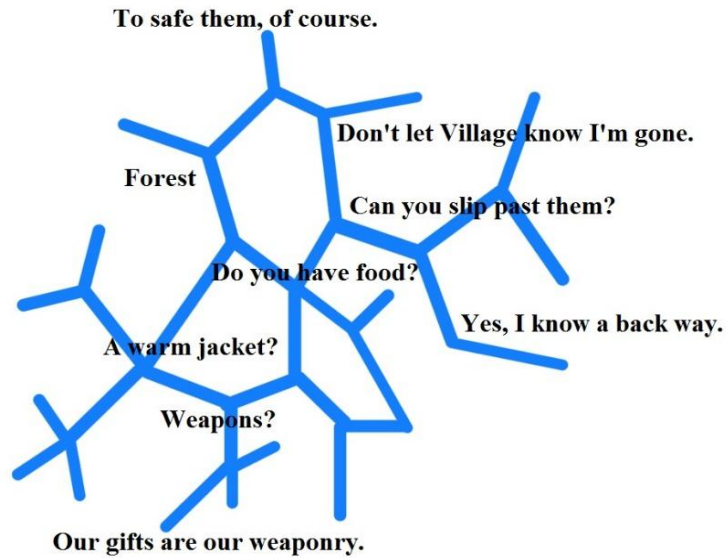
2) Доброжелательность – **да**: Лидер старается аккуратно разговаривать с Видящим, чтобы не напугать его еще сильнее, проявляя доброжелательность и заботу.

3) Этичность – **нет**: Лидер честно все рассказывает Видящему, понимая, что тот будет напуган новостями, но у него нет времени, чтобы преподнести информацию более этично, так как ему нужно спешить на помощь.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Общение в рассматриваемом примере развивается по модели «ризомы» от центрального аттрактора, выраженного во фразе «*To safe them, of course*», к периферийным областям. При этом смысловые элементы переплетаются хаотично, одни смысловые линии прерываются из-за диссипации излишков информации, другие стремятся разнонаправленно к новым аттракторам («*weaponry*», «*Can you slip past them?*») с приращением новых эмерджентных смыслов, выводя систему из равновесного состояния.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризомы».

Общий вывод: негативная информация (плохие новости) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. Данная КЭС является неэкологичной и развивается по фрактальной модели «ризомы».

Пример 7.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмоций – отрицательный:

Apprehensive, adj. – viewing the future with anxiety or alarm (встревоженный) (–)

Shyly, adv. – easily frightened (робко) (–)

Shocked, adj. – stricken with sudden mental or emotional disturbance (шокированный)

(–)

Confused, adj. – being perplexed or disconcerted (смущенный) (–)

Make a face – to distort one's features (скривить лицо) (–)

Carefully, adv. from *careful, adj.* – marked by wary caution or prudence (осторожно)

(+)

Uneasy, adj. – causing physical or mental discomfort (неловко) (–)

- 2) Интенция говорящего – **позитивная**: Клэр пытается выяснить у других Рожениц, не возникало ли у них проблем при родах, чтобы убедиться, что с ней все в порядке и успокоиться.
- 3) Реакция слушающего – **негативная**: в общине Клэр не принято задавать личные вопросы, это считается невежливым, поэтому другие Роженицы реагируют негативно.

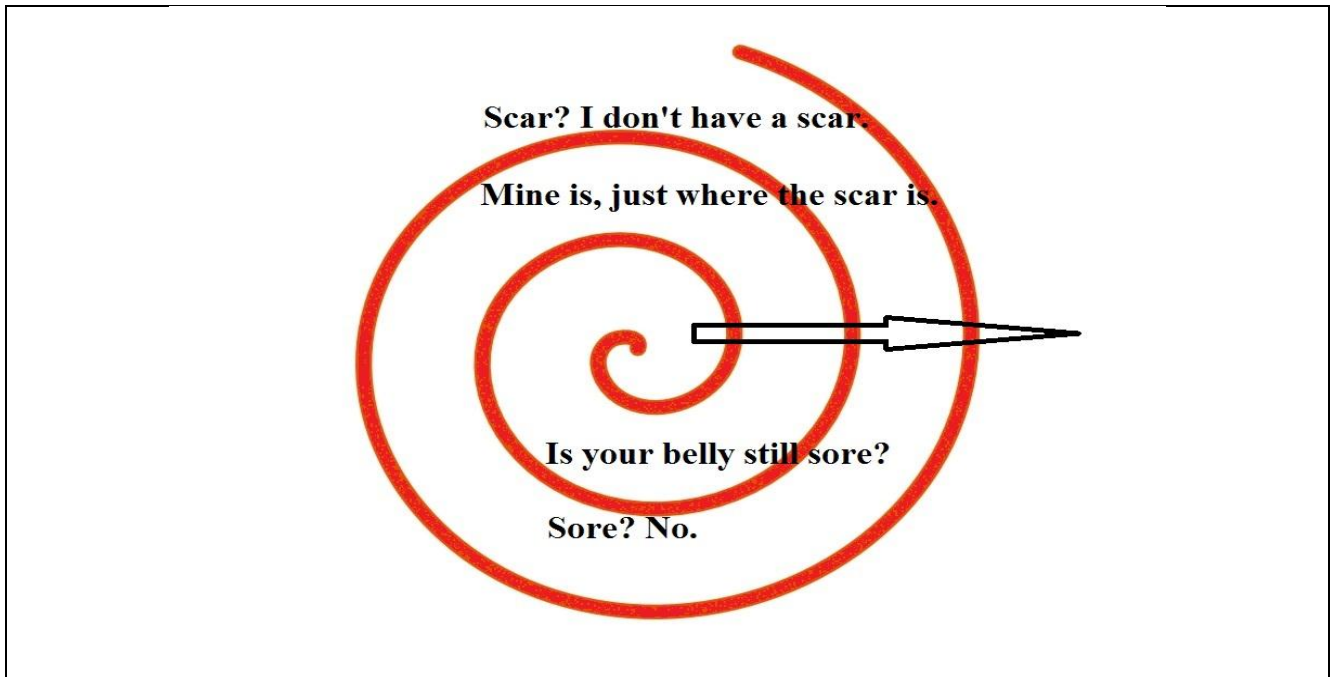
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: Клэр напугана, она ищет поддержки и не имеет в виду ничего плохого, задавая вопросы про осложнения после родов и честно рассказывая о себе.
- 2) Доброжелательность – **да**: Клэр пытается быть вежливой и задает вопросы осторожно, чтобы никого не обидеть, но другим Роженицам подобные вопросы неприятны, хотя они пытаются это не показывать.
- 3) Этичность – **нет**: хотя Клэр вежлива и аккуратна в своих расспросах, ее любопытство не этично и воспринимается другими негативно, так как личные темы обсуждать не принято.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Рассматриваемый пример показывает, что общение развивается по раскручивающейся спирали от центра к периферии. Центральный смысловой компонент представлен лексемой «*Sore belly*» и самоорганизуется вокруг центрального аттрактора. По мере развития общения и проходя точки бифуркации в системе происходит приращение новых смыслов, информация не только повторяется, но и происходит ее расширение, выводя общее понимание КЭС на новый уровень.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: негативная информация (личные вопросы) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. Данная КЭС является неэкологичной и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 8.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Firmly, adv.</i> from <i>firm, adj.</i> – not weak or uncertain (твердо) (–)</p> <p><i>Frown, v.</i> – to contract the brow in displeasure or concentration (хмуриться) (–)</p>

Disappointment, n. from *disappoint, v.* – to fail to meet the expectation or hope of (разочарование) (–)

Brusquely, adv. from *brusque, adj.* – markedly short and abrupt (грубо) (–)

Glower, v. – to look or stare with sullen annoyance or anger (смотреть сердито) (–)

Fierce, adj. – violently hostile or aggressive in temperament (свирепый) (–)

Laugh, v. – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+)

Misery, n. – a state of great unhappiness and emotional distress (страдание) (–)

Shake one's head – to turn one's head from side to side as a way of answering "no" or of showing disagreement or refusal (качать головой) (–)

Smile, v. – to appear pleasant or agreeable (улыбаться) (+)

- 2) Интенция говорящего – **позитивная**: Элис и Бенедикт пытаются убедить Андраса, которому симпатична Клэр, что рано или поздно к ней вернется память.
- 3) Реакция слушающего – **негативная**: Андрас не доверяет словам Элис и Бенедикта, он злится на них, так как считает, что они с ним не честны, а лишь пытаются успокоить.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

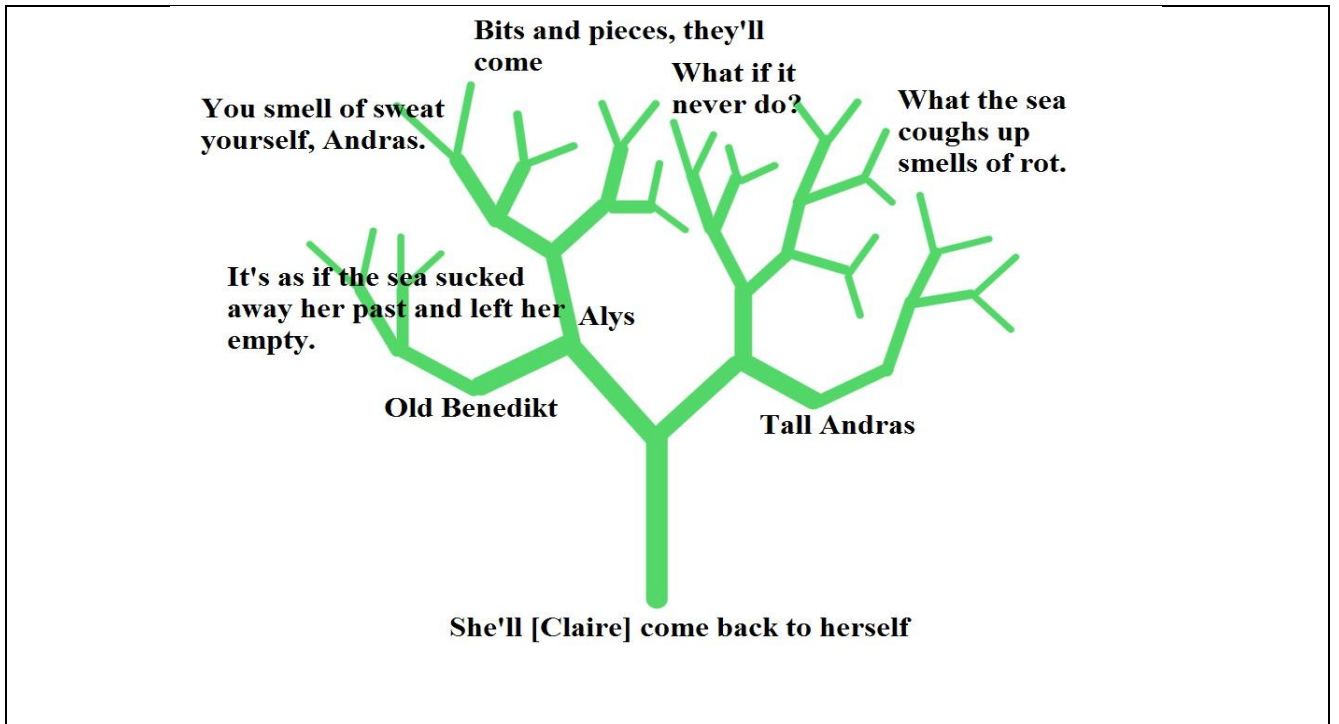
- 1) Искренность – **да**: Элис и Бенедикт искренне верят в излечение Клэр, в чем пытаются убедить Андраса, который, однако, им не доверяет, о чем прямо заявляет.
- 2) Доброжелательность – **нет**: Элис и Бенедикт относятся к Андрасу по-доброму, понимая его нетерпеливость, Андрас же злится и не прислушивается к доводам стариков.
- 3) Этичность – **нет**: Андрас резок в выражениях и общается с Элис и Бенедиктом довольно грубо и не этично, старики, напротив, стараются быть сдержанными и терпеливыми.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В рассматриваемом примере смысл коммуникации развивается по древовидной структуре с единым стволом, который символизирует центральный аттрактор, представленный лексемой «*She'll [Claire] come back to herself*». Далее смысл расходится по двум ветвям: одна ветвь – мнение Андраса со своим направлением в сторону нового аттрактора и приращением новых смысловых элементов; вторая – мнения Элис и Бенедикта, которые поначалу противопоставляются мнению Андраса, однако, в определенный момент их ветвь также делится, поскольку точки зрения пожилых людей начинают расходиться. Каждая ветвь направляется в сторону своего аттрактора с одновременным приращением новых смысловых компонентов и диссипацией излишней информации.

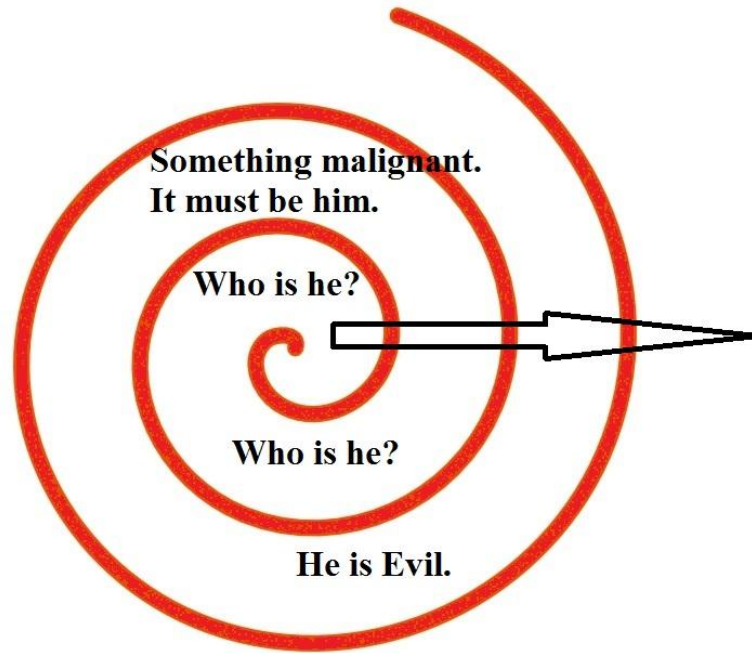
Вывод: общение в данной КЭС развивается по фрактальной модели «дерево».

Общий вывод: негативная информация (спор) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. Данная КЭС является неэкологичной и развивается по фрактальной модели «дерево».

Пример 9.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Muse, v.</i> – to become absorbed in thought (задуматься) (–)</p> <p><i>Puzzling, adj.</i> – difficult to understand or solve (озадачивающий) (–)</p> <p><i>Benign, adj.</i> – of a mild type or character that does not threaten health or life (доброжелательный) (+)</p> <p><i>Malignant, adj.</i> – evil in nature, influence, or effect (враждебный) (–)</p> <p><i>Silent, adj.</i> – making no utterance: not speaking or making noise (молчаливый) (–)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Джонас не хочет пугать Клэр, но не может скрыть от нее того, что Торговец все еще жив и может угрожать Габриэлю (ее сыну).</p> <p>3) Реакция слушающего – негативная: Клэр помнит, что именно Торговец забрал у нее молодость, поэтому она переживает за сына, так как теперь Торговец угрожает и ему.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – да: Джонас и Клэр ищут способ помочь Гэйбу, поэтому искренне и честно рассказывают друг другу всю имеющуюся информацию о Торговце.</p> <p>2) Доброжелательность – да: Джонас рассказывает Клэр о Торговце и об угрозе для Гэйба как можно мягче, чтобы не напугать ее еще сильнее, учитывая ее пожилой возраст.</p> <p>3) Этичность – нет: Джонас не хочет пугать Клэр, но понимает, что она должна знать всю правду о сыне и о Торговце, даже если это будет неэтично и расстроит ее.</p>
Вывод: данная КЭС не экологична.
II. Фрактальный анализ
Фрактал:

Характеристика:

В примере выше смысл развивается спиралевидно от центра к периферийной области. Центр представлен лексемой «*Trademaster*» и формируется вокруг главного смыслового аттрактора. Двигаясь по виткам в направлении нового аттрактора «*Evil*», центральный компонент повторяется, при этом происходит приращение новых эмерджентных смысловых элементов, расширяющих значение КЭС и выводящих понимание всей коммуникативной ситуации на новый уровень.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: негативная информация (неприятный разговор) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. Данная КЭС является неэкологичной и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 10.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

Соответствие определению экологичности / неэкологичности
коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **отрицательный**:

Hoarse, adj. – rough or harsh in sound (хриплый) (–)

Whisper, v. – to speak softly with little or no vibration of the vocal cords especially to avoid being overheard (шептать) (–)

Groan, v. – to utter a deep moan indicative of pain, grief, or annoyance (стонать) (–)

Weak, adj. – lacking strength (слабый) (–)

Painfully, adv. from *painful, adj.* – feeling or giving pain (болезненный) (–)

Puzzled, adj. from *puzzle, v.* – to offer or represent to (someone) a problem difficult to solve or a situation difficult to resolve: challenge mentally (озадаченный) (–)

Shake one's head – to turn one's head from side to side as a way of answering "no" or of showing disagreement or refusal (качать головой) (–)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: Мэтти спрашивает Киру, есть ли у нее силы сесть, чтобы воспользоваться силой и попросить Джонаса о помощи, так как сами они на грани гибели.

3) Реакция слушающего – **негативная**: у Киры нет сил от боли и полученных ран, она не может идти дальше и готова сдаться, так как не верит в то, что кто-то сможет прийти к ним на помощь.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

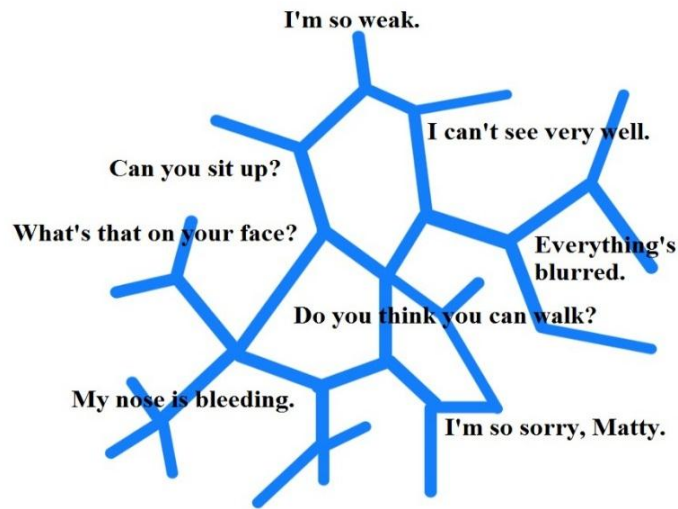
1) Искренность – **да**: Мэтти старается помочь Кире и себе спастись, хотя видит, как измучена подруга, он уговаривает ее продолжать бороться дальше, потому что верит в спасение.

2) Доброжелательность – **да**: Мэтти уговаривает Киру воспользоваться ее даром, чтобы попросить о помощи; несмотря на слабость, он пытается быть ласковым и заботливым.

3) Этичность – **нет**: Кира настолько обессилена, что не пытается быть этичной и не скрывает от Мэтти, что готова опустить руки, о чем говорит ему напрямую.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:**Характеристика:**

Смысл общения в примере выше развивается по структуре «ризомы», т.е. хаотично и скачкообразно, прерываясь и переходя с одного смыслового элемента на другой. От центрального смыслового аттрактора, выраженного лексемой «*I'm so weak*», коммуникация движется разнонаправленно к периферийным областям, стремясь к новым аттракторам, приращивая информацию и подвергая систему флуктуациям. Поскольку герои находятся на грани жизни и смерти, их сознание спутанно, что выражается в их несвязной речи и оговорках.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризомы».

Общий вывод: негативная информация (трудный разговор) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. Данная КЭС является неэкологичной и развивается по фрактальной модели «ризомы».

Согласно анализу, представленному в данном параграфе, выявлены 2 экологичные и 8 неэкологичных КЭС. Экологичное общение развивается по моделям «древо» (1 пример) и «ризомы» (1 пример). Неэкологичное общение – по моделям «ризомы» (4 примера), «спираль» (3 примера) и «древо» (1 пример). Модель «концентрические круги» в данном параграфе отсутствует.

3.3.3. Позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация

В данном параграфе рассматриваются КЭС, передающие позитивную информацию (хорошие новости, попытка подбодрить, предложение помощи, совет, извинение и др.). При этом языковая репрезентация в примерах негативная: как показывает анализ словарных дефиниций, оценочный знак эмотивов является в основном отрицательным.

Пример 1.

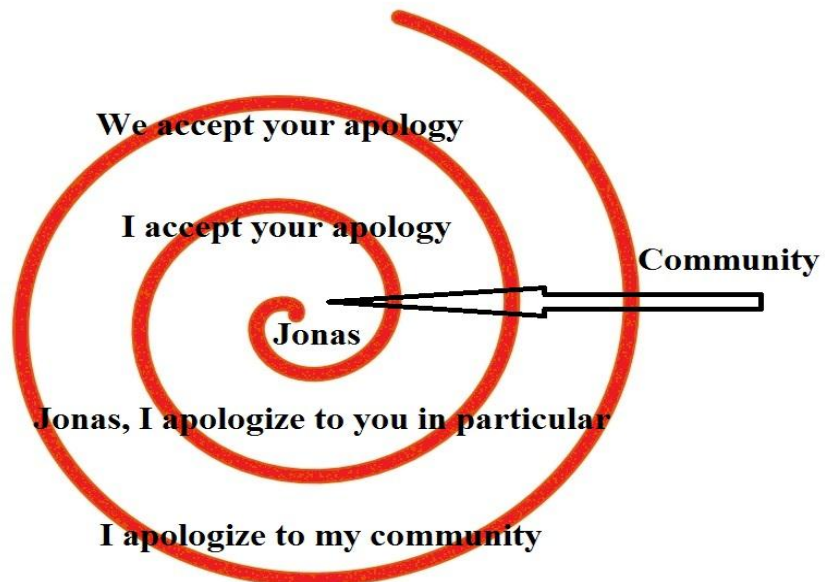
I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Anxiety, n.</i> – apprehensive uneasiness or nervousness usually over an impending or anticipated ill (беспокойство) (–)</p> <p><i>Apologize, v.</i> – to express regret for smth. done or said (извиняться) (–)</p> <p><i>Cause, v.</i> – to compel by command, authority, or force (причинять) (–)</p> <p><i>Anguish, n.</i> – extreme pain, distress, or anxiety (страдание, мука) (–)</p> <p><i>Shakily, adv.</i> from <i>shaky, adj.</i> – lacking stability (дрожащим голосом) (–)</p> <p>1) Интенция говорящего – позитивная: намерение Верховного старейшины – принести искренние извинения перед общиной и особенно перед Джономасом за тревожное ожидание из-за задержки оглашения его назначения.</p> <p>2) Реакция слушающего – позитивная: несмотря на волнение и тревогу из-за долгого ожидания и не совсем ясного назначения, Джономас рад, так как понимает уникальность своего назначения и важность для общины.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – да: Верховный старейшина искренен в своих извинениях перед общиной и Джономасом, а Джономас и община искренне их принимают.</p>

- 2) Доброжелательность – да: цель извинений Верховного старейшины – снять напряжение, возникшее во время церемонии 12-летия, поэтому он старается быть доброжелательным и вежливым.
- 3) Этичность – да: несмотря на то, что в диалоге встречаются слова с отрицательным коннотативным значением, речь Верховного старейшины этична.

Вывод: данная КЭС экологична.

2) Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В данном примере Верховный старейшина сначала обращается с извинениями к общине, а затем непосредственно к Джонасу, так как именно он является объектом назначения в этом эпизоде. Самоорганизация общения КЭС развивается по модели закручивающейся спирали в направлении от периферии к центру смыслового аттрактора, выраженного лексемой «*apology*». При этом на каждом новом витке спирали происходит повторение смысловых элементов и одновременная диссипация лишней информации, ее конкретизация. Это единственный пример закручивающейся спирали в анализе.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: **позитивная** информация (извинение) передается лексическими единицами с преимущественно **отрицательным** коннотативным значением. Однако, как показал подробный анализ, данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «**(закручивающаяся) спираль**».

Пример 2.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Happily, adj.</i> – in a fortunate manner (радостно) (+)</p> <p><i>Uneasily, adj.</i> from <i>uneasy, adj.</i> – causing physical or mental discomfort (тревожно) (–)</p> <p><i>Mutter, v.</i> – to utter sounds or words indistinctly or with a low voice and with the lips partly closed (бормотать) (–)</p> <p><i>Proud, adj.</i> from <i>pride, n.</i> – pleasure that comes from some relationship, association, achievement, or possession that is seen as a source of honor, respect, etc. (гордый) (+)</p> <p><i>Nod, v.</i> – to make a quick downward motion of the head whether deliberately (as in expressing assent or salutation) or involuntarily (as from drowsiness) (кивнуть) (+)</p> <p><i>Hesitate, v.</i> – to hold back in doubt or indecision (сомневаться) (–)</p> <p><i>Shocked, adj.</i> – stricken with sudden mental or emotional disturbance (шокированный) (–)</p> <p><i>Nervously, adv.</i> from <i>nervous, adj.</i> – easily excited or irritated (нервно) (–)</p> <p><i>Blank, adj.</i> – appearing or causing to appear dazed, confounded, or nonplussed (озадаченный) (–)</p> <p><i>Uncomfortably, adv.</i> from <i>uncomfortable, adj.</i> – causing discomfort or annoyance (неловко) (–)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: родители пытаются поддержать Джонаса после его назначения Принимающим воспоминания, так как видят его беспокойство и неуверенность.</p>

- 3) Реакция слушающего – **негативная**: Джонас напуган своим назначением и относится к словам родителей с недоверием, кроме того, он чувствует их неуверенность.

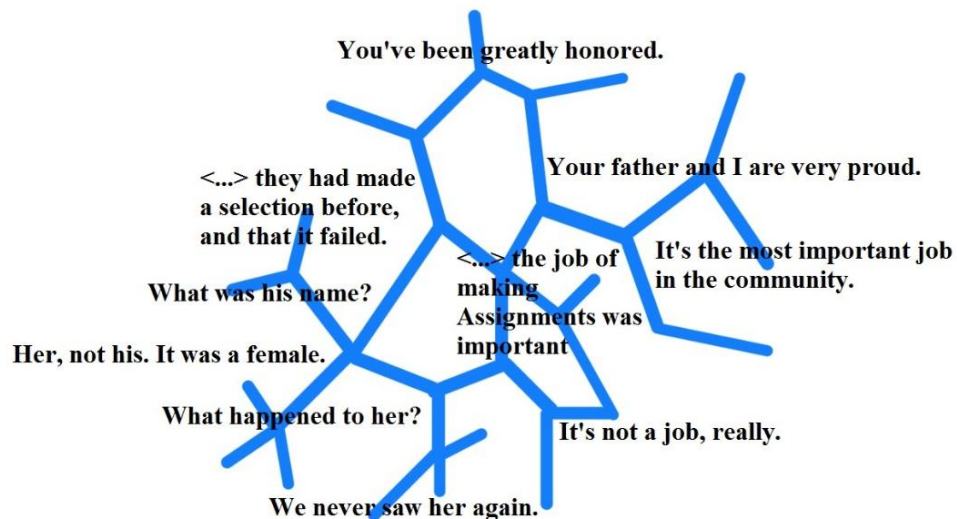
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **нет**: родители знают, что с предыдущим Принимающим воспоминания случилось что-то плохое, но хотят поддержать Джонаса, поэтому недоговаривают правду.
- 2) Доброжелательность – **да**: родители стараются быть максимально спокойными и заботливыми и общаются доброжелательно, чтобы не напугать Джонаса еще сильнее.
- 3) Этичность – **нет**: с одной стороны, родители пытаются честно отвечать на вопросы Джонаса, с другой, они боятся сказать лишнее, поэтому сдержанны в своих словах и эмоциях; Джонас это чувствует.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В рассматриваемом примере смысл развивается хаотично от центра, формирующегося вокруг аттрактора, который выражен фразой «*You've been greatly honored*». Развитие идет к множественным периферийным областям, каждая из которых порождает новые смысловые узлы («*previous selection*», «*important job*», «*a female*») с параллельным рассеиванием лишних смысловых элементов, а также приращением новых и с их последующим развитием.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризом».

Общий вывод: позитивная информация (поддержка Джонаса родителями) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. Данная КЭС является неэкологичной и развивается по фрактальной модели «ризом».

Пример 3.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Fear, n.</i> – an unpleasant often strong emotion caused by anticipation or awareness of danger (страх) (–)</p> <p><i>Panic, n.</i> – a sudden overpowering fright (паника) (–)</p> <p><i>Tense, adj.</i> – marked by strain or suspense (напряженный) (–)</p> <p><i>Chuckle, v.</i> – to laugh inwardly or quietly (хихикать) (+)</p> <p><i>Frightened, adj.</i> – feeling fear: made to feel afraid (напуганный) (–)</p> <p><i>Confess, v.</i> – to tell or make known (something, such as something wrong or damaging to oneself) (признаваться) (–)</p> <p><i>Ashamed, adj.</i> – feeling shame, guilt, or disgrace (пристыженный) (–)</p> <p><i>Firmly, adv.</i> from <i>firm, adj.</i> – not weak or uncertain (решительно) (+)</p> <p><i>Certain, adj.</i> – assured in mind or action (уверенный) (+)</p> <p><i>Scared, adj.</i> – thrown into or being in a state of fear, fright, or panic (испуганный) (–)</p>

- 2) Интенция говорящего – **позитивная**: знакомая Киры, пожилая женщина Аннабелла, которая ее обучает, пытается успокоить Киру.
- 3) Реакция слушающего – **негативная**: Кире кажется, что Аннабелла не принимает ее слова всерьез, поэтому она чувствует себя беспокойно и сердится на Аннабеллу.

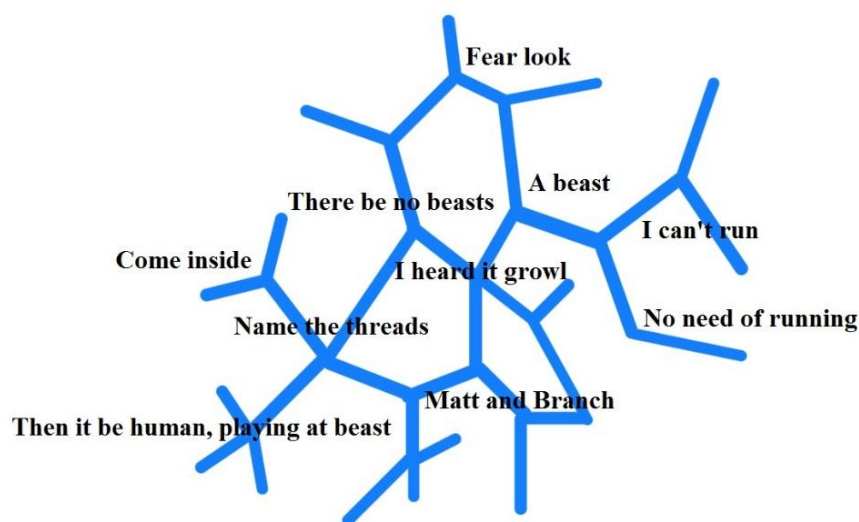
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: Аннабелла жалеет Киру, так как видит, как та напугана, и пытается ее успокоить, к тому же она искренне верит в то, что диких зверей в лесу нет.
- 2) Доброжелательность – **да**: Аннабелла старается разговаривать спокойно и доброжелательно, так как не хочет, чтобы Кира боялась того, чего не существует.
- 3) Этичность – **нет**: Аннабелла пытается отвлечь Киру от плохих мыслей, меняя тему разговора, однако Кире это не нравится, она думает, что Аннабелла высмеивает ее.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В представленном примере общение развивается по ризоматической структуре: смысл ситуации хаотично разветвляется от скрытого аттрактора «*You have a fear look to you*» к множественным периферийным областям, формирующимся вокруг новых аттракторов, переплетаясь, периодически прерываясь в точках бифуркации и возвращаясь к центральному аттрактору, с приращением релевантных и диссипацией излишних смысловых элементов.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризома».

Общий вывод: позитивная информация (попытка успокоить) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным значением. Данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «ризома».

Пример 4.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

**Соответствие определению экологичности / неэкологичности
коммуникации:**

1) Оценочный знак эмотивов – **отрицательный:**

Laugh, v. – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+)

Stare, v. – to look fixedly often with wide-open eyes (уставиться) (–)

Concerned, adj. – anxious or worried (обеспокоенный) (–)

Interrupt, v. – to stop or hinder by breaking in (перебивать) (–)

Sigh, v. – to take a deep audible breath (as in weariness or relief) (вздохнуть) (–)

Exasperation, n. from *exasperated, adj.* – having or showing strong feelings of irritation or annoyance (раздражение) (–)

Give up, v. – to yield control or possession of (сдаться) (–)

2) Интенция говорящего – **позитивная:** брат Мэтта рассказывает Кире и Томасу, куда ушел Мэтт и что Мэтт хочет сделать Кире подарок.

3) Реакция слушающего – **позитивная:** Кира и Томас беспокоятся за Мэтта и, хотя воспринимают информацию с тревогой, они благодарны брату Мэтта за помощь.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: брат Мэтта искренне хочет помочь Кире и Томасу и успокаивает их, рассказывая, куда исчез Мэтт; он также за него волнуется.
- 2) Доброжелательность – **да**: брат Мэтта достаточно груб, причина – недостаток воспитания; несмотря на манеру общения, он настроен доброжелательно.
- 3) Этичность – **да**: брат Мэтта рассказывает все, что знает, напрямую, им движет желание быть полезным; несмотря на грубую манеру общения, брат Мэтта этичен.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

No, that's not the way it is. A gift - ... Never mind.

He be getting a giftie for his friends. <...> He says that a giftie makes a person like you best of all.

We're the friends he meant!

Matt, he got friends who be taking good care of him...

Характеристика:

В рассматриваемой КЭС смысл коммуникации развивается по круговой модели от центра к периферии. Центр представлен аттрактором, выраженным лексемой «*Matt, he got friends*», который далее расходится кругами, добавляя на каждом следующем круге новые эмерджентные смысловые элементы и стремясь к

следующему аттрактору, представленному лексемой «*He be getting a giftie for his friends*», вокруг которого система стабилизируется, преодолев точку бифуркации.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: позитивная информация (новости о Мэтт) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. КЭС экологична и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Пример 5.

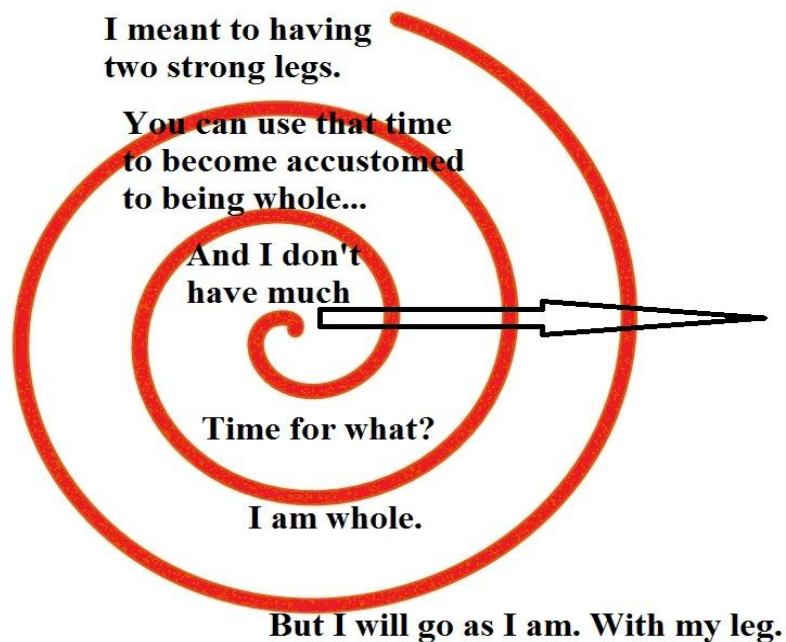
I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Quizzically, adv.</i> from <i>quizzical, adj.</i> – expressive of puzzlement, curiosity, or disbelief (вопросительно) (–)</p> <p><i>Defiantly, adv.</i> from <i>defiant, adj.</i> – full of or showing a disposition to challenge, resist, or fight (с вызовом) (–)</p> <p><i>Stare, v.</i> – to look fixedly often with wide-open eyes (уставиться) (–)</p> <p><i>Frown, v.</i> – to contract the brow in displeasure or concentration (хмуриться) (–)</p> <p><i>Arguing, n.</i> – to contend or disagree in words (спор) (–)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Мэтти рассказывает Кире о своем даре исцелять, с помощью которого может вылечить ее ногу, он предлагает Кире помощь.</p> <p>3) Реакция слушающего – негативная: Кира благодарна Мэтти за заботу; хотя она понимает, что является калекой, она не желает излечения, а хочет доказать, что не является ни для кого обузой.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – да: Мэтти искренне хочет помочь Кире исцелиться, поскольку любит ее как старшую сестру, он пытается убедить Киру воспользоваться его даром.</p>

- 2) Доброжелательность – **да**: Кира понимает, что Мэтти заботится о ней, поэтому она отказывается от помощи вежливо, чтобы не расстроить друга.
- 3) Этичность – **нет**: Мэтти понимает, что времени до закрытия Деревни мало, поэтому рассказывает свой план Кире напрямую, даже если это выглядит неэтично, так как знает, что Кира его поймет.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Смысл коммуникации в рассматриваемом примере движется по спирали, раскручивающейся от центра, сформированного вокруг аттрактора «*To fix Kira's leg*», к периферийной области. На каждом витке спирали смысловые элементы повторяются, к ним добавляются новые компоненты, расширяющие понимание КЭС. Пройдя точку бифуркации (отказ Кире от исцеления), смысловой элемент, избавившись от излишней информации, притягивается к новому аттрактору «*I will go with you*», стабилизируя систему.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: позитивная информация (попытка убедить Киру в необходимости лечения) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным

значением. КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 6.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Mascot, n.</i> – a person, animal, or object adopted by a group as a symbolic figure especially to bring them good luck (притворщик) (–)</p> <p><i>Sidekick, n.</i> – a person closely associated with another as a subordinate or partner (подхалим) (–)</p> <p><i>Fierce, adj.</i> – violently hostile or aggressive in temperament (свирепый) (–)</p> <p><i>Dirty, adj.</i> – not clean or pure (грязный) (–)</p> <p><i>Brag, v.</i> – to talk boastfully (хвастаться) (–)</p> <p><i>Laugh, v.</i> – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+)</p> <p><i>Make, v.</i> – to cause to act in a certain way (заставлять) (–)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: несмотря на то, что Кира обзывает Мэтти, она делает это по-доброму, дразня его; она любит Мэтти как младшего брата.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: Мэтти не обижается на Киру, он привязан к ней как к сестре и смеется над собой вместе с ней, понимая, что она не пытается его рассердить.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – да: Кира всегда искренна в своих действиях по отношению к Мэтти и не пытается обидеть его; она нежно о нем заботится и старается быть честной.</p> <p>2) Доброжелательность – да: даже когда Кира обзывает Мэтти, она делает это ласково, общаясь как сестра с братом, они вместе веселятся, вспоминая, каким «диким» Мэтти раньше был.</p>

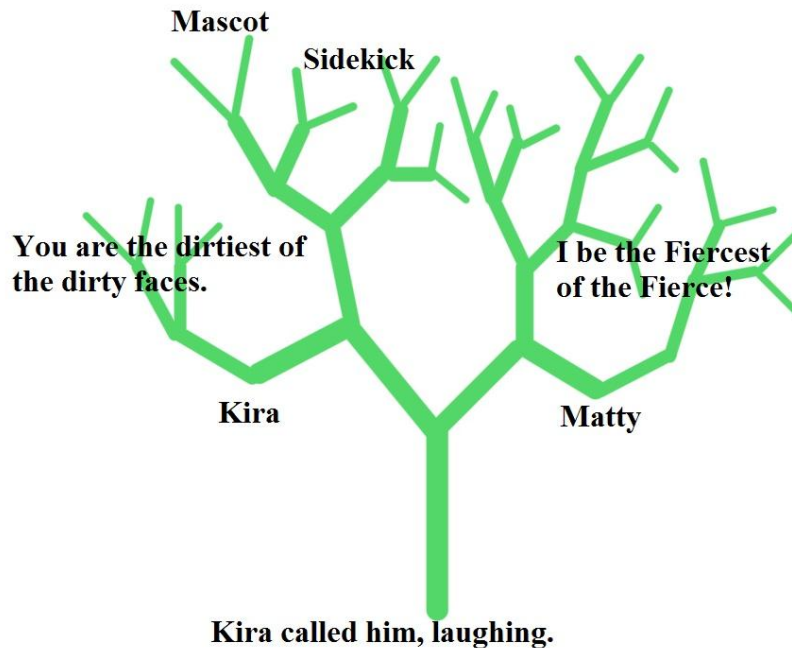

3) Этичность – да: Кира подбирает незлобные слова, она скорее подтрунивает над Мэтти и не хочет его обидеть, поэтому их общение выглядит этично.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В данном примере смысл общения развивается по модели «дерево», где единый смысловой центр, сформированный вокруг аттрактора «*Kira called him, laughing*», ветвится и стремится в разных направлениях к новым аттракторам. Одна ветвь символизирует Киру и то, как она называет Мэтти, вторая ветвь – самого Мэтти и как он себя называет. Ветвь Мэтти, притянувшись к новому аттрактору, стабилизируется, в то время как ветвь Киры расщепляется далее, обрастая новыми смысловыми элементами.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «дерево».

Общий вывод: позитивная информация (дружеские шутки) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. Но

подробный анализ показал, что данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «древо».

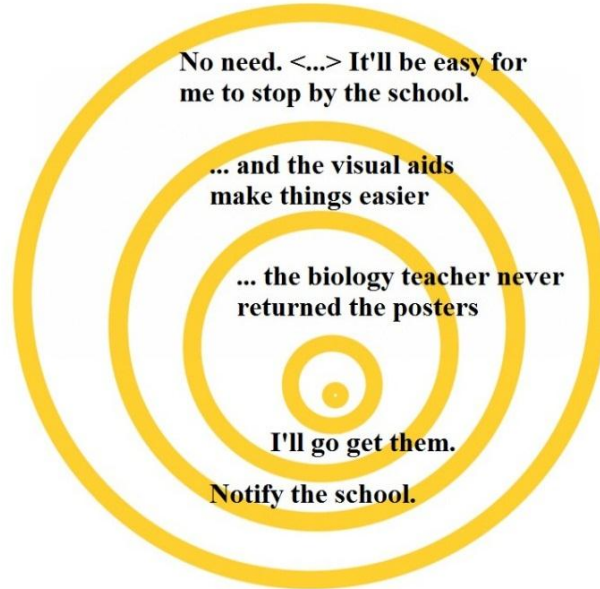
Пример 7.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – отрицательный:</p> <p><i>Irritably, adv.</i> from <i>irritable, adj.</i> – easily exasperated or excited (раздраженно) (–)</p> <p><i>Malicious, adj.</i> – having or showing a desire to cause someone pain or suffering for the sheer enjoyment of it (зловредный) (–)</p> <p><i>Chuckle, n.</i> – an explosive sound that is a sign of amusement (хихиканье) (+)</p> <p><i>Lie, n.</i> – to make an untrue statement with intent to deceive (обманывать) (–)</p> <p><i>Abide, v.</i> – to accept without objection (подчиняться) (–)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Клэр предлагает помощь своему коллеге, понимая при этом, что для нее это тоже будет выгодно и поможет встретиться с сыном.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: Дмитрий, коллега Клэр, с благодарностью принимает помощь, он не знает, что у Киры есть свои собственные мотивы.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – да: Клэр действительно хочет помочь Дмитрию, так как благодарна коллегам за доброту; с другой стороны, она хочет воспользоваться ситуацией, чтобы увидеть сына.</p> <p>2) Доброжелательность – да: коллеги дружелюбно и вежливо общаются друг с другом, так как проводят много времени вместе и хорошо друг друга знают.</p> <p>3) Этичность – да: раздражение Дмитрия из-за ситуации с плакатами не направлено на коллег, поэтому, несмотря на плохое настроение, он общается этично и благодарен Клэр за помощь.</p>

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В данном примере общение развивается вокруг центрального смыслового аттрактора, выраженного фразой «*Biology teacher never returned the posters*», и расходится в виде концентрических кругов от центра к периферийным зонам. При этом на каждом новом круге происходит приращение новых смысловых компонентов («*I have another errand over that way*») благодаря притяжению нового аттрактора («*It was her chance to look for Sophia*»), стабилизируя систему и выводя КЭС на новый уровень понимания.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: позитивная информация (предложение помощи) передается лексическими единицами с отрицательным коннотативным значением. Данная КЭС является экологичной и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Пример 8.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **отрицательный**:

Shuddering, adj. from *shudder, v.* – to tremble convulsively (дрожащий) (–)

Hesitate, v. – to hold back in doubt or indecision (сомневаться) (–)

Whisper, v. – to speak softly with little or no vibration of the vocal cords especially to avoid being overheard (шептать) (–)

Sad, adj. – affected with or expressive of grief or unhappiness (грустный) (–)

Panic, n. – a sudden overpowering fright (паника) (–)

Desperately, adv. – in a way that involves despair, extreme measures, or rashness (отчаянно) (–)

Wounded, adj. from *wound, n.* – a mental or emotional hurt or blow (рана) (–)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: к Клэр возвращается память, из-за чего она в смятении, так как ее воспоминания тягостные, Элис пытается успокоить Клэр.

3) Реакция слушающего – **негативная**: с одной стороны, Клэр рада, что память возвращается, но с другой стороны, она напугана и растеряна, так как воспоминания связаны с ее пропавшим сыном.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Элис и Клэр не стесняются показывать свои эмоции, так как доверяют друг другу, поэтому Клэр честно рассказывает Элис все, что помнит из прошлой жизни.

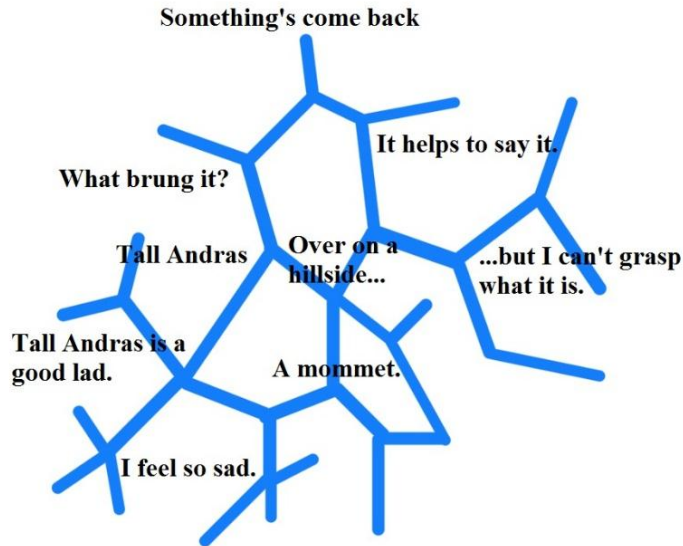
2) Доброжелательность – **да**: Элис добра к Клэр, которую полюбила как внучку, и хочет ей помочь, она заботится о ней и пытается сделать так, чтобы к Клэр поскорее вернулась память.

3) Этичность – **нет**: Элис настойчиво спрашивает Клэр о ее прошлом, хотя это выглядит неэтично, так как воспоминания девушки болезненны; но она верит, что это поможет Клэр скорее вспомнить прошлое.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Коммуникационный смысл в данном примере развивается хаотично по модели «ризомы» со скрытым центральным аттрактором «*Something's come back*» по направлению к периферийным областям. Движение смысла разнонаправленно и, проходя точки бифуркации, стремится к разным аттракторам, что сопровождается диссипацией излишков информации и приращением новых смысловых элементов, расшатывая систему и подвергая ее флуктуациям.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «ризомы».

Общий вывод: позитивная информация (возвращение памяти) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным значением. Данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «ризомы».

Пример 9.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

Соответствие определению экологичности / неэкологичности

коммуникации:

1) **Оценочный знак эмотивов – отрицательный:**

Shrug, v. – to raise or draw in the shoulders especially to express aloofness, indifference, or uncertainty (пожать плечами) (–)

Acknowledge, v. – to recognize the rights, authority, or status of (признавать) (+)

Stupid, adj. – lacking intelligence or reason (глупый) (–)

Patiently, adv. – with calmness or without complaint or hurry in spite of delays, difficulties, tedium, etc. (терпеливо) (–)

Sigh, v. – to make a deep audible breath (as in weariness or relief) (вздыхать) (–)

Serious, adj. – thoughtful or subdued in appearance or manner (серьезный) (–)

Self-conscious, adj. – uncomfortably conscious of oneself as an object of the observation of others (стеснительный) (–)

2) **Интенция говорящего – позитивная:** Мэтти разговаривает с Гэйбом и пытается внушить ему важность учебы и знаний, так как у него тоже есть дар, которым однажды мальчику придется воспользоваться.

3) **Реакция слушающего – негативная:** Гэйба смущают подобные разговоры, так как он пока не осознает свой дар, и это его пугает, он пытается перевести разговор на другую тему.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

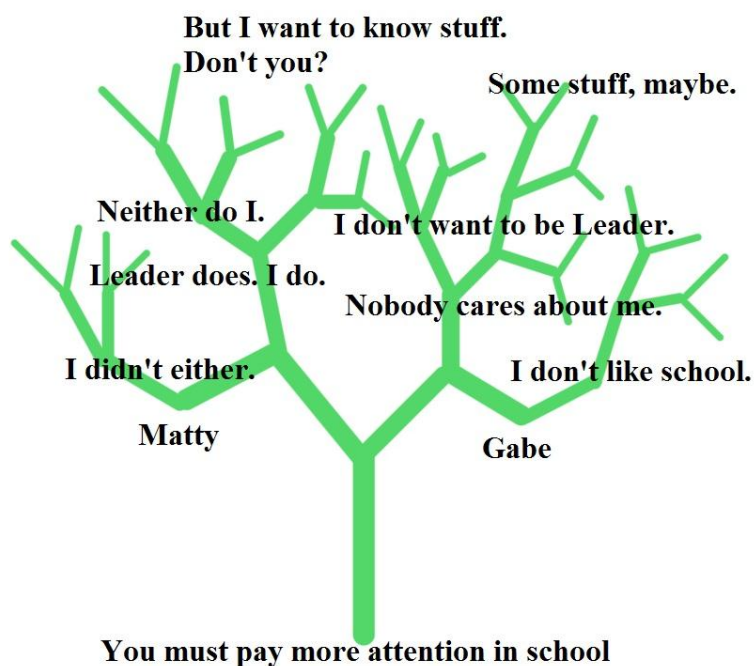
1) **Искренность – да:** Мэтти пытается поддержать Гэйба и помочь ему, подсказать, как себя вести с даром, так как когда-то сам был в подобном положении и помнит, как ему было страшно.

2) **Доброжелательность – да:** Мэтти внимателен и добр к Габриэлю, мальчик напоминает ему его самого; хотя Гэйба смущает этот разговор, он тоже старается быть доброжелательным с Мэтти.

3) **Этичность – нет:** Габриэль не хочет обсуждать с Мэтти вопросы, связанные с даром, так как он напуган, поэтому пытается сменить тему разговора; разговор для него не этичен.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:**Характеристика:**

Общение в примере имеет древовидную структуру с единым стволом, представляющим собой центральный смысловой аттрактор через лексему «*You must pay more attention in school*». Далее происходит деление смысла на две разнонаправленные ветви, символизирующие Мэтти и Гэйба. Каждая ветвь стремится к своему аттрактору, обрстая новыми ветвями – смысловыми элементами, расширяющими понимание КЭС и подвергающими систему флуктуациям. В итоге каждая ветвь стабилизируется вокруг своего аттрактора, обе ветви дополняют друг друга и вместе выводят понимание КЭС на новый общий уровень.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «древо».

Общий вывод: позитивная информация (дружеский разговор) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным значением. Данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «древо».

Пример 10.**I. Анализ экологичности / неэкологичности**

Соответствие определению экологичности / неэкологичности

коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **отрицательный:**

Scowl, v. – to contract the brow in an expression of displeasure (хмуриться) (–)

Worried, adj. – feeling or showing concern or anxiety about what is happening or might happen (взволнованный) (–)

Furious, adj. – exhibiting or goaded by anger (в бешенстве) (–)

Criticize, v. – to find fault with: point out the faults of (критиковать) (–)

Disaster, n. – a sudden calamitous event bringing great damage, loss, or destruction (катастрофа) (–)

2) Интенция говорящего – **позитивная:** ребята наперебой дают советы Гэйбу, желая ему помочь, они с увлечением наблюдают за попыткой построить лодку и надеются на то, что у Гэйба все получится.

3) Реакция слушающего – **позитивная:** Гэйба злят непрошенные советы и чрезмерное внимание друзей, но он понимает, что они беспокоятся за него, поэтому в конце концов сдается.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да:** ребята честно стараются помочь Гэйбу, так как переживают за друга и не хотят, чтобы он пострадал; их советы, хотя и непрошенные, но искренние.

2) Доброжелательность – **да:** Гэйб внешне настроен скептически к помощи товарищей, но старается сдерживаться и быть доброжелательным, так как понимает, что они заботятся о нем.

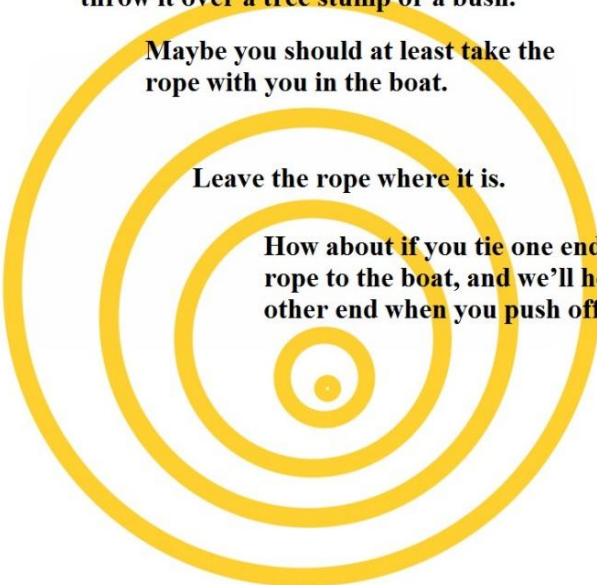
3) Этичность – **да:** ребята общаются этично, чтобы не расстраивать Гэйба, который тоже старается сдерживать свой гнев и не срывать на ребят, хотя ему не нравится ажиотаж вокруг его путешествия на лодке.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

<p>Maybe you could make a noose in the rope and throw it over a tree stump or a bush.</p> <p>Maybe you should at least take the rope with you in the boat.</p> <p>Leave the rope where it is.</p> <p>How about if you tie one end of this rope to the boat, and we'll hold the other end when you push off?</p>
Характеристика:
<p>Смысл общения в рассматриваемой ситуации распространяется кругами от центра, сформированного вокруг аттрактора «<i>The rope</i>», к периферии, стремясь к новому аттрактору. С каждым последующим кругом центральный смысловой элемент приращивает новые компоненты значения, при этом отдельные компоненты, проходя точки бифуркации, подвергаются диссипации и отсутствуют на следующем круге. Расширение смысла выводит общее понимание КЭС на новый уровень.</p>
<p>Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».</p>

Общий вывод: позитивная информация (советы друзей) передается лексическими единицами с **отрицательным** коннотативным значением. КЭС **экологична** и развивается по фрактальной модели «**концентрические круги**».

Благодаря проведенному анализу, были выявлены 5 экологичных и 5 неэкологичных КЭС. Экологичное общение развивается по моделям «концентрические круги» (3 примера), «спираль» (1 пример) и «древо» (1 пример). Неэкологичное общение – по моделям «ризомы» (3 примера), «спираль» (1 пример) и «древо» (1 пример).

3.3.4. Негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация

Примеры КЭС в рассматриваемом параграфе представляют собой общение, основанное на передаче негативной информации (попытка переубедить, неэтичные вопросы, грустные рассказы, боль, печаль, страх и др.). Языковая репрезентация в КЭС, напротив, позитивная, т.к., благодаря анализу словарных дефиниций, оценочный знак эмотивов определяется как преимущественно положительный.

Пример 1.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>Tentatively, adv.</i> – with hesitancy or uncertainty (с опаской) (–)</p> <p><i>Embarrassment, n.</i> – confusion or disturbance of mind (смятение) (–)</p> <p><i>Awkward, adj.</i> – lacking ease or grace (неловкий) (–)</p> <p><i>Chuckle, n.</i> – an explosive sound that is a sign of amusement (хихиканье) (+)</p> <p><i>Amusement, n.</i> – pleasurable diversion (развлечение) (+)</p> <p><i>Carefully, adv.</i> from <i>careful, adj.</i> – marked by wary caution or prudence (осторожно) (+)</p> <p><i>Enjoy, v.</i> – to have a good time (наслаждаться) (+)</p> <p><i>Pride, n.</i> – pleasure that comes from some relationship, association, achievement, or possession that is seen as a source of honor, respect, etc. (гордость) (+)</p> <p><i>Love, n.</i> – strong affection for another arising out of kinship or personal ties (любовь) (+)</p> <p><i>Wholeheartedly, adv.</i> from <i>wholehearted, adj.</i> – completely and sincerely devoted, determined, or enthusiastic (всем сердцем) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: родители, отвечая на вопрос Джонаса, любят ли они его, пытаются убедить его в своих чувствах и показать, что любовь может проявляться по-разному.</p>

- 3) Реакция слушающего – **негативная**: ответ родителей не удовлетворяет Джонаса, так как он понимает, что то, о чем они говорят, – это не любовь, а ему хочется настоящей семьи и настоящих чувств.

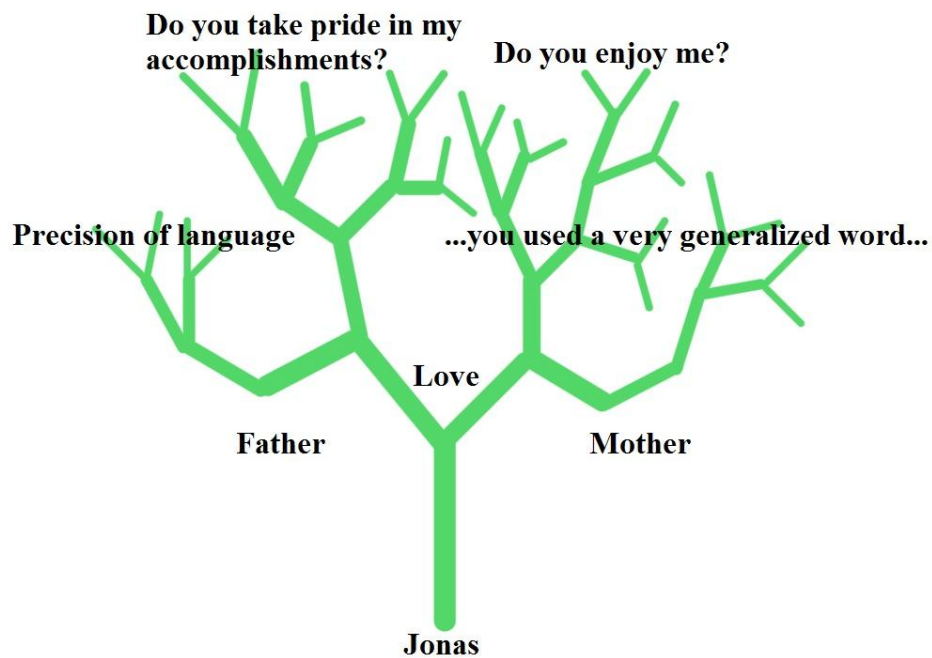
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: родители пытаются быть честными с Джонасом, описывая свои чувства к нему, они искренне верят в то, о чем говорят, потому что они не знают, что такое настоящая любовь.
- 2) Доброжелательность – **да**: общение между героями можно назвать вежливым и доброжелательным, родители видят, что Джонас подавлен, и пытаются его поддержать, Джонас тоже вежлив, хотя и подавлен.
- 3) Этичность – **нет**: со стороны родителей общение этично, так как они честно говорят о своих чувствах; со стороны Джонаса – не этично, так как он осознает, что родители не любят его по-настоящему.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В рассматриваемом примере смысл коммуникации развивается из единого центра, выраженного смысловым аттрактором «*Do you love me?*» (вопрос Джонаса), и разделяется на две ветви (ответы отца и матери Джонаса), каждая из которых имеет ответвления. Ветвь отца развивается вокруг периферийного аттрактора «*take pride*» с одновременным приращением новых смыслов и диссипацией излишков информации. Ветвь матери имеет свой аттрактор «*enjoy*», также разветвляясь в точках бифуркаций и порождая новые смысловые компоненты, способствуя более глубокому пониманию смысла коммуникации.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «дерево».

Общий вывод: негативная информация (разговор Джонаса с родителями) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. При этом подробный анализ показал, что данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «дерево».

Пример 2.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>Suggest, v.</i> – to mention or imply as a possibility (предположить) (+)</p> <p><i>Certainty, n.</i> from <i>certain, adj.</i> – assured in mind or action (уверенность) (+)</p> <p><i>Laugh, v.</i> – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+)</p> <p><i>Chuckle, v.</i> – to laugh inwardly or quietly (хихикать) (+)</p> <p><i>Agree, v.</i> – to accept or concede something (such as the views or wishes of another) (согласиться) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Дающий пытается объяснить Джонасу, почему старейшины решили, что жителям общины нельзя делать самостоятельный выбор.</p>

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Джонас сначала не согласен с отсутствием выбора, но принимает разумность объяснений Дающего и впоследствии соглашается с ним.

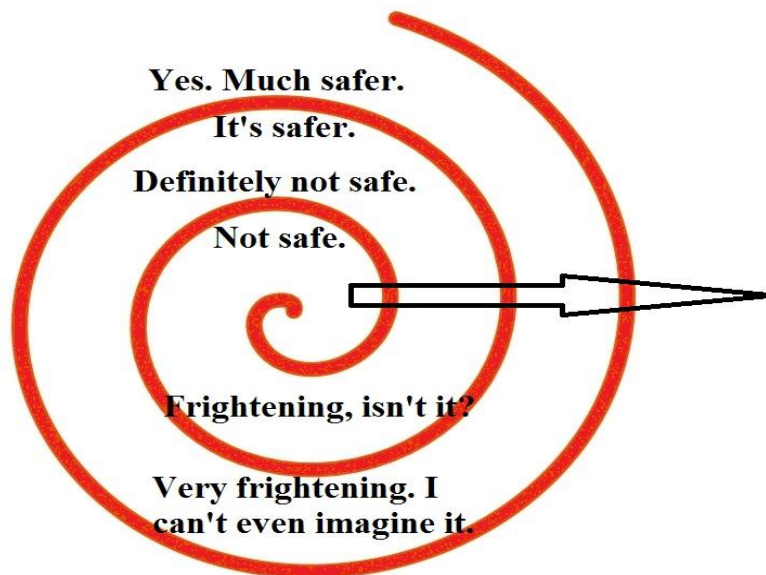
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: Джонас и Дающий искренне высказывают друг другу свое мнение, даже если оно поначалу не совпадает; кроме того, Дающий настаивает на том, чтобы они были честны друг с другом.
- 2) Доброжелательность – **да**: Дающий переубеждает Джонаса, стараясь при этом не расстроить мальчика; он доброжелателен и вежлив, как и Джонас по отношению к учителю.
- 3) Этичность – **да**: Дающий выражает свое мнение вежливо и этично, аккуратно подводя Джонаса к нужным умозаключениям.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В примере выше общение развивается по раскручивающейся спирали по направлению от центра, сформированного вокруг аттрактора «*We don't dare to let people make choices of their own*», к периферии. При этом с каждым новым витком

спирали происходит повторение смыслового элемента, сопровождающееся одновременным приращением эмерджентных смыслов («*choose their own mates / jobs*»), способствующих полному пониманию коммуникативной ситуации.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль»

Общий вывод: негативная информация (несогласие Джонаса) передается лексическими единицами с **положительным** коннотативным значением. Однако, подробный анализ показал, что данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 3.

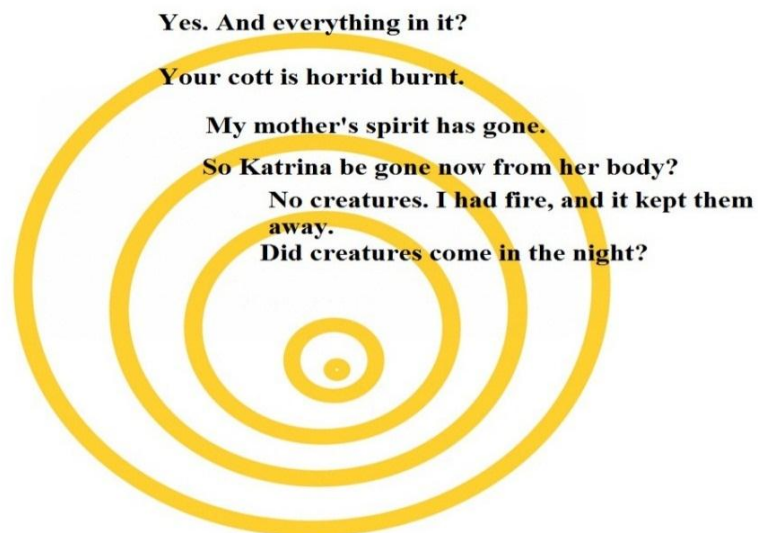
I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – преимущественно положительный:</p> <p><i>Scared, adj.</i> – thrown into or being in a state of fear, fright, or panic (напуганный) (–)</p> <p><i>Smile, v.</i> – to appear pleasant or agreeable (улыбаться) (+)</p> <p><i>Reassure, v.</i> – to restore to confidence (успокоить) (+)</p> <p><i>Acknowledge, v.</i> – to recognize the rights, authority, or status of (признавать) (+)</p> <p><i>Ruefully, adv.</i> from <i>rueful, adj.</i> – exciting pity or sympathy (с сожалением) (–)</p> <p><i>Hope, v.</i> – to cherish a desire with anticipation: to want smth. to happen or be true (надеяться) (+)</p> <p><i>Sigh, v.</i> – to make a deep audible breath (as in weariness or relief) (вздыхать) (–)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Мэтт расспрашивает у своей подруги Киры про ее умершую мать, при этом Мэтт старается проявить сочувствие и поддержку.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: несмотря на то, что Кира расстроена и растеряна, она искренне рада поддержке Мэтта и с удовольствием общается.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

- 1) Искренность – **да**: Мэтт искренне сочувствует Кире, так как понимает, что она многое пережила, а Кира благодарна Мэтту за поддержку.
- 2) Доброжелательность – **да**: герои стараются подбодрить и поддержать друг друга, несмотря на тяжелую ситуацию.
- 3) Этичность – **да**: Мэтт и Кира стараются быть вежливыми и внимательными к чувствам друг друга, их общение этично, несмотря на то, что Мэтт в силу возраста задает личные вопросы.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Самоорганизация общения в форме концентрических кругов представляет собой приращение и диссипацию смысловых элементов по принципу волнообразного движения из центра к периферии с расширением значения во всех возможных направлениях. В данном примере круги расходятся из одного центра, выраженного фразой *“So you be back from the Field”*. Каждый новый круг представляет собой вопрос Мэтта и ответ Киры на него, который является смысловым повторением вопроса с приращением новых смыслов и расширением исходной информации, выводя понимание КЭС на новый уровень.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: негативная информация (вопросы о смерти матери) передается лексическими единицами с преимущественно **положительным** коннотативным значением. Однако, как показал подробный анализ, данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Пример 4.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>Embarrassed, adj.</i> – feeling or showing a state of self-conscious confusion and distress (смущенный) (–)</p> <p><i>Light, v.</i> – to become light (просиять) (+)</p> <p><i>Smile, v.</i> – to appear pleasant or agreeable (улыбаться) (+)</p> <p><i>Proud, adj.</i> from <i>pride, n.</i> – pleasure that comes from some relationship, association, achievement, or possession that is seen as a source of honor, respect, etc. (гордый) (+)</p> <p><i>Reach out, v.</i> – to make an effort to do something for other people (протянуть руку) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Кира рассказывает отцу, что произошло при ее рождении, как умерла ее мама и как сложилась ее дальнейшая жизнь, надеясь на его поддержку и понимание.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: Кристофер (отец Киры) поддерживает и утешает дочь, рассказывает ей о своей тяжелой судьбе, чтобы доказать, что он ее не бросил.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – да: Кира и Кристофер искренне рады друг друга видеть, они многое пережили и спешат поделиться своими историями жизни, честно обо всем рассказывая.</p>

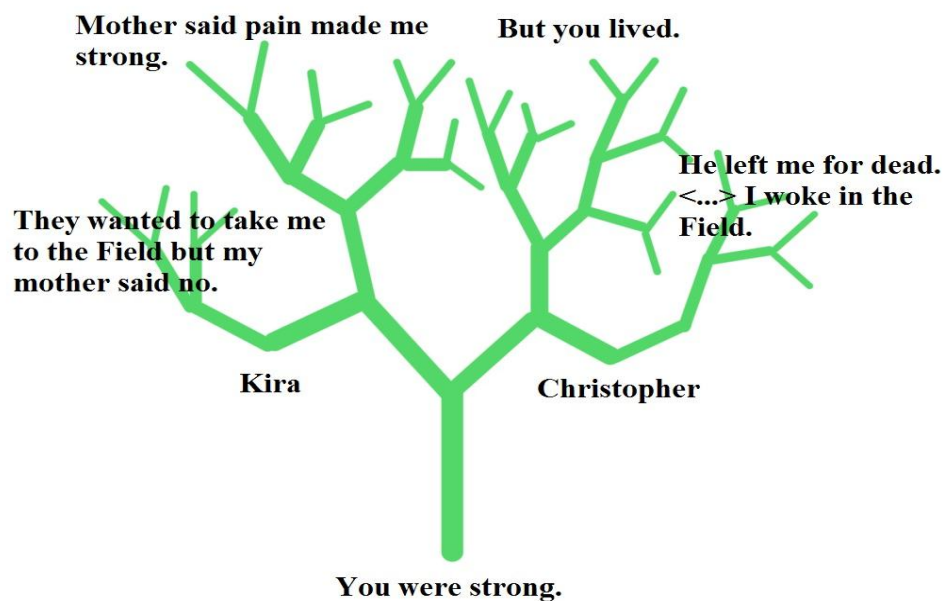

- 2) Доброжелательность – да: у Киры и ее отца тяжелые судьбы; хотя они почти не знают друг друга, они общаются с нежностью и заботой.
- 3) Этичность – да: отец и дочь расспрашивают друг друга осторожно и этично, чтобы не обидеть и не расстроить, так как знают, что оба много страдали.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

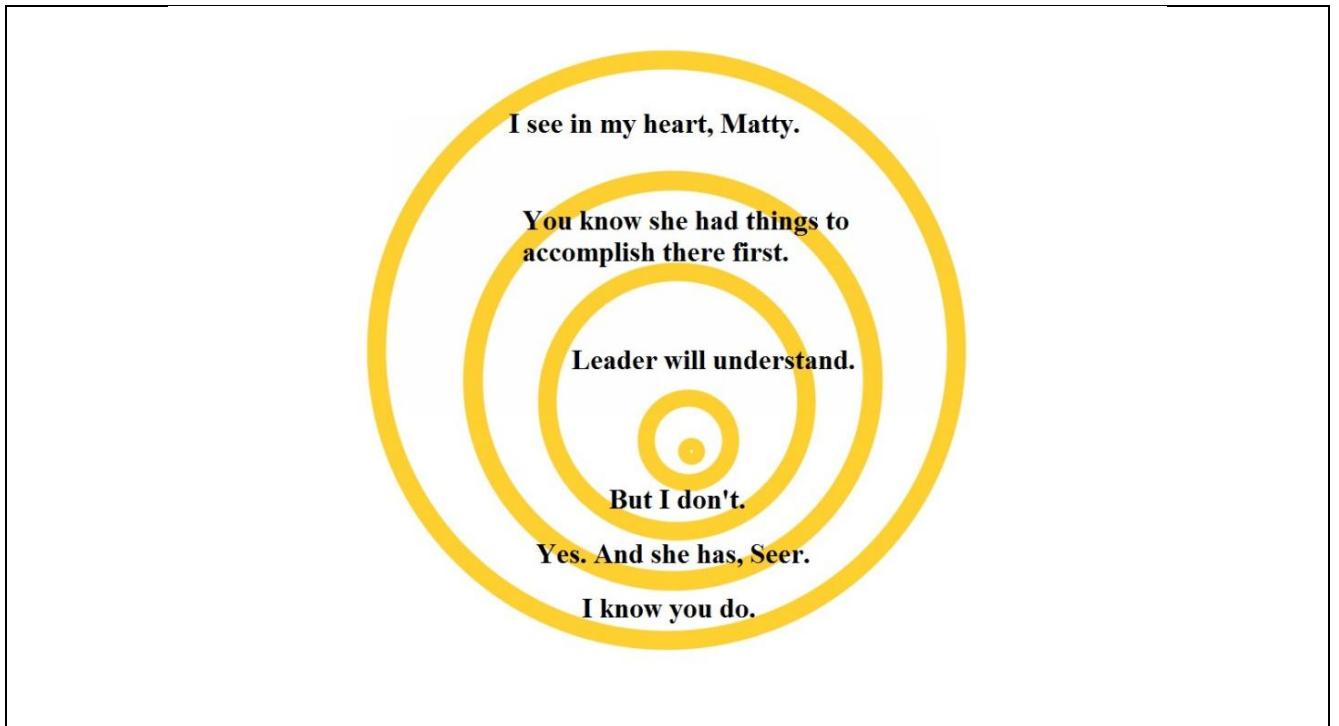
В описываемой КЭС смысл коммуникации развивается по древовидной модели с единым центральным стволом – аттрактором, выраженным лексемой «*You were strong*», который далее разделяется на две ветви, описывающие судьбы Киры («*Pain made me strong*») и ее отца («*You lived*»). Каждая ветвь стремится в направлении к новым аттракторам с приращением дополнительных смысловых элементов и диссипацией ненужных, выводя понимание КЭС на новый уровень.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «дерево».

Общий вывод: негативная информация (рассказ Киры) передается лексическими единицами с преимущественно **положительным** коннотативным значением. Данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «дерево».

Пример 5.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:
<p>1) Оценочный знак эмотивов – положительный:</p> <p><i>Hesitate, v.</i> – to hold back in doubt or indecision (сомневаться) (–)</p> <p><i>Smile, v.</i> – to appear pleasant or agreeable (улыбаться) (+)</p> <p><i>Add, v.</i> – to say further (добавить) (+)</p> <p><i>Simply, adv.</i> – without ambiguity (искренне) (+)</p> <p><i>Nod, v.</i> – to make a quick downward motion of the head whether deliberately (as in expressing assent or salutation) or involuntarily (as from drowsiness) (кивнуть) (+)</p> <p>2) Интенция говорящего – позитивная: Видящий (заменивший Мэтти отца) просит Мэтти привести его дочь Киру, пока их Деревня не закрылась для посторонних.</p> <p>3) Реакция слушающего – позитивная: Мэтти соглашается с Видящим, что нет времени ждать, и обещает уговорить и привести Киру.</p>
Соответствие параметрам экологичности коммуникации:
<p>1) Искренность – да: Видящий знает, что может положиться на Мэтти, и просит его о помощи, при этом он искренне волнуется за Мэтти и Киру, так любит их обоих.</p> <p>2) Доброжелательность – да: Видящий относится к Мэтти как к сыну и общается с ним со всей любовью и нежностью, Мэтти также очень привязан к Видящему.</p> <p>3) Этичность – да: Видящий понимает, что путь к Кире долгий и трудный, однако времени мало, поэтому он торопит Мэтти, зная, что ему Кира тоже дорога, но делает это аккуратно и этично.</p>
Вывод: данная КЭС экологична.
II. Фрактальный анализ
Фрактал:

Характеристика:

В этом примере общение развивается по круговой модели с центром, определяемым аттрактором «*You must bring her here*». Далее смысл расходится кругами к периферийной области с приращением новых эмерджентных элементов на каждом новом круге со стороны обоих коммуникантов. Новые смысловые элементы, представляющие собой диалог Мэтти и Видящего, не противоречат друг другу, а, наоборот, конкретизируют информацию, выводя понимание КЭС на новый уровень.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: негативная информация (настойчивая просьба) передается лексическими единицами с преимущественно **положительным коннотативным значением. Однако, как показал подробный анализ, данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».**

Пример 6.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмоций – **положительный**:

Miss, v. – to discover or feel the absence of (скучать) (–)

Right, adj. – being in accordance with what is just, good, or proper (правильный) (+)

Fun, n. – what provides amusement or enjoyment (радость) (+)

Gentle, adj. – free from harshness, sternness, or violence (мягкий) (+)

Make a face – to distort one's features (поморщиться) (+)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: Мэтти говорит Видящему, что грустит по своему псу Бранчу, который умер два года назад, но это светлая грусть.

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Видящий с нежностью вспоминает Бранча, которого также любил, и старается подбодрить и развеселить Мэтти, разделяя его грусть.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Видящий искренне поддерживает Мэтти, с теплотой вспоминая Бранча и то, каким забавным он был, а также предлагая Мэтти завести нового питомца.

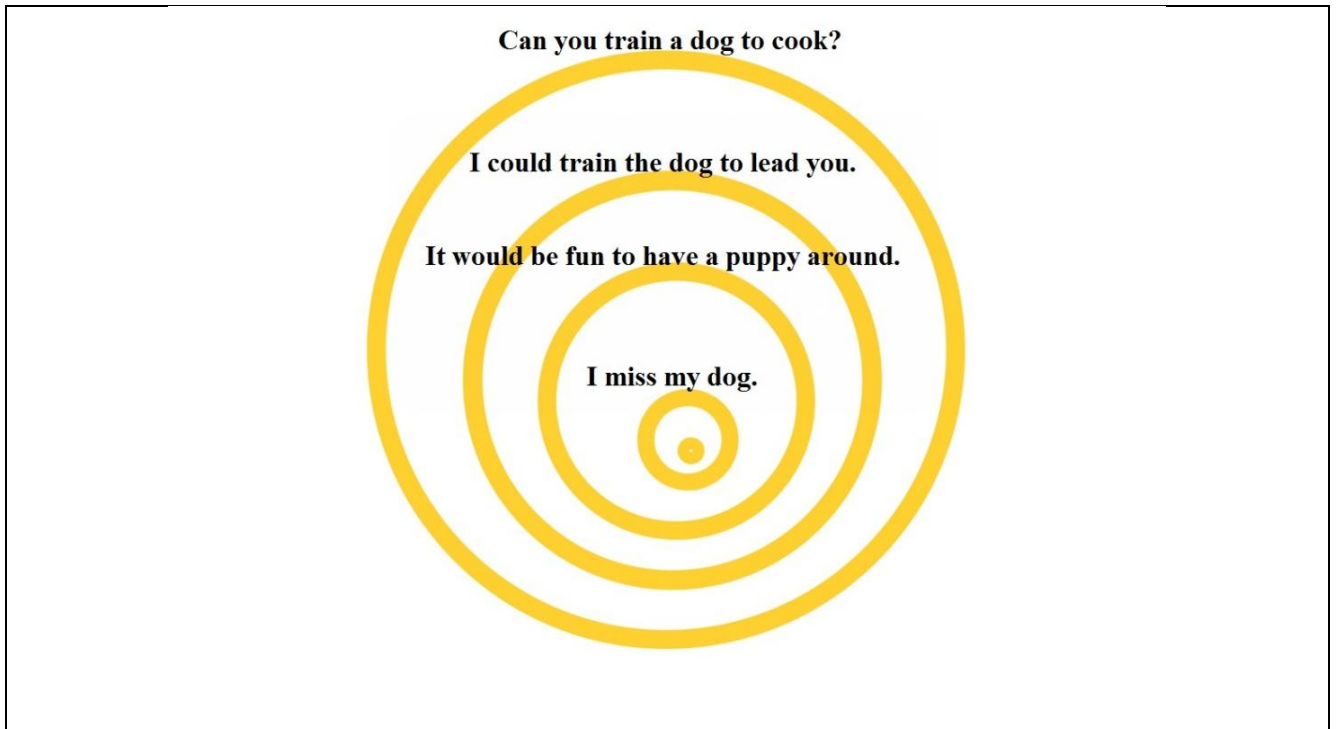
2) Доброжелательность – **да**: Видящий и Мэтти нежно и по-доброму общаются, они любят подшучивать друг над другом, но делают это беззлобно.

3) Этичность – **да**: Видящий шутит с Мэтти, пытаясь развеселить его, но делает это осторожно, чтобы не задеть чувства мальчика, который грустит, вспоминая умершего питомца.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Смысл коммуникации в данном примере развивается от центра к периферии, подобно расходящимся концентрическим кругам. Центр представлен смысловым аттрактором «*I miss my dog*» и стремится к следующему аттрактору, приращивая эмерджентные смысловые элементы на каждом новом круге и расширяя понимание ситуации в целом.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: негативная информация (грусть по умершей собаке) передается лексическими единицами с преимущественно **положительным** коннотативным значением. Но, как показал подробный анализ, данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Пример 7.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **положительный**:

Pat, v. – to tap or stroke gently with the hand to soothe, caress, or show approval (похлопывать) (+)

Stroke, v. – to rub gently in one direction (поглаживать) (+)

Laugh, v. – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+)

Gently, adv. from *gentle, adj.* – free from harshness, sternness, or violence (нежно) (+)

Take a deep breath – to breathe deeply: to take a lot of air into the lungs (глубоко вздохнуть) (+)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: несмотря на то, что Номер 36 капризничает, Воспитатель не сердится и предлагает Клэр успокоить ребенка.

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Клэр сильно волнуется, так как видит своего сына впервые, но она с удовольствием соглашается взять его на руки, чтобы успокоить.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Воспитатель искренне рад помощи Клэр, так как не может сам успокоить малыша, к тому же не знает, что Клэр – настоящая мать ребенка.

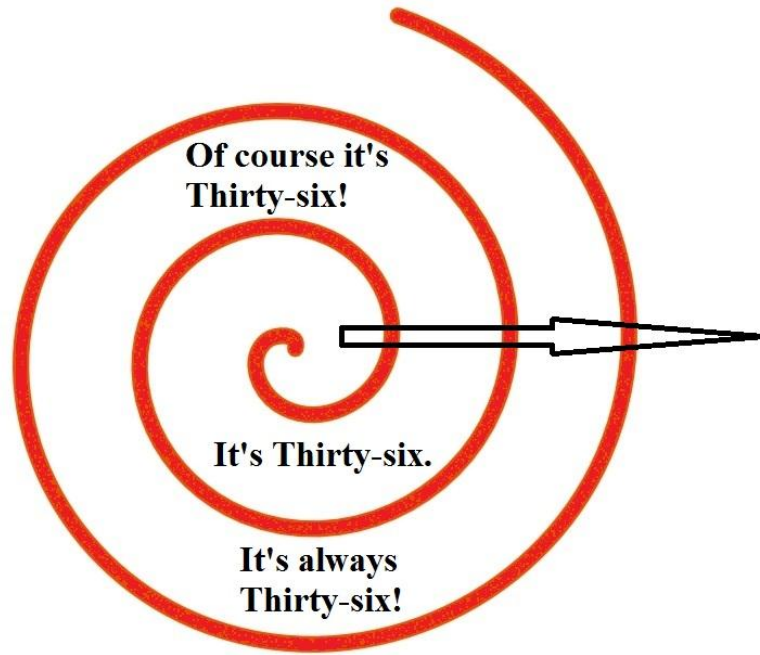
2) Доброжелательность – **да**: Воспитатель добр к Клэр и разрешает ей помочь с кормлением, он ласково обращается с новорожденными малышами.

3) Этичность – **да**: Воспитателя удивляет, что Клэр не умеет держать новорожденных, он шутливо, но этично объясняет ей, как это нужно правильно делать.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Данный пример иллюстрирует развитие смысла коммуникации по модели раскручивающейся от центра к периферии спирали. Центральная область представлена лексемой «*It's Thirty-six*» и концентрируется вокруг смыслового аттрактора. По мере движения к периферии смысл развивается, приращивая на каждом новом витке дополнительные эмерджентные смысловые элементы, при этом основной смысловой элемент повторяется, что является характерным для спиралевидного развития смысла КЭС.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: негативная информация (капризничаящий малыш) передается лексическими единицами с преимущественно **положительным** коннотативным значением. Несмотря на это, как показал подробный анализ, данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 8.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **положительный**:

Nod, v. – to make a quick downward motion of the head whether deliberately (as in expressing assent or salutation) or involuntarily (as from drowsiness) (кивнуть) (+)

Startle, v. – to frighten or surprise suddenly and usually not seriously (ошарашить) (-)

Worried, v. – feeling or showing concern or anxiety about what is happening or might happen (взволнованный) (-)

Smile, v. – to appear pleasant or agreeable (улыбаться) (+)

Reassure, v. – to restore to confidence (успокоить) (+)

Explain, v. – to make something plain or understandable (объяснять) (+)

Strong, adj. – having or marked by great physical power (сильный) (+)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: маленькая девочка Бэтан интересуется, что случилось с ребенком Клэр, она по-детски любопытна и не пытается обидеть.

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Клэр расстраивают разговоры о ее ребенке, так как она очень скучает по нему, но Клэр не обижается на Бэтан за ее детское любопытство.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Бэтан искренне озабочена тем, что произошло с Клэр и ее ребенком, поэтому она задает много вопросов, объяснения Клэр ее успокаивают.

2) Доброжелательность – **да**: Клэр и деревенские дети прекрасно находят общий язык, они общаются с нежностью и добротой, шутят, веселятся и вместе играют.

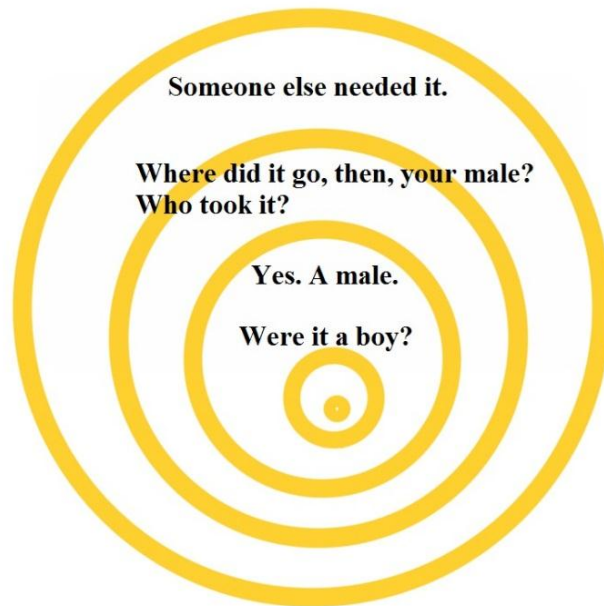
3) Этичность – **да**: хотя Бэтан задает вопросы прямо и не всегда этично, она еще ребенок и не понимает, что это может расстроить Клэр; Клэр это понимает и не обижается.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Смысл общения в рассматриваемом примере развивается кругами, которые расходятся от центра к периферии. Центр сформирован вокруг смыслового аттрактора, выраженного лексемой «*Were it a boy?*». Далее общение движется по направлению к новому аттрактору с постепенным приращением новых смысловых элементов и диссипацией ненужной информации на каждом последующем круге. Пройдя точку бифуркации, система стабилизируется, выводя КЭС на новый уровень понимания.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «концентрические круги».

Общий вывод: негативная информация (вопросы о ребенке) передается лексическими единицами с преимущественно **положительным коннотативным значением. При этом, как показал подробный анализ, данная КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «концентрические круги».**

Пример 9.

I. Анализ экологичности / неэкологичности

Соответствие определению экологичности / неэкологичности

коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **положительный**:

Explain, v. – to make something plain or understandable (объяснять) (+)

Grin, v. – to draw back the lips so as to show the teeth especially in amusement or laughter (расплыться в улыбке) (+)

Like, v. – to feel attraction toward or take pleasure in (нравится) (+)

Troublesome, adj. – giving trouble or anxiety (взбалмошный) (–)

Superiority, n. from *superior, adj.* – of higher rank, quality, or importance (превосходство) (+)

Hoot, v. – to shout or laugh usually derisively (хохотать) (+)

Laughter, n. – to find amusement or pleasure in smth. (смех) (+)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: Джонас мягко пытается объяснить Гэйбу, как устроена жизнь в общине и как получилось, что у того нет родителей.

3) Реакция слушающего – **негативная**: Гэйб не помнит жизнь в общине, из которой они с Джоном сбежали; ему кажется, что Джонас от него что-то скрывает, его это огорчает.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: Джонас искренне любит Гэйба как брата, он спас его жизнь, сбежав с ним из общины, поэтому пытается честно ответить на все вопросы.

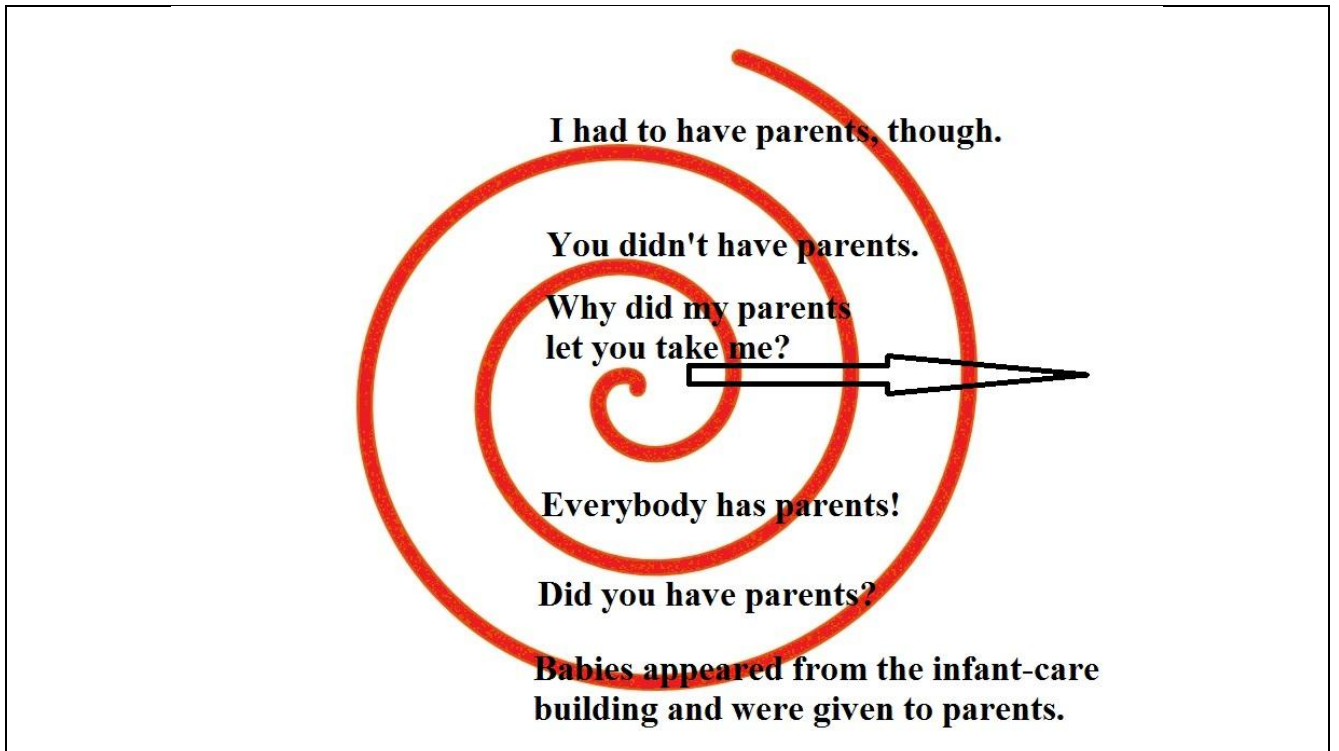
2) Доброжелательность – **да**: Гэйб и Джонас общаются доброжелательно, Джонас желает Гэйбу только добра, Гэйб благодарен Джоному за спасение.

3) Этичность – **нет**: Джонас старается быть честным, хотя понимает, что это звучит неэтично, а правда ранит Гэйба, который отчаянно хочет иметь семью.

Вывод: данная КЭС не экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

В описываемой ситуации общение развивается по спиралевидной структуре, раскручиваясь от центра к периферии. Центральный смысл выражен лексемой «*Parents*» и сформирован вокруг главного аттрактора. Двигаясь по спирали к новому аттрактору, основной смысловой компонент многократно повторяется, что сопровождается приращением новых смысловых элементов и диссипацией ненужных, приводя систему в неустойчивое состояние. Общее понимание КЭС при этом расширяется.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «спираль».

Общий вывод: негативная информация (вопросы о родителях) передается лексическими единицами с преимущественно **положительным** коннотативным значением. При этом, как показал подробный анализ, данная КЭС является **неэкологичной** и развивается по фрактальной модели «спираль».

Пример 10.

I. Анализ экологичности / неэкологичности
Соответствие определению экологичности / неэкологичности коммуникации:

1) Оценочный знак эмотивов – **положительный**:

Laugh, v. – to find amusement or pleasure in something (смеяться) (+)

Miserable, adj. – being in a pitiable state of distress or unhappiness (as from want or shame) (жалкий) (–)

Reassuring, adj. – restoring or intended to restore confidence: reducing or eliminating worry or uncertainty (успокаивающий) (+)

Affectionate, adj. from *affection, n.* – a feeling of liking and caring for someone or smth.: tender attachment (ласковый) (+)

Brighten, v. from *bright, adj.* – radiant with happiness (озариться) (+)

2) Интенция говорящего – **позитивная**: мама объясняет Джонасу, что не нужно бояться эмоциональных «волнений», так как они подавляются с помощью таблеток.

3) Реакция слушающего – **позитивная**: Джонаса успокаивают слова мамы, потому что он ей доверяет; он также знает, что многие сверстники в его общине принимают такие таблетки.

Соответствие параметрам экологичности коммуникации:

1) Искренность – **да**: мама искренне общается с Джонасом и убеждает его, что нет причин для беспокойства, Джонас также честно рассказывает маме о своих переживаниях.

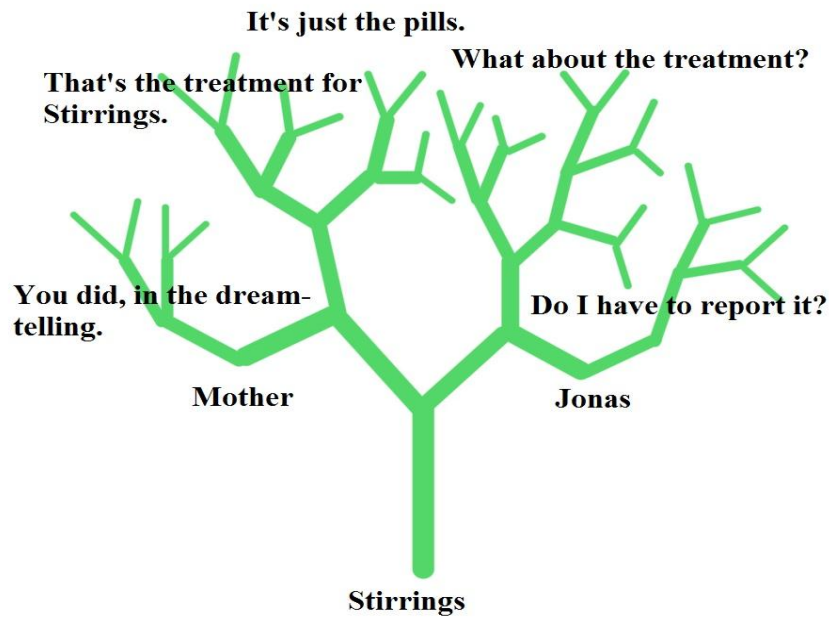
2) Доброжелательность – **да**: Джонас и мама общаются ласково и по-доброму, мама старается поддержать сына, Джонас позитивно реагирует на ее слова.

3) Этичность – **да**: мама аккуратна в своих объяснениях, тщательно подбирает слова и старается не разволновать Джонаса сильнее.

Вывод: данная КЭС экологична.

II. Фрактальный анализ

Фрактал:

Характеристика:

Смысл коммуникации в описываемом примере развивается разнонаправленно двумя ветвями по модели «дерево». Ствол символизирует центральный смысловой аттрактор через лексему «*Stirrings*» и разделяется на ветви, каждая из которых стремится к своему аттрактору, развиваясь и приращивая новые смысловые элементы, расширяя значение всей КЭС. Одна ветвь относится к Джонасу с его вопросами, вторая – к маме и ее ответам. Пройдя точки бифуркации, флуктуации утихают, система стабилизируется, понимание КЭС выходит на новый уровень.

Вывод: общение в КЭС развивается по фрактальной модели «дерево».

Общий вывод: негативная информация (тревога) передается лексическими единицами с преимущественно **положительным** коннотативным значением. При этом, КЭС является **экологичной** и развивается по фрактальной модели «дерево».

Таким образом, представленный анализ выявил 8 экологичных и 2 неэкологичные КЭС. Экологичное общение развивается по моделям «концентрические круги» (4 примера), «спираль» (2 примера) и «дерево» (2 примера). Неэкологичное общение – по моделям «спираль» (1 пример) и «дерево» (1 пример). Модель «ризوما» в данном параграфе отсутствует.

Выводы по ГЛАВЕ 3

Материалом для эмпирического анализа в данном диссертационном исследовании является цикл современных подростковых романов-антиутопий Л. Лоури «Дающий. Квадрология». Интерес представляет проблематика романов, охватывающая широкий круг тем: любовь, одиночество, семейные узы, дружба, поиск себя, выражение чувств и эмоций, связь человека и природы, одинаковость и индивидуальность и т.п. Особое внимание писательница уделяет корректности языка и общения (Precision of Language), что представляется крайне актуальным в контексте данной работы.

В основу методологии эмпирического анализа легла классификация В. И. Шаховского, согласно которой все КЭС, отобранные из текстов романов, распределяются по четырем группам, в соответствии с типом информации (позитивная / негативная) и ее языковой репрезентацией (позитивная / негативная). Далее КЭС анализируется на соответствие, во-первых, определению экологичности общения (оценочный знак эмотивов, интенция говорящего, реакция слушающего), во-вторых, параметрам экологичности, выделенным Н. Г. Солодовниковой (искренность, доброжелательность, этичность). В заключение делается вывод об экологичности / неэкологичности КЭС.

Для достижения целей исследования данный анализ дополнен методами лингвосинергетики. В частности, используется техника фрактального моделирования, когда анализируемые КЭС раскладываются по одному из четырех фракталов («концентрические круги», «спираль», «древо», «ризома»). В результате подобного анализа можно сделать вывод о том, по каким фрактальным моделям преимущественно осуществляется экологичное и неэкологичное.

Подробный анализ КЭС показал, что большинство (23 из 40) рассмотренных примеров являются экологичными. Однако, количество неэкологичных ситуаций общения (17 из 40) довольно велико, учитывая специфику произведений, а именно особое внимание героев романа к корректности языка и вежливости общения. Данный факт свидетельствует о том, что внимательное отношение к речи,

осознанное использование вежливого, эмоционально-сдержанного языка не гарантируют экологичности общения. Коммуникация может оказаться неэкологичной, если не соответствует одному или нескольким параметрам экологичности и / или выражена негативным языком.

Сочетание типа информации и ее языковой репрезентации в КЭС, выделенных в романах-антиутопиях, позволяет сформулировать следующие выводы.

- Позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация: из 10 примеров 8 – экологичных / 2 – неэкологичных. Экологичные КЭС полностью соответствуют определению экологичного общения и параметрам экологичности. Неэкологичные КЭС выявляются на основе несоответствия последнему пункту определения (негативная реакция слушающего) при положительно окрашенной лексике и позитивной интенции говорящего, а также параметрам искренности и этичности (хотя они соответствуют параметру доброжелательности).
- Негативная информация и ее негативная языковая репрезентация: из 10 примеров 2 – экологичных / 8 – неэкологичных. Экологичные КЭС в данном пункте являются таковыми, несмотря на негативность средств выражения, по остальным критериям они соответствуют определению и параметрам экологичной коммуникации. Неэкологичные КЭС выявляются на основе наличия негативной лексики и негативной реакции слушающего (8 примеров из 8), в то время как негативная интенция встречается гораздо реже (1 пример из 8). По параметрам экологичности 2 примера не соответствуют параметру искренности, 4 – параметру доброжелательности, 7 – параметру этичности.
- Позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация: из 10 примеров 5 – экологичных / 5 – неэкологичных. Экологичные КЭС соответствуют определению и параметрам экологичности, за исключением пункта позитивности средств выражения, что, как показывает анализ, не является серьезным препятствием. Среди неэкологичных КЭС, помимо негативной лексики, во всех примерах при положительной интенции

говорящего реакция слушающего является отрицательной, что и определяет данные ситуации как неэкологичные. Кроме того, из 5 примеров 1 не отвечает параметру искренности, 5 – параметру этичности, однако все соответствуют параметру доброжелательности.

— Негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация: из 10 примеров 8 – экологичных / 2 – неэкологичных. Экологичные КЭС в данном пункте полностью соответствуют как определению, так и параметрам экологичной коммуникации, несмотря на негативность транслируемой коммуникантами информации. Это еще раз подтверждает тезис, что зачастую важнее не то, что человек говорит, а то, как он это делает. Неэкологичные КЭС характеризуются негативной реакцией слушающего (при позитивных средствах выражения и положительной интенции говорящего) и не соответствуют параметру этичности (будучи искренними и доброжелательными).

Наибольшее количество экологичных ситуаций общения выявилось в первом и в последнем случае. Это говорит о том, что для того, чтобы общение было экологичным, коммуникантам важно уделять внимание не столько информации, сколько способам ее выражения. Действительно, большинство неэкологичных ситуаций во втором и третьем пунктах относятся к случаям использования негативно окрашенных средств языка. Кроме того, важной является реакция слушающего, так как в большинстве случаев именно этот критерий определил экологичность коммуникации: во всех 17 примерах неэкологичных КЭС реакция слушающего негативная, в то время как негативная интенция говорящего присутствует только в 1 случае. Основным параметром экологичности, согласно проведенному анализу, следует считать этичность, так как большинство неэкологичных КЭС не соответствуют именно этому параметру: 16 случаев несоответствия из 17 неэкологичных КЭС против 5 из 17 случаев несоответствия параметру искренности и 4 из 17 случаев несоответствия параметру доброжелательности. Однако, выделение какого-либо пункта определения или параметра экологичности над остальными не является основной целью настоящего

диссертационного исследования и нуждается в дальнейшем более подробном изучении и верификации.

Если рассматривать типы информации и ее языковую репрезентацию в отдельности, можно сделать следующие выводы.

- Из 20 КЭС, сообщающих позитивную информацию, 13 – экологичных / 7 – неэкологичных. Значительное число неэкологичных КЭС говорит о том, что не всегда позитивная информация сама по себе означает, что общение является экологичным.
- Из 20 КЭС, сообщающих негативную информацию, 10 – экологичных / 10 – неэкологичных. Чем более негативна информация, тем аккуратнее коммуниканты стараются ее преподнести, чтобы не задеть чувства собеседника, т.е. негативность информации в данном случае компенсируется позитивностью средств ее выражения.
- Из 20 КЭС с позитивной языковой репрезентацией 16 – экологичных / 4 – неэкологичных. Это подтверждает тезис о том, что речь влияет на физико-эмоциональное состояние говорящих: чем вежливее и позитивнее язык, тем экологичнее общение в целом. Для того, чтобы общение было экологичным, необходимо учиться использовать экологичную речь.
- Из 20 КЭС с негативной языковой репрезентацией 7 – экологичных / 13 – неэкологичных. Преобладание в речи слов с отрицательной коннотацией производит негативный эффект на коммуникантов и делает общение неэкологичным, даже несмотря на потенциальную позитивность транслируемой информации.

Согласно анализу, позитивность информации оказывает влияние на экологичность общения (13 КЭС из 20), однако и в подобных случаях количество неэкологичных ситуаций достаточно высоко (7 КЭС из 20). Также значительно количество экологичных ситуаций, передающих негативную информацию (10 КЭС из 20), что равно количеству неэкологичных КЭС. Анализ выявил, что позитивность языковой репрезентации существенно влияет на экологичность общения, так как при позитивных средствах выражения количество экологичных

КЭС значительно выше (16 из 20), чем при негативных (7 из 20). Также необходимо отметить важность контекста при анализе коммуникации: например, среди КЭС с позитивной информацией и позитивной репрезентацией на основе контекстного анализа ситуации были выявлены примеры неэкологичного общения.

Лингвосинергетический анализ показал, что экологичные и неэкологичные КЭС могут развиваться по всем четырем указанным фрактальным моделям. Из 23 экологичных КЭС развиваются по модели «концентрические круги» – 12 примеров; «спираль» – 6 примеров; «древо» – 4 примера; «ризома» – 1 пример. Из 17 неэкологичных КЭС развиваются по модели «ризома» – 8 примеров; «спираль» – 5 примеров; «древо» – 4 примера; «концентрические круги» – 0 примеров.

Экологичное общение развивается преимущественно по модели «концентрические круги» (12 КЭС из 23), реже по модели «спираль» (6 КЭС из 23). Именно для этих моделей характерно поступательное развитие смысла от центра к периферии с постепенным расширением или конкретизацией значения и диссипацией излишков информации без хаотичных прерываний и резких переходов от одного смыслового элемента к другому. В данных моделях минимальное количество точек бифуркаций, система меньше подвержена флуктуациям и более стабильна. Также следует отметить примеры КЭС, которые соответствуют моделям «древо» (4 из 23) и «ризома» (1 из 23). «Древо» имеет основной смысловой элемент, который делится далее на более мелкие ответвления. Такое общение вполне может быть экологичным, оба коммуниканта аргументированно высказывают свое мнение по обсуждаемому вопросу. Если мнения не совпадают, они могут сосуществовать друг с другом. Хаотичность и прерывистость «ризомы» также может быть экологичной, во время общения коммуниканты высказывают множество точек зрения или идей, которые не противоречат, а дополняют друг друга.

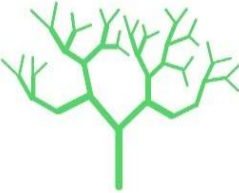

Неэкологичным КЭС чаще всего соответствует модель «ризома» (8 КЭС из 17). Ризоматическое развитие общения характеризуется резкой сменой смысловых элементов, прерыванием одних и ветвлением других смысловых линий, что часто происходит во время споров с перебиванием друг друга и сменой тем. При этом в

такой хаотичной модели присутствует единый центральный смысловой компонент, вокруг которого разнонаправленно развивается фрактальная структура. Модель «спираль» часто встречается в спорах, когда один коммуникант повторяет мысль или переспрашивает собеседника, настаивая на своем видении ситуации и трактуя ее в свою пользу (5 КЭС из 17). Модель «концентрические круги» в ходе анализа не выявлена, так как является наиболее логичной и плавно развивающейся, что не характерно для негативного общения. 4 КЭС соответствуют модели «древо». Разветвление единого смыслового ствола символизирует противоположные мнения коммуникантов, зачастую противоречащие друг другу, что обуславливает дальнейшее развитие конфликтной ситуации и способствует неэкологичности общения.

Таким образом, применение метода фрактального моделирования помогает глубже понять процесс развития смысла в КЭС и выявить наиболее характерные модели самоорганизации экологичной / неэкологичной коммуникации. Сводные результаты эмпирического анализа представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Экологичные / неэкологичные КЭС и их фрактальные модели

Фрактальная модель	Экологичные КЭС				Неэкологичные КЭС			
	23				17			
«Концентрические круги» 	12 КЭС				0 КЭС			
	+ / +	- / -	+ / -	- / +	+ / +	- / -	+ / -	- / +
	5	0	3	4	0	0	0	0
«Спираль» 	6 КЭС				5 КЭС			
	+ / +	- / -	+ / -	- / +	+ / +	- / -	+ / -	- / +
	3	0	1	2	0	3	1	1

<p>«Древо»</p> 	4 КЭС				4 КЭС			
	+/ +	-/-	+/-	-/+	+/ +	-/-	+/-	-/+
	0	1	1	2	1	1	1	1
<p>«Ризома»</p> 	1 КЭС				8 КЭС			
	+/ +	-/-	+/-	-/+	+/ +	-/-	+/-	-/+
	0	1	0	0	1	4	3	0

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено проблематике определения экологичности / неэкологичности коммуникации на примере КЭС из современного англоязычного художественного дискурса антиутопического жанра, с применением техники фрактального моделирования для более глубокого понимания динамики развития смысла общения в анализируемых ситуациях.

В работе подробно представлены предпосылки и процесс становления эколлингвистики, изучающей взаимосвязь компонентов триады «человек – язык – среда». Исследование языка и речи через призму экологии в последние десятилетия становится не просто актуальным, но необходимым, так как процессы ухудшения окружающей среды являются все более очевидными, что оказывает пагубное воздействие как на самого человека, так и на язык, которым он пользуется. Следовательно, заботиться следует не только о среде обитания, от которой зависит здоровье человека, но и о языке, который также способен отрицательно влиять на психофизиологическое состояние его носителя. Хотя до сих пор существуют разногласия относительно того, что первично – лингвистика или экология, неоспоримым является факт необходимости сохранения и оздоровления всех компонентов представленной триады.

Активное развитие и широкое распространение эколлингвистики среди отечественных и зарубежных лингвистов свидетельствует о растущей популярности данного направления языкознания. Одной из важных подотраслей эколлингвистики является эмотивная лингвоэкология, в рамках которой выполнено данное исследование. Возникнув на стыке лингвистики, экологии и валеологии, рассматриваемое направление постулирует важность изучения эмоций как неотъемлемой части человеческой коммуникации. Эмоции – важнейший способ манифестации чувств и мыслей коммуникантов, поэтому, согласно мнению В. И. Шаховского, необходимо обучать экологичному использованию эмоций с целью оздоровления языка, человека и среды. В данной работе подробно описывается взаимосвязь экологичности и эмотивности: чтобы общение было

экологичным, коммуникантам необходимо стараться использовать положительно окрашенную эмоциональную речь. Разграничение понятий «эмотивность» и «эмоциональность» возможно по линии «лингвистическое» / «психологическое».

Лингвоэкологический подход к коммуникации предполагает определение параметров экологичного общения. Представленное исследование наглядно подтверждает, что основными параметрами экологичности являются искренность, доброжелательность и этичность. Кроме того, экологичность общения в работе устанавливается с опорой на определение экологичной коммуникации, под которой понимается общение с использованием позитивно-окрашенной лексики, производимое с положительной интенцией говорящего и сопровождающееся положительной реакцией слушающего. Эмпирический анализ художественного дискурса подтвердил предположение о том, что основополагающим фактором выступает реакция адресата.

Современное языкознание требует междисциплинарного и более комплексного подхода к изучению языковых явлений. В данной работе предпринимается попытка переосмыслить экологичность / неэкологичность коммуникации через призму лингвосинергетики. В качестве материала для эмпирического анализа выступает художественный дискурс, поскольку является наиболее приближенным к ситуациям живого общения и обладает рядом параметров, релевантных для настоящего исследования (эстетичность, антропоцентричность, коммуникативность и др.). Кроме того, будучи сложной системой, дискурс может быть рассмотрен с использованием инструментария лингвосинергетики.

Лингвосинергетический подход позволяет описать процессы самоорганизации дискурса художественного произведения. В данной работе применяется метод фрактального моделирования для определения динамики смысла в экологичных / неэкологичных КЭС. За основу берутся фрактальные модели: «концентрические круги», «спираль», «древо», «ризомы».

Изучение экологичности / неэкологичности коммуникации на примере 40 КЭС, отобранных из современного англоязычного художественного дискурса

антиутопического жанра, с применением метода фрактального моделирования позволило сделать следующие заключения.

— Из 10 КЭС, содержащих позитивную информацию и ее позитивную языковую репрезентацию, большинство примеров экологичны (8 против 2), они соответствуют определению и параметрам экологичности коммуникации. Примеры неэкологичного общения выявлены на основе негативной реакции слушающего и несоответствия одному или нескольким параметрам экологичности.

Из 8 экологичных КЭС 5 развиваются по фрактальной модели «концентрические круги» и 3 – по «спирали». Из 2 неэкологичных КЭС 1 пример соответствует модели «дерево» и 1 – «ризоме».

— Из 10 КЭС, содержащих негативную информацию и ее негативную языковую репрезентацию, большинство не экологичны (8 против 2). 2 КЭС являются экологичными, несмотря на негативно окрашенную лексику, так как в остальном отвечают параметрам и определению экологичности. Неэкологичность общения выявляется, помимо негативной лексики, на основе реакции слушающего, реже интенции говорящего, а также в результате несоответствия параметрам экологичности коммуникации.

Из 2 экологичных КЭС 1 развивается по фракталу «дерево» и 1 – по «ризоме», что является единственным примером из всех экологичных ситуаций, в силу наибольшей хаотичности данного фрактала. Из 8 неэкологичных КЭС 4 соответствуют модели «ризомы», 3 – «спираль» и 1 – «дерево». Фрактал «концентрические круги» в этом пункте выявлен не был.

— Из 10 КЭС, содержащих позитивную информацию и ее негативную языковую репрезентацию, 5 примеров экологичны (5 против 5). Данный факт наглядно демонстрирует, что при использовании негативно окрашенной лексики экологичное общение возможно при позитивной реакции слушающего и соответствии параметрам экологичности. В противном случае (даже при положительной интенции говорящего) общение является неэкологичным.

В этом пункте были выявлены 4 фрактальные модели. Из 5 экологических КЭС 3 «концентрических круга», 1 «спираль» и 1 «древо»; из 5 неэкологических КЭС 3 «ризомы», 1 «спираль» и 1 «древо».

— Из 10 КЭС, содержащих негативную информацию и ее позитивную языковую репрезентацию, большинство примеров являются экологичными (8 против 2). Негативная информация может быть экологичной, при условии соответствия определению и параметрам экологичности коммуникации, что подтверждает важность использования «здорового» языка.

В данном пункте отсутствует модель «ризома». Неэкологичные КЭС развиваются по моделям «спираль» и «древо». Из 8 экологических КЭС 4 модели «концентрические круги», 2 модели «спираль» и 2 модели «древо».

Таким образом, синтез лингвоэкологического и лингвосинергетического подходов позволил более глубоко и комплексно рассмотреть такое сложноорганизованное языковое явление как художественный дискурс и оценить экологичность / неэкологичность представленных в нем КЭС. В дальнейшем возможно расширить исследовательский материал за счет интеграции других типов дискурса, художественных произведений иных жанров. Перспективными представляются исследования различных системообразующих концептов и категорий с точки зрения их экологичности / неэкологичности с применением техники фрактального моделирования. Кроме того, интерес исследователей может вызвать изучение первостепенности того или иного компонента определения или параметра при установлении экологичности / неэкологичности коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры [Текст]: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 6. – Краснодар: Изд-во СГПИ, 2008. – С. 20-26.
3. Алпатов В. М. «Великий кризис» в истории лингвистики и пути его преодоления [Текст] / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 2020. – № 5. – С. 7-21.
4. Арутюнова Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
5. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки [Текст] / В. И. Аршинов. – М.: РАН Ин-т философии, 1999. – 203 с.
6. Асланов Л. А. Культура и власть: философские заметки [Текст] / Л. А. Асланов. – М.: ТЕИС, 2001. – 494 с.
7. Аттрактор и бабочка. Памяти Эдварда Нортона Лоренца [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – URL: <http://lenta.ru/articles/2008/04/18/lorenz/> (дата обращения: 05.08.2024).
8. Бакиев А. Г. Лингвосинергетическая интерпретация метафорики Т. Пратчетта (на материале произведений из цикла «Плоский мир») [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / А. Г. Бакиев. – Уфа, 2015. – 205 с.
9. Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) [Текст] / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. литература, 1975. – С. 447-483.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

11. Белозерова Н. Н. Можно ли поверить дискурс фракталом? [Электронный ресурс] / Н. Н. Белозерова. – URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No16/text01.htm> (дата обращения: 05.08.2024).
12. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
13. Бернацкая А. А. О трех аспектах экологии языка [Текст] / А. А. Бернацкая // Вестник Красноярского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2003. – № 4. – С. 32–38.
14. Бессмельцева О. В. Язык и воспитание личности [Текст] / О. В. Бессмельцева // Экология языка на перекрестке наук: материалы 2-й международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2 / Под ред. проф. Н. Н. Белозеровой. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2012. – С. 91–99.
15. Блумфилд Л. Язык [Текст] / Л. Блумфилд. Пер. с англ. языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 608 с.
16. Богданов А. А. Очерки всеобщей организационной науки [Текст] / А. А. Богданов. – Самара, 1921. – 164 с.
17. Богданов В. В. Текст и текстовое общение [Текст]: учебное пособие. / В. В. Богданов. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 67 с.
18. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса [Текст] / В. Г. Борботько. – Грозный: Издательство Чечено-Ингушского государственного университета, 1981. – 113 с.
19. Бронник Л. В. О фрактальном самоподобии в языке [Текст] / Л. В. Бронник // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. – 2009. – № 10 (44). – С. 15-19.
20. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании [Текст] / В. Г. Буданов. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
21. Буданов В. Г. Методология и принципы синергетики [Электронный ресурс] / В. Г. Буданов. – URL: <http://spkurdyumov.ru/education/programmakursa-sinergetika-dlya-gumanitariyev/> (дата обращения: 05.08.2024).
22. Буданов В. Г. Синергетика: история, принципы, современность [Электронный ресурс] / В. Г. Буданов. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/SinBud.htm> (дата обращения: 05.08.2024).

23. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Художественность как метафизическое основание эстетического опыта и критерий определения подлинности искусства [Текст] / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 43. – С. 220-241.
24. Варламенко И. Г. Перцептивные фразеологизмы в англоязычном художественном дискурсе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Варламенко. – Барнаул, 2017. – 25 с.
25. Васильева А. Н. Основы культуры речи [Текст] / А. Н. Васильева. – М.: Рус. яз., 1990. – 247 с.
26. Вахрушева М. А., Ионова С. В. Эмоциональная коммуникация на русском языке [Текст]. Учебно-методическое пособие по РКИ / М. А. Вахрушева, С. В. Ионова. – М.: Мир науки, 2021. – 87 с.
27. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера [Текст] / В. И. Вернадский. – М.: Айрис-Пресс, 2007. – 574 с.
28. Вершков А. В. Антропоцентризм и современность [Электронный ресурс] / А. В. Вершков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 5-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrizm-i-sovremennost> (дата обращения: 05.08.2024).
29. Виноградов В. В. Литературный язык [Текст] / Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – С. 288-297.
30. Витт Н. В. Речи и эмоции [Текст]: учебное пособие к спецкурсу по психологии / Н. В. Витт. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1984. – 76 с.
31. Войцехович В. Э. Фракталы и аттракторы социальной эволюции [Электронный ресурс] / В. Э. Войцехович. – URL: <http://11235813.org/IPB/index.php?act=attach&type=post&id=82> (дата обращения: 05.08.2024).
32. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте [Текст]: монография / Я. А. Волкова. – Волгоград: Перемена, 2014. – 304 с.
33. Волкова Я. А. Деструктивность в общении: проблемы и перспективы исследования [Текст] / Я. А. Волкова // Лингвоэкология: проблемы и пути их

решения: монография / под ред. А. П. Сквородникова, Г. А. Копниной. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. – 612 с.

34. Волошинов А. В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства [Текст] / А. В. Волошинов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002. – 223 с.

35. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. [Текст] / В. Н. Волошинов. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Л.: Прибой, 1929. – 188 с.

36. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: УРСС, 2007. – 137 с.

37. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ [Текст] / Б. М. Гаспаров. Лингвистика языкового повествования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

38. Геометрия фракталов [Электронный ресурс]. – URL: http://beck-univer.ucoz.ru/Fractaly_lekcija_1.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

39. Герман И. А. Лингвосинергетика: [Текст] монография / И. А. Герман. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 168 с.

40. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст]: Сб. неизд. текстов, подгот. под рук. и с предисл. Рока Валена / Г. Гийом; Пер. с фр. П. А. Скрелина. Общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. – М.: УРСС, 2004 (Тип. ООО Рохос). – 221 с.

41. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст]: Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена. Пер. с фр. / Г. Гийом. Пер. с фр. П. А. Скрелина. Общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 230 с.

42. Головин Б. Н. Основы культуры речи [Текст]: учеб. пособие / Б. Н. Головин – М.: Высш. школа, 1980. – 333 с.

43. Гордиенко В. А., Показеев К. В., Старкова, М. В. Экология. Базовый курс для студентов небиологических специальностей [Текст]: учебное пособие / В. А. Гордиенко, К. В. Показеев, М. В. Старкова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2014. – 640 с.

44. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: эмоции как фактор корпоративного успеха [Текст] / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки // Действенное лидерство: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – С. 32-56.
45. Грайс Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
46. Грицанов А. Ризома [Электронный ресурс] / А. Грицанов. – URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/gritsanov/1/j616.html (дата обращения: 05.08.2024).
47. Гулевич О. А. Психология коммуникации [Текст] / О. А. Гулевич. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2007. – 384 с.
48. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт: пер. с нем. /общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс». 2001. – 400 с.
49. Гуо Хуиян. Особенности дискурса художественного произведения [Электронный ресурс] / Хуиян Гуо // Молодой ученый. 2017. – № 20 (154). – С. 483-486. – URL: <https://moluch.ru/archive/154/43562/> (дата обращения: 05.08.2024).
50. Гураль С. К. Дискурс-анализ в свете синергетического видения [Текст] / С. К. Гураль; под науч. ред. Е. С. Антоновой. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. – 174 с.
51. Гусев М. В. От антропоцентризма к биоцентризму [Текст] / М. В. Гусев // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». – 1992. – № 5. – С. 71-77.
52. Данилов Ю. А. Роль и место синергетики в современной науке [Электронный ресурс] / Ю. А. Данилов. – URL: <http://spkurdyumov.ru/what/rol-i-mesto-sinergetiki-v-sovremennoj-nauke/> (дата обращения: 05.08.2024).
53. Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика? [Текст] / Ю. А. Данилов, Б. Б. Кадомцев // Нелинейные волны. Самоорганизация. – М.: Наука, 1983. – С. 5-16.

54. Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика? [Электронный ресурс] / Ю. А. Данилов, Б. Б. Кадомцев // Трагедия свободы. – URL: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_227.htm (дата обращения: 05.08.2024).
55. Данилов Ю. А., Кэрролл Л. История с узелками (задачи для больших и маленьких) [Текст] / Ю. А. Данилов, Л. Кэрролл: [пер. с англ.] // Пионер. – 1973. – № 1. – С. 72-75; № 3. – С. 62-63.
56. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк; пер с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
57. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. [Текст] / Т. А. ван Дейк // Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
58. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста [Текст] / В. З. Демьянков. Вып. 2. Методы анализа текста. – М.: Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – 288 с.
59. Демьянков В. З. Загадки диалога и культуры понимания [Текст] / В. З. Демьянков // Текст в коммуникации. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. – С. 109-116.
60. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка [Текст] / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст: сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34-55.
61. Демьянков В. З. Термин парадигма в обыденном языке и в лингвистике [Текст] / В. З. Демьянков // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 15-40.
62. Додонов Б. И. Эмоция как ценность [Текст] / Б. И. Додонов. – М.: Изд-во полит. литературы, 1978. – 271 с.
63. Домброван Т. И. Что дает синергетика науке о языке? [Электронный ресурс] / Т. И. Домброван. – URL: <https://studylib.ru/doc/2662398/chto-daet-sinergetika-nauke-o-yazyke%3F> (дата обращения: 05.08.2024).
64. Дрожжих Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы [Текст] / Н. В. Дрожжих // Вестн. Тюм. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 227-234.

65. Дрожащих Н. В. Экология языка и культуры: рекуррентность смысла природа [Текст] / Н. В. Дрожащих // Экология языка на перекрестке наук: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. – С. 29-34.
66. Дрожащих Н. В. Введение в динамическую синергетику языка [Текст]: монография / Н. В. Дрожащих. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – 252 с.
67. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика [Текст]: словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Нальчик: Пилигрим, 2012. – 279 с.
68. Жуков Д. С., Лямин С. К. Метафоры фракталов в общественно-политическом знании [Текст]: монография / Д. С. Жуков, С. К. Лямин. Федеральное агентство по образованию, Тамб. Гос. Ун-т имени Г.Р. Державина. – Тамбов: Издательство ТГУ имени Г.Р. Державина, 2007. – 136 с.
69. Жуков Д. С., Лямин С. К. Варианты использования методов фрактальной геометрии в социальных и политических исследованиях [Текст] / Д. С. Жуков, С. К. Лямин. – Internum. – 2010. – № 2. – С. 17-35.
70. Завьялова О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия [Текст] / О. Н. Завьялова // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 562-564.
71. Зайченко С. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей организации художественного кинодискурса (на материале англоязычных художественных фильмов исторического жанра) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / С. С. Зайченко. – Челябинск, 2013. – 206 с.
72. Зотова А. Б. К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность» [Текст] / А. Б. Зотова // Известия ВГПУ. – 2010. – Т. 50. – № 6. – С. 14-17.
73. Иванов В. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия [Текст] / В. Вс. Иванов. – М.: ЯСК, 2004. – 208 с.

74. Иванова Е. В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики [Текст] / Е. В. Иванова // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Б. Попова. – Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. – С. 41-47.
75. Иванова Е. В. Эколлингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем [Текст] / Е. В. Иванова // Вестник Челябинского университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2007. – № 13 (91). – С. 32-36.
76. Иванова Л. П. Курс лекций по общему языкознанию [Текст] / Л. П. Иванова. – К.: Освита Украины, 2006. – 312 с.
77. Изард К. Психология эмоций [Текст] / К. Изард // Пер. с англ. А. Татлыбаева. – СПб.: «Питер», 1999. – 464 с.
78. Ильин Е. П. Эмоции и чувства [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2002. – 752 с.
79. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / С. В. Ионова. – Волгоград, 1998. – 197 с.
80. Ионова С. В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации [Текст] / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 190-197.
81. Ионова С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения [Текст] / С. В. Ионова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 20-30.
82. Ионова С. В. Лингвистика эмоций – наука будущего [Текст] / С. В. Ионова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6 (169). – С. 124-131.
83. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод [Текст] / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс / Пер. с англ. – Харьков: изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.
84. Казарян Л. Г. Поэтические тексты в процессах духовной «экологизации» общества [Текст] / Л. Г. Казарян // Экология человека. – 2005 – № 5. – С. 28-31.

85. Калашникова К. С. Лингвосинергетический подход к проблеме актуализации авторских смыслов в художественном дискурсе (на материале романа Д. Брауна «Код Да Винчи») [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / К. С. Калашникова. – Уфа, 2019. – 211 с.
86. Карасик В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
87. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]: монография / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
88. Карасик В. И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения [Текст] / В. И. Карасик // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 191-201.
89. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к теории дискурса [Текст] / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 3-9.
90. Кибрик А. А. Дискурс [Текст] / Кибрик А. А. и др. Введение в науку о языке. – М.: Буки Веди, 2019. – 672 с.
91. Кибрик А. А., Паршин П. Б. Дискурс [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик, П. Б. Паршин. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html?page=0,1 (дата обращения: 05.08.2024).
92. Клименко Л. В. Признаки экологичности коммуникативной деятельности сквозь призму французской лингвокультуры [Текст] / Л. В. Клименко // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 2. – С. 83-94.
93. Князева Е. Н. Основания синергетики: Синергетическое мировидение [Текст] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 256 с.
94. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем [Текст] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994. – 238 с.

95. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика и принципы коэволюции сложных систем [Текст] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Проблемы общественного развития. – 1998. – № 3-4. – С. 3-6.
96. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее [Текст] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 260 с.
97. Козлова Л. А. Принцип трансдисциплинарности и его аппликативный потенциал [Текст] / Л. А. Козлова // Язык. Культура. Личность. Сборник научных трудов, посвященный юбилею проф. Л.А. Козловой. – Барнаул, 2020. – С. 11-24.
98. Колосова (Солодовникова) Н. Г. Эмотивный анализ как метод экологического мониторинга текстов [Текст] / Н. Г. Колосова (Солодовникова) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5 (100). – С. 103-110.
99. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие [Текст] / З. И. Комарова. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
100. Корзун А. В. Актуальность и перспективы эмотивной лингвоэкологии как современного направления в лингвистике [Текст] / А. В. Корзун // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. редактор Р. А. Газизов. – Уфа, 2022. – С. 13-19.
101. Корзун А. В. Реализация категории эмотивности в англоязычном художественном дискурсе [Текст] / А. В. Корзун // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / отв. Ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. – С. 114-120.
102. Корзун А. В. Виды коммуникативной информации и ее языковая репрезентация в свете эмотивной лингвоэкологии (на материале англоязычного художественного дискурса) [Текст] / А. В. Корзун // Вестник Нижегородского

государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород: НГЛУ, 2023. – Вып. 2 (62). – С. 72-86.

103. Корзун А. В. К разграничению понятий «эмоциональность» и «эмотивность» на примере англоязычного художественного дискурса [Текст] / А. В. Корзун // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Выпуск VI: Материалы VI международной научно-практической конференции / Отв. Ред. Коптелова И.Е. – М., 2023. – С. 43-48.

104. Корзун А. В. Трудности в определении параметров экологичности коммуникации (на материале англоязычного художественного дискурса) [Текст] / А. В. Корзун // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию ФРГФ / отв. ред. А. С. Самигуллина. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 120-130.

105. Коростова С. В. Категория эмотивности в современной литературе: к проблеме экологии языка [Текст] / С. В. Коростова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 3. – С. 1-12.

106. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства [Текст] / М. П. Кочерган. – К.: Видавничий центр «Академія», 2000. – 368 с.

107. Кравченко А. В. Экологическая парадигма в исследованиях языка: смена познавательных установок [Текст] / А. В. Кравченко // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. – 612 с.

108. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева; пер. с фр. Г. К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / сост., пер., вступ. статья Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427-457.

109. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст]: учеб. пособие / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1986. – 381 с.

110. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука

конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 149-238.

111. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор [Текст] / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7-25.

112. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык. Личность. Текст: сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 24-33.

113. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения [Электронный ресурс] / Е. С. Кубрякова. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения: 05.08.2024).

114. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Междунар. конф. – Москва: Спортакадемпедпрогресс, 1999. – С. 186-197.

115. Курашкина Н. А. О многоаспектности современных эколлингвистических исследований [Текст] / Н. А. Курашкина // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. – 612 с.

116. Курдюмов С. П. Концепция самоорганизации. Синергетика общие положения [Электронный ресурс] / С. П. Курдюмов. – URL: <http://spkurdyumov.ru/what/koncepciya-samoorganizacii-sinergetikaobshhiepolozheniya/> (дата обращения: 05.08.2024).

117. Лазуткина Е. М. Культура речи и лингвистическая экология [Текст] / Е. М. Лазуткина // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. – 612 с.

118. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций [Текст] / Т. В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 507 с.

119. Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии [Текст] / Т. В. Ларина // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1 (39). – С. 38–57.
120. Ленько Н. Г. Анализ категории эмотивности и смежных с ней категорий [Текст] / Н. Г. Ленько // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – С. 84 – 91.
121. Леонтович О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы [Электронный ресурс] / О. А. Леонтович // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-kommunikatsiya-postanovka-problemy> (дата обращения: 05.08.2024).
122. Лихачев Д. С. Экология культуры [Текст] / Д. С. Лихачев // Москва. – 1979. – № 7. – С. 173-179.
123. Лосев А. Ф. Эстетика // Философская энциклопедия: в 5 т. [Текст] / А. Ф. Лосев. – Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 740 с.
124. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» [Текст] / Ю. М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 203-216.
125. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике [Текст] / Ю. М. Лотман и тартуско-московская школа. – М., 1994.
126. Лотман Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
127. Лыкова Н. Н. Экологическая лингвистика и история французского языка [Текст] / Н. Н. Лыкова // Экология языка на перекрестке наук: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. проф. Н. Н. Белозеровой. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. – С. 48-56.
128. Маджаева С. И. Эмпатия как лингвоэкологический фактор профессии врача [Текст] / С. И. Маджаева // Известия ВГПУ. – 2019. – № 1 (134). – С. 207-213.

129. Майнцер К. Сложность и самоорганизация возникновение новой науки и культуры на рубеже веков [Электронный ресурс] / К. Майнцер. – URL: <http://spkurdyumov.ru/what/slozhnost-i-samoorganizaciya-vozniknovenie-novoj-nauki/> (дата обращения: 05.08.2024).
130. Макаров М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
131. Малахова В. Л. Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике [Текст] / В. Л. Малахов // Филологические науки в МГИМО. – 2021. – № 7(3). – С. 24-33.
132. Мамонова С. В. Фрактальная самоорганизация британского сказочного дискурса (на примере концепта «WELFARE») [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / С. В. Мамонова. – Челябинск, 2015. – 233 с.
133. Мамонова Н. В., Олизько Н. С. Фракталы как механизм возникновения порядка из хаоса [Текст] / Н. В. Мамонова, Н. С. Олизько // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 5 (71). – С. 107-111.
134. Манаенко Г. Н. Лингвистические координаты понятия «дискурс» [Текст] / Г. Н. Манаенко // Вопросы когнитивной лингвистики / гл. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2011. – № 4. – С. 83-92.
135. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы [Текст] / Б. Мандельброт – Москва: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
136. Мандельброт Б. Фракталы, случай и финансы [Текст] / Б. Мандельброт. – Москва – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2004. – 256 с.
137. Манерко Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах [Текст] / Л. А. Манерко // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2013. – № 1. – С. 100-118.
138. Маслова В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста [Текст] / В. А. Маслова. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2014. – 104 с.

139. Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Речевое поведение в прагмалингвистике и лингвоэкологии: точки соприкосновения [Текст] / Г. Г. Матвеева, М. В. Лесняк // Экология медиасреды: проблемы безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. – М.: Ф-т журн. МГУ, 2016. – С. 15-19.
140. Матвеева Т. В. По средней линии [Текст] / Т. В. Матвеева // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 153-164.
141. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
142. Мельникова Е. А. Эколингвистическая модель формирования медиапространства поликультурного региона [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Е. А. Мельникова. – Оренбург, 2021. – 321 с.
143. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Искусство 'art' [Текст] / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский // Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2016. – С. 237-239.
144. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык, Природа, Культура: Курс лекций [Текст]: Учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М.: Академия, 2007. – 432 с.
145. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса [Текст] / В. А. Миловидов. – М.: Буки Веди, 2016. – 172 с.
146. Можейко М. А. Ризома [Текст] / М. А. Можейко // Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко; отв. ред. А. И. Мерцалова. – Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2001. – С. 655-659.
147. Моисеева И. Ю. Синергетическая модель текстообразования [Текст]: дисс. ... д-ра филол. наук / И. Ю. Моисеева. – Оренбург, 2007. – 370 с.
148. Молчанова Г. Г. Лингвоэкология и современное состояние языка [Текст] / Г. Г. Молчанова // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 47-54.

149. Морозкина Е. А., Сафина З. М. Фрактальная структура художественного текста (на материале романа Френсиса Скотта Фицджеральда «Ночь нежна») [Текст] / Е. А. Морозкина, З. М. Сафина // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 3. – С. 969-973.
150. Морозкина Е. А., Хамматова С. Р. Выражение эмотивности в художественном тексте (на материале романа У. Г. Симмса «Мартин Фабер») [Текст] / Е. А. Морозкина, С. Р. Хамматова // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – №1. – С. 172-178.
151. Мосионжник Л. А. Синергетика для гуманитариев [Текст] / Л. А. Мосионжник. – Санкт-Петербург; Кишинев: Нестор-История: Высш. антрополог. шк., 2003. – 155 с.
152. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс [Текст] / Г. Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
153. Москальчук Г. Г. Общенаучные понятия в исследованиях текста [Текст] / Г. Г. Москальчук // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Вып. 57. – 2011. – № 24 (239). – С. 92-94.
154. Моташкова С. В. Лингвосинергетика: в поисках универсального языка коммуникации [Текст] / С. В. Моташкова // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 11-16.
155. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. [Текст] / Н. Л. Мышкина. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 1998. – 152 с.
156. Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов [Текст] / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – 171 с.
157. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1986. – 796 с.
158. Олизько Н. С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса (на материале произведений Дж. Барта) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Олизько. – Челябинск, 2002. – 194 с.

159. Олизько Н. С. Интердискурсивность постмодернистского письма (на материале творчества Дж. Барта) [Текст]: моногр. / Н. С. Олизько. – Челябинск: Фотохудожник, 2009. – 162 с.
160. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / Н. С. Олизько. – Челябинск, 2009. – 343 с.
161. Олизько Н. С. Синергетические принципы организации художественного дискурса постмодернизма [Текст] / Н. С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (148). – С. 84-87.
162. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций [Текст] / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 314-384.
163. Панов М. В. О литературном языке [Текст] / Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 88-102.
164. Панченко Н. Н. Правда и искренность в экологичной / неэкологичной коммуникации [Текст] / Н. Н. Панченко // Научный диалог. – 2012. – № 12: Филология. – С. 124-135.
165. Панченко Н. Н., Штеба А. А. Введение [Текст] / Н. Н. Панченко, А. А. Штеба // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.
166. Пешкова Н. П. Эмоциогенные факторы лингвистического ландшафта в полиэтнической среде [Текст] / Н. П. Пешкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 12 (854). – С. 88-98.

167. Пешкова Н. П., Гилязова Д. Р., Мигранова И. Х., Моисеева А. В., Титлова А. С. Эмоции в тексте и сознании его адресата [Текст]: монография / Н. П. Пешкова [и др.]. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 228 с.
168. Пианка Э. Эволюционная экология [Текст] / Э. Пианка: пер. с англ. / перевод А. М. Гилярова, В. Ф. Матвеева; под ред. и с предисл. М. С. Гилярова. – М.: Мир, 1981. – 400 с.
169. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы [Текст] / Р.Г. Пиотровский. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. – 216 с.
170. Пиотровский Р. Г. Синергетика языка и речемыслительная деятельность человека [Электронный ресурс] / Р. Г. Пиотровский. – URL: <http://ojs.library.spbu.ru/index.php/SPL/article/download/1/1> (дата обращения: 05.08.2024).
171. Пищальникова В. А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста [Текст] / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 1984. – 59 с.
172. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия [Текст] / С. Н. Плотникова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2011. – № 2. – С. 152-158.
173. Плотникова С. Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие [Текст] / С. Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 3 (15). – С. 126-134.
174. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику [Текст] / В. А. Плунгян. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 383 с.
175. Подольская О. Надо ли быть позитивным человеком [Электронный ресурс] / О. Подольская. – URL: <https://lady.mail.ru/article/485776-nado-li-byit-pozitivnyim-chelovekom/> (дата обращения: 05.08.2024).
176. Полухин А. А. Современное языкознание и экологическое мышление [Текст] / А. А. Полухин // Опыты-2008: сб. науч. работ / сост. Н. М. Димитрова. – СПб.: РИО ГПА, 2009. – С. 65-73.

177. Пономаренко Е. В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе [Текст]: дисс. ... д-ра филол. наук / Е. В. Пономаренко. – М., 2004. – 447 с.
178. Пономаренко Е. В. Функциональная системность дискурса и предпосылки развития лингвосинергетики [Текст] / Е. В. Пономаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2006. – № 2. – С. 22-27.
179. Пономаренко И. Н. Симметрия / асимметрия в лингвистике текста [Текст]: моногр. / И. Н. Пономаренко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. – 231 с.
180. Пономаренко И. Н. Фрактальные параметры нелинейного пространства текста [Текст] / И. Н. Пономаренко // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – № 2. – С. 238-241.
181. Попова З. Д., Стернин И. А. Текст, дискурс и проблема эффективности коммуникации [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Текст-дискурс-картина мира. Вып.1. – Воронеж: Научное издание, 2005. – С.4-8.
182. Пригожин И. Р. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы [Текст] / И. Р. Пригожин – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
183. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
184. Пуанкаре А. О науке [Текст] / А. Пуанкаре. – Москва: Наука, 1983. – 736 с.
185. Пылаева Е. М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века [Текст] / Е. М. Пылаева // Вестник Пермского нац. исслед. политех. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. – 2011. – № 5. – С. 106-113.
186. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации [Текст] / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика/ гл. ред. И. В. Силантьев. – Новосибирск: НГУ, 2005. – Вып.8. – С. 66-78.
187. Ровинский Р. Е. Синергетика и процессы развития сложных систем [Текст] / Р. Е. Ровинский // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 162-169.

188. Сажина Е. В., Семак Д. С. «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий [Текст] / Е. В. Сажина, Д. С. Семак // Эпоха науки. – 2019. – № 20. – С. 565-568.

189. Самарская Т. Б., Мартиросьян Е. Г. Художественный дискурс: специфика составляющих и организация художественного текста [Текст] / Т. Б. Самарская, Е. Г. Мартиросьян // Сфера услуг: инновации и качество. – 2012. – № 10. – С. 10-20.

190. Самигуллина А. С., Корзун А. В. Роль коммуникантов в определении параметров экологичности общения (на материале англоязычного художественного дискурса) [Текст] / А. С. Самигуллина, А. В. Корзун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Том 16. – Выпуск 5. – С. 1496-1504.

191. Самигуллина А. С., Корзун А. В. От культуры речи до экологии языка (From Culture of Speech to Ecology of Language) [Текст] / А. С. Самигуллина, А. В. Корзун // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 15-летию кафедры лингводидактики и переводоведения ИГСН. – Уфа, 2024. – С. 69-74.

192. Самодурова М. С. Опыт лингвосинергетического изучения дискурса с применением фракталов [Текст] / М. С. Самодурова // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей: сборник научных статей / под ред. Г. Р. Власян, М. А. Самковой. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – Вып. 3. – С. 104-114.

193. Самохвалова В. И. Человек и мир: проблемы антропоцентризма [Текст] / В. И. Самохвалова // Философские науки. – 1992. – № 3. – С. 24-37.

194. Сандомирская И. И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение) [Текст] / И. И. Сандомирская // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 114-136.

195. Сапиева С. К., Малова Н. Е., Шхумишхова А. Р. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике

[Электронный ресурс] / С. К. Сапиева, Н. Е. Малова, А. Р. Шхумишхова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturno-hudozhestvennyy-diskurs-i-ego-interpretatsiya-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 05.08.2024).

196. Сафина З. М. Фрактальная модель художественного дискурса [Текст] / З. М. Сафина // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21. – № 4. – С. 1065-1071.

197. Селье Г. Стресс без дистресса [Электронный ресурс] / Г. Селье. – URL: https://royallib.com/read/sele_gans/stress_bez_distressa.html#0 (дата обращения: 05.08.2024).

198. Сергодеев И. В. Интертекстуальность как средство семантической самоорганизации поэтического текста (на материале произведений Дж. Моррисона) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / И. В. Сергодеев. – Челябинск, 2016. – 209 с.

199. Серль Дж. Природа интенциональных состояний [Текст] / Дж. Серль // Философия, логика, язык. – М., 1987. – С. 96-126.

200. Силантьев И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смешений [Текст] / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 224с.

201. Сковородников А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии [Текст] / А. П. Сковородников // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. – Вып. 3. – С. 68-82.

202. Сковородников А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка [Текст] / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 205-233.

203. Сковородников А. П. К философским основаниям предметной области эколлингвистики [Текст] / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 140-161.

204. Сковородников А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии [Текст] / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 12-25.
205. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
206. Солодилова И. А. Коммуникативные ситуации эмоционального выбора [Текст] / И. А. Солодилова // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием). – Оренбург, 2021. – С. 2146-2153.
207. Солодовникова Н. Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи [Текст] / Н. Г. Солодовникова // Русский язык, литература в школе и вузе. – Киев, 2010. – № 1 (31). – С. 22-29.
208. Солодовникова Н. Г. Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов) [Текст]: дисс. ...канд. филол. наук / Н. Г. Солодовникова. – Волгоград, 2010. – 196 с.
209. Солодовникова Н. Г. Содержание научного направления «эмотивная лингвоэкология»: Проблемы и перспективы [Текст] / Н. Г. Солодовникова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.
210. Солодовникова Н. Г. Эмотивные границы экологичности [Текст] / Н. Г. Солодовникова // Неофилология. – 2020. – Т. 6. – № 24. – С. 709-721.
211. Солодовникова Н. Г. Эмоции в языке: проблема экологичности их выражения (на материале эмотивов в локальной информационно-психологической войне) [Текст] / Н. Г. Солодовникова // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. – 612 с.
212. Солодовникова Н. Г., Бусыга М. В. Термины «экологичная» и «позитивная» коммуникация в эмотивном аспекте [Текст] / Н. Г. Солодовникова, М. В. Бусыга //

Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. трудов XI междунар. науч.-практ. конф. / сост. Б. Н. Бисеналиева. – Астрахань: Астраханский гос. ун-т, Издательский дом «Астраханский университет», 2020. – С. 103-116.

213. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Логос, 1999. – 360 с.

214. Сребрянская Н. А. Эмотивная лингвистика – перспективное направление лингвистических исследований [Текст] / Н. А. Сребрянская // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 282-284.

215. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) [Текст] / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325-332.

216. Тарасова О. Д. Категория экологичности как важный параметр для эмотивной лингвоэкологии [Текст] / О. Д. Тарасова // Интерактивная наука. – 2016. – № 4. – С. 94-96.

217. Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания [Текст] / В. В. Тарасенко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.

218. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

219. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.

220. Тельнова Н. А. Основные принципы синергетики и их методологическое значение [Текст] / Н. А. Тельнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Философия. Социология и социальные технологии. – 2006. – Вып. 5. – С. 14-20.

221. Трошина Н. Н. Экология языка: аналит. обзор [Текст] / Н. Н. Трошина / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания: Редкол.: Опарина Е. О., Раренко М. Б. – М., 2020. – 54 с.
222. Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи [Текст]: монография / И. В. Труфанова. – М.: «Прометей», 2000. – 569 с.
223. Тураева В. Н. Лингвистика текста [Текст] / В. Н. Тураева. Текст: структура и семантика. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.
224. Тюпа В. И. Художественность [Текст] / В. И. Тюпа // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2008. – 358 с.
225. Ударцева Ю. В. Концептуальная метафора в аспекте лингвоэкологии [Текст] / Ю. В. Ударцева // Экология языка на перекрестке наук: материалы 3-й международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Н. Белозеровой. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. – С. 55-61.
226. Федер Е. Фракталы [Текст] / Е. Федер / Пер. с англ. – М.: Мир, 1991. – 254 с.
227. Фещенко В. В. Auto-poetica как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики [Текст] / В. В. Фещенко // Семиотика и Авангард: антология / ред.-сост.: Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин; под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Академ. Проект: Культура, 2006. – С. 54-122.
228. Фещенко В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики [Текст] / В. В. Фещенко // Новый филологический вестник. – 2021. – № 1 (56). – С. 16-35.
229. Фуко М. Археология знания [Текст] / М. Фуко; пер. с фр.: С. Митина, Д. Стасова; общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
230. Хакен Г. Синергетика [Текст] / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980. – 405 с.
231. Хакен Г. Синергетика [Текст] / Г. Хакен. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – М.: Мир, 1985. – 424 с.
232. Хакен Г. Синергетике – 30 лет [Текст]: Интервью с профессором Г. Хакеном / Г. Хакен; интервью проведено Е. Н. Князевой // Вопросы философии. Научно-теоретический журнал. – М.: Наука, 2000. – № 3. – С. 53-61.

233. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии [Текст] / Г. Хакен. – Ижевск: ИКИ, 2003. – 320 с.
234. Холодный Н. Г. Мысли натуралиста о природе и человеке [Текст] / Н. Г. Холодный. Избранные труды. – К.: Наукова думка, 1982. – 199 с.
235. Храмченко Д. С. Ирония как средство активизации синергийных процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса [Текст] / Д. С. Храмченко // Вестник СамГУ. – 2009. – № 1 (67). – С. 175-180.
236. Храмченко Д. С. Тактическая реализация коммуникативной стратегии в условиях динамического взаимодействия прагмасемантических подсистем коммуникантов (на материале англоязычного делового дискурса) [Текст] / Д. С. Храмченко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 3. – Т. 1. – С. 124-130.
237. Чернавский Д. С. Синергетика и информация [Текст] / Д. С. Чернавский. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.
238. Чернавский Д. С. Методологические основы синергетики и ее применения [Текст] / Д. С. Чернавский // Методологические основы синергетики и ее социальные аппликации. Материалы научного семинара. Вып. № 1. – М.: Научный эксперт, 2010. – 80 с.
239. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований [Текст] / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11-22.
240. Шапочкин Д. В. Эколингвистика: цели и задачи [Текст] / Д. В. Шапочкин // Экология языка на перекрестке наук: материалы 3-й международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. проф. Н. Н. Белозеровой. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. – С. 37-42.
241. Шаронов И. А., Козодаева М. Невежливость и «антивежливость»: две мишени речевого этикета [Текст] / И. А. Шаронов, М. А. Козодаева // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Междунар. науч. конф., состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – С. 292-299.

242. Шаховский В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики [Текст] / В. И. Шаховский // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. Вып. 2. – С. 3-25.
243. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания [Текст] / В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. – 96 с.
244. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст]: монография / В. И. Шаховский. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. – 190 с.
245. Шаховский В. И. Отражение эмоций в семантике слова [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. Серия литературы и языка. – 1987. – Т. 46. – № 3. – С. 237-243.
246. Шаховский В. И. Коммуникативные аспекты значения: Межвуз. сб. науч. работ [Текст] / В. И. Шаховский / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича; Отв. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград: ВГПИ, 1990. – 175 с.
247. Шаховский В. И. Эмоции с точки зрения лингвистики [Текст] / В. И. Шаховский // Музыка начинается там, где кончается слово. – Астрахань-Москва, 1995. – С. 30-33.
248. Шаховский В. И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики [Текст] / В. И. Шаховский // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тез. докл. на XV Междунар. симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации. – М. – Калуга, 2006.
249. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В. И. Шаховский. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.
250. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст]: монография / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
251. Шаховский В. И. Эмоции как предмет исследования в лингвистике [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 29-42.
252. Шаховский В. И. Роль эмотивности в медиа-экологии [Текст] / В. И. Шаховский // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-5: сб. ст.; V

Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.Г. Слышкин, И.С. Бессарабова. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. – С. 223-226.

253. Шаховский В. И. Экология эмотивного языка: теоретические и практические аспекты [Текст] / В. И. Шаховский // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 233-245.

254. Шаховский В. И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – С. 13-21.

255. Шаховский В. И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности [Текст] / В. И. Шаховский // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 11-19.

256. Шаховский, В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции [Текст] / В. И. Шаховский. – Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.

257. Шаховский В. И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике: монография [Текст] / В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – 358 с.

258. Шаховский В. И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект [Текст] / В. И. Шаховский // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы Междунар. конф. – М. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2018. – С. 145-162.

259. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В. И. Шаховский. – М.: URSS, 2019. – 206 с.

260. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1 (39). – С. 22-37.

261. Шаховский В. И., Волкова П. С. Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации [Текст] / В. И. Шаховский // Известия ВГПУ. – 2019. – № 1 (134). – С. 132-138.

262. Шаховский В. И., Колосова (Солодовникова) Н. Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи [Текст] / В. И. Шаховский, Н. Г. Колосова (Солодовникова) // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2010. – № 1 (31). – С. 22-29.

263. Шаховский В. И., Солодовникова Н. Г. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения [Текст] / В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. моногр. / науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

264. Шаховский В. И., Штеба А. А. Экология, валеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии [Текст] / В. И. Шаховский, А. А. Штеба // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

265. Шляхов В. И. Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве [Текст] / В. И. Шляхов, А. Л. Никонов // Пространство и время. – 2011. – № 4 (6). – С. 138-144.

266. Шредер М. Фракталы, хаос, степенные законы [Текст] / М. Шредер. Миниатюры из бесконечного рая. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 528 с.

267. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия [Текст] / Ю. В. Щербинина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с.

268. Эпштейн М. Н. О живом [Текст] / М. Н. Эпштейн // Звезда. – 2011. – № 8. – С. 194-202.

269. Юргенс Х., Пайтген Х-О., Заупе Д. Язык фракталов [Электронный ресурс] / Х. Юргенс., Х-О. Пайтген, Д. Заупе. – URL: <http://www.ega-math.narod.ru/Nquant/Fractals.htm> (дата обращения: 05.08.2024).

270. Alexander R., Stibbe A. From the analysis of ecological discourse to the ecological analysis of discourse [Text] / R. Alexander, A. Stibbe // *Language Sciences*. – 2014. – № 41. – P. 104-110.
271. Anderson S. R., Lightfoot D. W. *The Language Organ: Linguistics as cognitive physiology* [Text] / S. R. Anderson, D. W. Lightfoot. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 284 p.
272. Ashby W. R. *Principles of self-organizing dynamic system* [Text] / W. R. Ashby // *Principles of Self-Organization: Transactions of the University of Illinois Symposium* / H. von Foerster and G. W. Zopf, Jr. (eds.). – London: Pergamon Press, 1947. – P. 255-278.
273. Barnsley M. F. *Fractals everywhere* [Text] / M. F. Barnsley. – USA: Academic Press, 1993. – 535 p.
274. Bolinger D. *Language, the loaded weapon: The use and abuse of language today* [Text] / D. Bolinger. – London: Longman, 1980. – 214 p.
275. Brown P., Levinson S. D. *Politeness: Some Universals in Language Usage* [Text] / P. Brown, S. D. Levinson. – Cambridge: CUP, 1987. – 345 p.
276. Culicover P. W. *Linguistics, cognitive science, and all that jazz. The Linguistic Review* [Text] / P. W. Culicover. 2005. – № 22. – P. 227-248.
277. Dijk van T. A. *Ideology. A Multidisciplinary Approach* [Text] / T. A. van Dijk. – Great Britain: The Cromwell Press, 1998. – 365 p.
278. Fill A. *Ökolinquistik: Eine Einführung* [Text] / A. Fill. – Tübingen: Narr, 1993. – 151 s.
279. Fill A. *Von der Ökologie der Sprache zur Ökolinquistik: Schritte in der Evolution einer Wissenschaft* [Text] / A. Fill // *Linguistics with a human face: Festschrift für Norma Denison zum 70. Geburtstag*. – Graz: Univ. Graz, 1995. – P. 63-71.
280. Fill A. *Ecolinguistics* [Text] / A. Fill // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – London, New York: Continuum, 2001. – P. 43-54.
281. Finke P. *Transdisciplinary Linguistics: Ecolinguistics as a Pacemaker into a New Scientific Age.* [Text] / P. Finke // *The Routledge Handbook of Ecolinguistics* / ed. by

Alwin F. Fill and Hermine Penz. – New York and London: Routledge, 2018. – P. 406-419.

282. Fontaine L. Analysing English grammar: A systemic functional introduction [Text] / L. Fontaine. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 294 p.

283. Haugen E. The ecology of language [Text] / E. Haugen // Haugen E. The ecology of language: Essays by Einar Haugen. – Stanford: Stanford Univ. press, 1972. – 366 p.

284. Haugen E. The Ecology of Language [Text] / E. Haugen // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment, 2006. – P. 57-66.

285. Langacker R.W. Discourse in cognitive grammar [Text] / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics 2001. – № 12. – P. 143-188.

286. Lechevrel N. L'écolinguistique: une discipline émergente? [Text] / N. Lechevrel // RÉLQ/QSJL. 2008. – Vol. III. – No. 1. – P. 16-38.

287. Leech G. The Pragmatics of Politeness Oxford Studies in Sociolinguistics [Text] / G. Leech. – Oxford: OUP. Print, 2014. – 343 p.

288. Mandelbrot B. The fractal geometry of nature [Text] / B. Mandelbrot. – New York: W.H. Freeman and Company, 1983. – 469 p.

289. Maturana H. R. Biology of cognition [Text] / H. R. Maturana. Biological Computer Laboratory (BCL) Research Report BCL 9.0. – Urbana, University of Illinois, 1970. – 24 p.

290. Nuyts J. Brothers in arms? On the relations between Cognitive and Functional Linguistics [Text] / J. Nuyts // Cognitive linguistics: internal dynamics and interdisciplinary interaction / Ed. by Francisco J. Ruiz de Mendoza Ibarnez, M. Sandra Pena Cervel. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. – 432 p.

291. Pareyon G. Fractal theory and language: the form of macrolinguistics [Electronic Resource] / G. Pareyon. – URL: <http://www.mi.sanu.ac.rs/vismath/BA2007/sym79.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).

292. Sanders T., Spooren W. Discourse and Text Structure [Text] / T. Sanders, W. Spooren // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford Univ. Press. 2007. – P. 916-943.

293. Sapir E. Language and Environment [Text] / E. Sapir // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment. 2006. – P. 1-11.

294. Steffensen S. V., Fill A. Ecolinguistics: The State of the Art and the Future Horizons [Text] / S. V. Steffensen, A. Fill // Ecolinguistics: The Ecology of Language and Science: Special Issue of Language Sciences. – Vol. 41. – Part A. 2014. – P. 6-25.

295. Werth P. Text worlds: Representing conceptual space in discourse [Text] / P. Werth. – Harlow and New York: Pearson Education Limited, 1999. – 390 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. Большая российская энциклопедия (БРЭ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/antiutopiia-0eaa55> (дата обращения: 05.08.2024).
2. Большой энциклопедический политехнический словарь (БЭПС) [Электронный ресурс]. – «Мультитрейд», 2004. 1 электрон., опт. диск (CD-ROM).
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. (НФЭ) [Текст] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-научн. фонд; под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001. – 634 с.
4. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Электронный ресурс]. – URL: https://methodological_terms.academic.ru/663/ (дата обращения: 05.08.2024).
5. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://perevodovedcheskiy.academic.ru/608/> (дата обращения: 05.08.2024).
6. Учебный словарь стилистических терминов [Электронный ресурс]. – URL: <https://stilistics.academic.ru/311/> (дата обращения: 05.08.2024).
7. Философский энциклопедический словарь (ФЭС) [Текст] / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
8. Энциклопедии & Словари. Коллекция энциклопедий и словарей [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com> (дата обращения: 05.08.2024).
9. Энциклопедия символики и геральдики (ЭСГ) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.symbolarium.ru> (дата обращения: 05.08.2024).
10. Энциклопедия эпистемологии и философии науки (ЭЭФН) [Текст] / Сост. и общ. ред. И. Т. Касавин. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
11. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 05.08.2024).

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Lowry Lois. The Giver. [Электронный ресурс]. – URL: https://onlinereadfreenovel.com/lois-lowry/2046-the_giver_read.html (дата обращения: 05.08.2024).
2. Lowry Lois. Gathering Blue. [Электронный ресурс]. – URL: https://onlinereadfreenovel.com/lois-lowry/2045-gathering_blue_read.html (дата обращения: 05.08.2024).
3. Lowry Lois. Messenger. [Электронный ресурс]. – URL: https://onlinereadfreenovel.com/lois-lowry/2044-messenger_read.html (дата обращения: 05.08.2024).
4. Lowry Lois. Son. [Электронный ресурс]. – URL: https://onlinereadfreenovel.com/lois-lowry/2043-son_read.html (дата обращения: 05.08.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Примеры для эмпирического анализа из цикла романов «Дающий. Квадрология» Лойс Лоури

1) Позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация

Пример 1.

“Sunshine,” he said aloud, opening his eyes.

“Good. You did get the word. That makes my job easier. Not so much explaining.”

“And it came from the sky.”

“That’s right,” the old man said. “Just the way it used to.”

“Before Sameness. Before Climate Control,” Jonas added.

The man laughed. “You receive well, and learn quickly. I’m very pleased with you. That’s enough for today, I think. We’re off to a good start.” (“The Giver”)

Пример 2.

“Tell me about the celebration.”

“Well, there was the telling of his life. That is always first. Then the toast. We all raised our glasses and cheered. We chanted the anthem. He made a lovely good-bye speech. And several of us made little speeches wishing him well. I didn’t, though. I’ve never been fond of public speaking. He was thrilled. You should have seen the look on his face when they let him go.”

Jonas slowed the strokes of his hand on her back thoughtfully. “Larissa,” he asked, “what happens when they make the actual release? Where exactly did Roberto go?”

She lifted her bare wet shoulders in a small shrug. “I don’t know. I don’t think anybody does, except the committee. He just bowed to all of us and then walked, like they all do, through the special door in the Releasing Room. But you should have seen his look. Pure happiness, I’d call it.”

Jonas grinned. “I wish I’d been there to see it.”

Larissa frowned. “I don’t know why they don’t let children come. Not enough room, I guess. They should enlarge the Releasing Room.”

“We’ll have to suggest that to the committee. Maybe they’d study it,” Jonas said slyly, and Larissa chortled with laughter.

“Right!” she hooted, and Jonas helped her from the tub. (“The Giver”)

Пример 3.

<...> “I could see the beginning of something remarkable in your eyes. And your fingers were long and well-shaped –”

“And strong. My hands were strong,” Kira added with satisfaction. She had heard the story so often; each time of hearing, she looked down at her strong hands with pride. Her mother laughed. “So strong they gripped my own thumb fiercely and would not let go. Feeling that fierce tug on my thumb, I could not let them take you away. I simply told them no.”

“They were angry.”

“Yes. But I was firm.” <...>

“Say my father’s name to me,” Kira begged.

Her mother smiled in the firelight. “Christopher,” she said. “You know that.”

“I like to hear it, though. I like to hear you say it.”

“Do you want me to go on?”

Kira nodded. “You were firm. You insisted,” she reminded her mother.

“Still, they made me promise that you would not become a burden.”

“I haven’t, have I?”

“Of course not.” (“Gathering Blue”)

Пример 4.

“What about Matt? I suppose we should take him along.”

“Take me where?” Matt appeared in the doorway, damp-haired and barefoot with crumbs on his chin, jam on the edges of his mouth, and wearing a too-large woven shirt belonging to Thomas. “Shall we be having an adventure?” <...>

“Yes, we’ll have ourselves an adventure,” Kira told him. She laid the protective cover over the robe. “We thought we’d explore a bit. We’ve never been on the floor below this one.”

Matt eyes widened in delight at the idea of an exploration.

“I heard a noise last night,” Thomas explained. “Probably nothing, but we thought we’d go take a look.”

“Noise don’t never be nothing,” Matt pointed out. Quite rightly, Kira thought.

“Well, it’s probably nothing important,” Thomas amended.

“But maybe it be interesting!” Matt said eagerly. (“Gathering Blue”)

Пример 5.

He found a place to stand next to Mentor, hoping that perhaps Jean would join her father, though she was nowhere to be seen. Mentor glanced down and smiled at him. “Matty!” he said. “It’s a surprise to see you here. You’ve never been before.”

“No,” Matty said. “I have nothing to trade.”

The schoolteacher put his arm affectionately over Matty’s shoulders, and Matty noticed for the first time that the teacher had lost weight. “Ah,” Mentor said, “you’d be surprised. Everyone has something to trade.”

“Jean has her flowers,” Matty said, hoping to turn the conversation to Mentor’s daughter. “But she takes them to the market stall. She doesn’t need Trade Mart for that. And,” he added, “she already promised the puppy to me. She’d better not trade him away.”

Mentor laughed. “No, the puppy is yours, Matty. And the sooner the better. He’s full of mischief, and he chewed my shoes just this morning.”

For a moment everything seemed as it had always been. The man was warm and cheerful, the same loving teacher and father he had been for years. His arm over Matty’s shoulders was familiar. <...>

Matty watched him. He noticed suddenly that Mentor’s face looked slightly different, and he could not identify what the difference was. The evening light was dim.

More than that, the teacher, usually so calm, was now tense, alert, and appeared to be waiting for something. (“Messenger”)

Пример 6.

“He’ll need a name. I haven’t thought of the one yet.”

“His true name will come to you.”

“I hope I get my own soon,” Matty said.

“It will come when the time comes.”

Matty nodded and turned back to the dog. “First I thought of Survivor, because he was the only one of the puppies that did. But it’s too long. It doesn’t sound like the right one.”

Matty picked up the puppy and scratched its belly as it lay on his lap.

“So then...” Matty began to laugh. “Since he was the one that lived, I thought of Liver for a name.”

“Liver?” The blind man laughed as well.

“I know, I know. It was a stupid idea. Liver with onions.” Matty made a face. (“Messenger”)

Пример 7.

“What number was it?” the woman asked him, but he ignored the question. “Well,” she said, “I’ll check by name. You’re – Claire?”

As if they didn’t know. They had summoned her here by name. But she nodded.

She moved her finger down a page. “Yes. Here you are. Claire: Product number Thirty-six. Oh yes, I see the notations about the difficulties.”

She looked up. Claire touched her own belly, remembering.

The woman returned the paper to the pile and tapped the edges of the stack to make it tidy. “He’s fine,” she said.

The committee head glared at her.

“It.” She corrected herself. “I meant that it’s fine. The medical difficulties didn’t affect it.

“You’ll be fine too, Claire,” she added, affably.

“Where am I going?” Claire asked. Suddenly she was frightened. They hadn’t yet said she was being reassigned. Just decertified. So she would no longer be a Birthmother. That made sense. Her body had not performed that function well. But what if –? What if decertified people were simply released? The way failures often were?

But their reply was reassuring. “Fish Hatchery,” the committee head told her. “You’re being moved there. They need help; they’re short of workers. Your training will start in the morning. You’ll have to catchup. Luckily you have a quick mind.” (“Son”)

Пример 8.

*He closed his eyes and chewed. “Bitter,” he said, making a face.
She laughed.*

After a moment he opened his eyes and spat the chewed bark from his tongue. “I thought back to the day we danced,” he told her with a wry smile.

“I was thirteen,” she said. “You were the same. A long way back. Was the memory clear?”

He nodded. “You had pink flowers in your hair,” he said.

She nodded. “Beach roses. It was midsummer.”

“And bare feet.”

“Yours were bare too. It was a warm day.”

“Aye. The grass was warm and damp.”

“Dew,” he said. “It was early morning.” He looked at her for a moment. “Why were we dancing?” he asked, his brow furrowed.

“Mayhap you need to chew the bark again.” She chuckled. “To remember why.”

“You tell me,” he said. (“Son”)

Пример 9.

Herbalist lifted her arm gently and felt the thin, sagging skin. Carefully he examined the dark spots on the backs of her hands. “Do you still have teeth?” he asked.

“Some,” she said, and showed him.

“And your eyes? Ears?”

She could still see and hear.

“So,” Herbalist said with a smile, “you can’t dance or chew meat. But if you can hear the birds sing and watch the wind in the leaves, then you still have much pleasure left.

“Your time is limited now, though,” he told her, “so you should enjoy everything you can. That’s what I do. I think I must be as old as you. I have the same aches.” He wrapped the dried barks for her, and she placed them in her carrying basket.

“I’ll see you at the feast,” he said as she turned to go. “We can watch the dancing and remember our young years. There is pleasure in that.” (“Son”)

Пример 10.

Kira looked down at the dog, asleep now at her feet, and nudged him affectionately with the tip of her sandal. “Of course they did. Everybody loves Branch. But, Matt –”

“What?”

“Who are they? The people who have blue?”

He lifted his thin shoulders and wrinkled his forehead in an expression of ignorance.

“Dunno,” he said. “Them be all broken, them people. But there be plenty of food. And it’s quiet-like, and nice.”

“What do you mean, broken?”

He gestured toward her twisted leg. “Like you. Some don’t walk good. Some be broken in other ways. Not all. But lots. Do you think it makes them quiet and nice, to be broken?” Puzzled by his description, Kira didn’t answer. Pain makes you strong, her mother had told her. She had not said quiet, or nice.

“Anyways,” Matt went on, “them got blue, for certain sure.”

“For certain sure,” Kira repeated.

“I suppose you like me best now, aye?” He grinned at her, and she laughed and said she liked him best of all. <...>

“You like the blue?” he asked her.

“Matt,” she said passionately, “I love the blue. Thank you.” (“Gathering Blue”)

2) Негативная информация и ее негативная языковая репрезентация

Пример 1.

“I think new children are so cute,” Lily sighed. “I hope I get assigned to be a Birthmother.”

“Lily!” Mother spoke very sharply. “Don’t say that. There’s very little honor in that Assignment.”

“But I was talking to Natasha. You know the Ten who lives around the corner? She does some of her volunteer hours at the Birthing Center. And she told me that the Birthmothers get wonderful food, and they have very gentle exercise periods, and most of the time they just play games and amuse themselves while they’re waiting. I think I’d like that,” Lily said petulantly.

“Three years,” Mother told her firmly. “Three births, and that’s all. After that they are Laborers for the rest of their adult lives, until the day that they enter the House of the Old. Is that what you want, Lily? Three lazy years, and then hard physical labor until you are old?”

“Well, no, I guess not,” Lily acknowledged reluctantly. (“The Giver”)

Пример 2.

“You ruined it,” Asher said in an irritated voice.

“Don’t play it anymore,” Jonas pleaded.

“I’m the one who’s training for Assistant Recreation Director,” Asher pointed out angrily. “Games aren’t your area of expertness.”

“Expertise,” Jonas corrected him automatically.

“Whatever. You can’t say what we play, even if you are going to be a new Receiver.” Asher looked warily at him. “I apologize for not paying you the respect you deserve,” he mumbled.

“Asher,” Jonas said. He was trying to speak carefully, and with kindness, to say exactly what he wanted to say. “You had no way of knowing this. I didn’t know it myself until recently. But it’s a cruel game. In the past, there have –”

"I said I apologize, Jonas."

Jonas sighed. It was no use. Of course Asher couldn't understand. "I accept your apology, Asher," he said wearily. ("The Giver")

Пример 3.

"What do you mean, I mustn't go? I missed yesterday because of the rain. She's expecting me."

Matt looked solemn. "She not be expecting nobody. She be gone to the Field right when the sun be coming up. Draggers taken her. I seen it."

"To the Field? What are you talking about, Matt? She couldn't possibly walk to the Field from her cott! It's too far! She's too old! And she wouldn't want to anyway."

Matt rolled his eyes. "I didn't say she be wanting to! I said they taken her! She be dead!"

"Dead? Annabella? How can that be?" Kira was stunned. She had seen the old woman two days before. They had sipped tea together.

Matt took her question seriously. "It be like this," he replied. He flung himself to the ground, lay on his back with both arms outstretched, opened his eyes wide, and stared blankly upward. Branch, curious, nosed at his neck, but Matt held the pose.

Kira stared in dismay at his grotesque but accurate imitation of death. "Don't, Matt," she said at last. "Get up. Don't do that." ("Gathering Blue")

Пример 4.

Thomas knocked. The voices became quiet and finally the door opened slightly.

"Who you be?" the woman asked abruptly.

"We're friends of Matt's," Thomas told her. "Is he inside? Is he all right?"

"Who be it, Mum?" the child's voice called.

The woman peered at Thomas and Kira silently, not answering. Finally Thomas called to the child, "Is Matt at home?"

"What's he done now? What you be wanting him for?" the woman asked, her eyes glinting with mistrust.

"He runned off! And taken food too!" A tyke called to them; his head, thick with tousled, unkempt hair, appeared beside the woman. He pushed the door open wider.

Kira looked in dismay at the cott's dark interior. <...>

"Do you know where he went?" Kira asked, trying not to show how shocked she felt at the condition of these people.

The woman shook her head and coughed again. "Good rid to him," she said. She shoved the tyke to the side and pulled the heavy wooden door closed. ("Gathering Blue")

Пример 5.

"It's about my father," she said in a low voice.

"He's changing, isn't he?" Matty replied, startling himself, because he had not spelled it out in his mind before, had not said it aloud yet, yet here it was, and he was saying it to Jean. He felt an odd sense of relief.

Jean began to cry softly. "Yes," she said. "He has traded his deepest self."

“Traded?” That part took Matty by surprise because he had not thought it through to there. “Traded for what?” Matty asked in horror, and realized he was repeating the phrase from Trade Mart.

“For Stocktender’s widow,” she said, weeping. “He wanted her to love him, so he traded. He’s becoming taller and straighten The bald spot at the back of his head has grown over with hair, Matty. His birthmark has disappeared.”

Of course. That was it. “I saw it,” Matty told her, “but I didn’t understand.” He put his arm around the sobbing girl.

She caught her breath finally. “I didn’t know how lonely he was, Matty. If I had known...”

“So that’s why...” Matty was trying to sort through it in his head.

“The puppy. Once he would have loved a naughty puppy, Matty, the way he loved you when you were a raggedy boy. I knew it all for certain yesterday when he kicked the puppy. Till then I only suspected.” Jean wiped her eyes with the back of her hand and left another endearing streak of dirt.

“And the petition!” Matty added, thinking of it suddenly.

“Yes. Father always welcomed new ones. It was the most wonderful part of Father, how he cared for everyone and tried to help them learn. But now...” (“Messenger”)

Пример 6.

The blind man had cried out in anguish. “Both of them? Both of my children?”

Ordinarily Leader needed to rest after he looked beyond. But now he did not take the time. The blind man could hear him moving about the room, gathering things.

“Don’t let Village know I’m gone,” Leader told him.

“Gone? Where are you going?” The blind man was still reeling with the news of what was happening in Forest.

“To save them, of course. But I don’t trust the wall builders. If they realize I’m not here to remind everyone of the proclamation, I think they’ll start early. I don’t want to get back here and not be able to reenter.”

“Can you slip past them?”

“Yes, I know a back way. And they’re all so absorbed in their work that they won’t be looking for me. I’m the last person they want to see, anyway. They know how I feel about the wall.”

The blind man was encouraged out of his despair by the optimism in Leader’s voice. To save them, of course. He had said that. Maybe it could be true.

“Do you have food? A warm jacket? Weapons? Maybe you’ll need weapons. I hate the thought of it.”

But Leader said no. “Our gifts are our weaponry,” he said. Then he hurried down the stairs. (“Messenger”)

Пример 7.

But she was apprehensive about her own future. Although her memory was hazy, she knew that something had gone wrong at her own Production. It was clear that no one else

had ended up with a wound. She had tried, somewhat shyly, to ask the others, those who had produced more than once. But they seemed shocked and confused by her questions. "Is your belly still sore?" Claire whispered to Miriam, who had been in the recuperation place with her.

"Sore? No," Miriam had replied. They were sitting beside each other at breakfast.

"Mine is, just where the scar is. When I press on it," Claire explained, touching her hand gently to the place.

"Scar?" Miriam made a face. "I don't have a scar." She turned away and joined another conversation.

Claire tried again, carefully asking a few other Vessels. But no one had a scar. No one had a wound. After a while, her own ache subsided, and she tried to ignore the uneasy awareness that something had gone very wrong. ("Son")

Пример 8.

She must not wed, they said firmly, until the sea gave her back what it had stolen, until she knew what her life had once been.

Tall Andras, frowning with disappointment, asked brusquely, "What if it never do?"

"It will," Old Benedikt replied.

"Bits and pieces, they'll come," Alys said, "over time."

Tall Andras glowered. He had a fierce want for the girl. "The sea pukes up dead fish," he said. "It won't give her back anything. What the sea coughs up smells of rot."

"You smell of sweat yourself, Andras," Alys told him, laughing at his misery, "and should bathe if you want the girl to come close. Wash your hair and chew some mint. Maybe then she'll give you a smile some morning."

Tall Andras stalked away, but she could see that he was headed to the freshwater pond beyond the thick trees at the edge of the village. Old Benedikt, watching, shook his head and smiled. "I told him she'll come back to herself, but truly I don't know," he told Alys.

"It's as if the sea sucked away her past and left her empty. What does she say to you?"

"She remembers only waking in my hut. Nothing before. Not even being in the sea." ("Son")

Пример 9.

Jonas leaned forward, his elbows on his knees, and put his face into his hands. "Trademaster," he said. "I thought he was gone. We banished him from the village a long time ago. I was Leader then."

"Who is he?" Claire asked.

He didn't respond. He stayed silent, looking now into a distant place, a place that Claire couldn't see.

"I should have known," he said, after a moment. "I felt something out there, something related to Gabe, but I didn't realize what it was. I think I was feeling your presence," he mused, "and that was puzzling, but benign. But there is something else. Something malignant. It must be him."

"Who is he?" Claire asked again.

“He is Evil. I don’t know how else to describe it. He is Evil, and like all evil, he has enormous power. He tempts. He taunts. And he takes. (“Son”)

Пример 10.

“Kira?” His voice was hoarse from thirst, but she heard him and stirred. She opened her eyes.

“I can’t see very well,” she whispered. “Everything is blurred.”

“Can you sit up?” he asked.

She tried, and groaned. “I’m so weak,” she said. “Wait.” She took a deep breath and then painfully pushed herself into a sitting position.

“What’s that on your face?” she asked him. He touched his upper lip where she pointed, and brought his hand away smeared with bright blood. “My nose is bleeding,” he said, puzzled.

She handed him the cloth she had worn around her face the day before, and he held it against his nose to try to stem the flow of blood. “Do you think you can walk?” he asked her after a moment.

But she shook her head. “I’m sorry. I’m so sorry, Matty.” (“Messenger”)

3) Позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация

Пример 1.

Jonas looked up.

“I have caused you anxiety,” she said. “I apologize to my community.” Her voice flowed over the assembled crowd.

“We accept your apology,” they all uttered together.

“Jonas,” she said, looking down at him, “I apologize to you in particular. I caused you anguish.”

“I accept your apology,” Jonas replied shakily. (“The Giver”)

Пример 2.

“I can’t wait for tomorrow to come,” she said happily.

Jonas sighed uneasily. “I can,” he muttered.

“You’ve been greatly honored,” his mother said. “Your father and I are very proud.”

“It’s the most important job in the community,” Father said.

“But just the other night, you said that the job of making Assignments was the most important!”

Mother nodded. “This is different. It’s not a job, really. I never thought, never expected –” She paused. “There’s only one Receiver.”

“But the Chief Elder said that they had made a selection before, and that it failed. What was she talking about?”

Both of his parents hesitated. Finally, his father described the previous selection. "It was very much as it was today, Jonas – the same suspense, as one Eleven had been passed over when the Assignments were given. Then the announcement, when they singled out the one –"

Jonas interrupted. "What was his name?"

His mother replied, "Her, not his. It was a female. But we are never to speak the name, or to use it again for a new child."

Jonas was shocked. A name designated Not-to-Be-Spoken indicated the highest degree of disgrace.

"What happened to her?" he asked nervously.

But his parents looked blank. "We don't know," his father said uncomfortably. "We never saw her again."

A silence fell over the room. They looked at each other. Finally, his mother, rising from the table, said, "You've been greatly honored, Jonas. Greatly honored." ("The Giver")

Пример 3.

"You have a fear look to you," the dyer observed.

"A beast followed me on the path," Kira explained, trying to breathe normally. The panic was beginning to subside but she still felt tense. "I could hear it in the bushes. I could hear its steps, and sometimes it growled."

To her surprise, Annabella chuckled. The old woman had always been kind to her and patient. Why would she laugh at her fear?

"I can't run," Kira explained, "because of my leg."

"No need of running," Annabella said. <...>

"Come inside," the old woman said. "I'll give you tea for calming." From a nearby, smaller fire, she lifted a kettle from its hook and carried it into the cott. <...>

"I was so frightened on my way here," she confessed. "Truly, Annabella, I can't run at all. My leg's a useless thing." She looked down at it, ashamed.

The old woman shrugged. "It brung you here," she said.

"Yes, and I'm grateful for that. But I move so slowly." Kira stroked the rough side of the earthen mug, thinking. "When Matt and Branch come with me, nothing stalks me. Maybe Matt would let me bring Branch each day. Even a little dog might scare the beasts back."

Annabella laughed. "There be no beasts," she said. <...>

"I heard it growl," Kira said in a low voice.

"Name the threads," Annabella commanded.

"It growled," Kira said once more.

"There be no beasts," the dyer repeated firmly. <...>

"Annabella," she said finally, "it growled. It did."

"Then it be human, playing at beast," Annabella told her in a firm and certain voice.

"Meaning to keep you scairt of the woods. There be no beasts." ("Gathering Blue")

Пример 4.

The tyke grabbed it and thrust it into his pocket. It seemed to be a satisfactory payment. "Our mum, she thrashed Matt so hard he was horrid bloody, and so him and Branchie, they goed on a journey and they not be coming back, not to the Fen," the tyke announced. "Matt, he got friends who be taking good care of him, not thrashing him never! And they give him food, too."

Thomas laughed a little. "And they make him take baths," he added, though the tyke just stared, not understanding the word.

"But he meant us!" Kira pointed out. "We're the friends he meant!" She was concerned. "If he tried to come to us, where is he? It was two days ago that he left here, and no one's seen him since. He knew the way to –"

Matt's brother interrupted her. "Him and Branchie, they goed someplace else first. He be getting a giftie for his friends. That be you, miss? And you?" He looked at Thomas. They nodded.

"Matt, he say that a giftie makes a person like you best of all."

Kira sighed in exasperation. "No, that's not the way it is. A gift –" She gave up. "Never mind. Tell us where he went."

"He be getting you some blue!"

"Blue? What do you mean?"

"Dunno, miss. But Matt, he said it. He be saying they got blue yonder, and he be getting you some." ("Gathering Blue")

Пример 5.

"Kira, your leg will take a great deal out of me. I'll have to sleep, after, maybe for a whole day or even longer. And I don't have much time."

She looked at him quizzically. "Time for what?"

"I'll explain. But for now, I think we should start. If I do it right away, I can sleep completely through the night and almost all of the morning. You can use that time to become accustomed to being whole..."

"I am whole," she said defiantly.

"I meant to having two strong legs. You'll be amazed at how it feels, at how much more easily you can move around. But it will take a little while to adjust to it."

She stared at him. She looked down at her twisted leg. <...>

"Kira?"

She looked over at him. She frowned slightly. Then she said no.

There was no arguing with her, none at all. After a while Matty gave up the attempt. <...>

"I will go with you," she said quite suddenly in her soft voice. "But I will go as I am. With my leg. With my stick." ("Messenger")

Пример 6.

But there had always been a gentle side to Matty, even when he had disguised it. He had loved his dog, a mongrel he had found injured and had nursed back to health. And he had

come, eventually, to love the crippled girl called Kira, who had never known her father, and whose mother had died suddenly and left her alone.

“Mascot,” Kira had called him, laughing. “Sidekick.” She had made him wash, taught him manners, and told him stories.

“I be the Fiercest of the Fierce!” he had bragged to her once.

“You are the dirtiest of the dirty faces,” she had said, laughing, in reply, and given him the first bath he ever had. He had struggled and protested, but in truth had loved the feel of warm water. He had never learned to love soap, though Kira gave him some for his own. But he felt the years of grime slip from him and knew that he could turn into someone cleaner, better. (“Messenger”)

Пример 7.

Then the occasion came.

“I just realized that the biology teacher never returned the posters I let him use,” Dimitri said irritably at lunch. “And I’ll need them tomorrow morning.”

“I’ll go get them,” Claire offered.

“Thanks.” The lab director nodded in her direction. “That’s a help. There will be a group of volunteers starting indoctrination, and the visual aids make things easier.” <...>

“Notify the school. They’ll have a student bring them.” One of the technicians had finished eating and was tidying his tray. “And they’ll chastise the teacher,” he added, with a malicious chuckle, as he stood.

“No need,” Claire said. “I have another errand over that way. It’ll be easy for me to stop by the school.” That wasn’t really a lie, she told herself. Lying was against the rules. They all knew that, abided by it. And she hadn’t made it up, the other errand she had mentioned. She only hoped no one would ask her what it was. But their attention was elsewhere now. They were crumpling their napkins, looking at their watches, preparing to return to work.

It was her chance to look for Sophia. (“Son”)

Пример 8.

“Something’s come back, then,” Alys said. “Something cruel.”

Claire nodded. She took a few shuddering breaths and sipped the soothing drink.

“It helps to say it,” Alys suggested.

Claire looked up at her. “I can’t,” she said. “It was so close! It was there, so close! And I can feel it, still, but I can’t grasp what it is.”

“What brung it? Where be you, when it come so close?”

“Over on the hillside, with Andras. I was helping him build a stick figure to frighten the crows away.”

“A mommet.”

“Yes. That’s what he called it.”

“Tall Andras is a good lad. Surely it was nothing he done?”

Claire hesitated. “I don’t think so. I can’t remember, exactly. We were laughing, and then – well, everything changed. I can’t think why.”

“Something brung it. Want I should ask Andras?”

Claire closed her hands around the mug and breathed the tea’s steam. “I don’t know.” She whispered, after a moment, “I feel so sad.”

Alys watched her, and knew that the herbs in the mug would soothe the panic that had afflicted her, that soon she would calm and likely sleep for a bit. But they would not heal her. It would be hard to heal a girl as desperately wounded as this one. (“Son”)

Пример 9.

“You must pay more attention in school, Gabe,” Matty had told him. Gabe had been required to stay late after classes that day, for extra help. Now they were sitting together on the outcropping of rock at the edge of the river.

“I don’t like school,” Gabe had replied, feeling the fishing line between his fingers.

“I didn’t either. And I was willful and full of mischief, same as you. But Seer made me work at it because he cared about me so much.”

Gabe shrugged. “Nobody cares about me.”

“Leader does. I do.”

“I guess,” Gabe acknowledged.

“He’s the one who brought you here. He had a hard time of it too.”

Gabe rolled his eyes. “Did you hear that at the museum as part of the tour? I wish they’d stop telling that stupid story. And give me another worm, would you? Mine wiggled off the hook.”

Patently Matty had helped him to rebait his hook. “You need knowledge,” he said.

“That’s how Jonas got to be Leader, by studying.”

“I don’t want to be Leader.”

“Neither do I. But I want to know stuff. Don’t you?”

Gabe sighed. “Some stuff, maybe. Not math. Not grammar.”

Matty had laughed. Then he had turned serious again for a moment. “And Gabe?”

“What?”

“You’re going to find that you have a gift of some kind. Some of us do, and you’re going to be one. I can tell.”

Gabe busied himself with the worm and the hook. For some reason the conversation had begun to make him self-conscious. (“Son”)

Пример 10.

“Hey, Gabe?” Simon saw the coiled rope beside his little shed. Gabe had tied stacks of boards together in order to drag them into place. He planned to return the rope soon.

“What?”

“How about if you tie one end of this rope to the boat, and we’ll hold the other end when you push off? Then if you have any kind of trouble, we can haul you back in!”

Gabe scowled at Simon. “Like a baby with a toy boat in the pond?”

“No, I meant—”

“Forget it, Simon. Leave the rope where it is. I borrowed it from Jonas. He wants it back.

“Anybody who wants to help? Give me a hand pushing it into the water. ”Several of the boys came eagerly to the bank where the boat was wedged in the slick mud.

“But listen, Gabe!” Nathaniel sounded worried. “Maybe you should at least take the rope with you in the boat. Because when you want to come ashore, you’ll need to grab something. Maybe you could make a noose in the rope and throw it over a tree stump or a bush.”

“Yeah, he’s right, Gabe!” someone else said.

Gabe stood beside his boat, furious. They were ruining everything, crowding around, criticizing, predicting disaster. (“Son”)

4) Негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация

Пример 1.

“Father? Mother?” Jonas asked tentatively after the evening meal. “I have a question I want to ask you.”

“What is it, Jonas?” his father asked.

He made himself say the words, though he felt flushed with embarrassment. He had rehearsed them in his mind all the way home from the Annex.

“Do you love me?”

There was an awkward silence for a moment. Then Father gave a little chuckle. “Jonas. You, of all people. Precision of language, please!”

“What do you mean?” Jonas asked. Amusement was not at all what he had anticipated.

“Your father means that you used a very generalized word, so meaningless that it’s become almost obsolete,” his mother explained carefully.

Jonas stared at them. Meaningless? He had never before felt anything as meaningful as the memory.

“And of course our community can’t function smoothly if people don’t use precise language. You could ask, Do you enjoy me? The answer is Yes,” his mother said.

“Or,” his father suggested, “Do you take pride in my accomplishments? And the answer is wholeheartedly Yes.”

“Do you understand why it’s inappropriate to use a word like love?” Mother asked.

Jonas nodded. “Yes, thank you, I do,” he replied slowly. (“The Giver”)

Пример 2.

“Oh.” Jonas was silent for a minute. “Oh, I see what you mean. It wouldn’t matter for a new child’s toy. But later it does matter, doesn’t it? We don’t dare to let people make choices of their own.”

“Not safe?” The Giver suggested.

“Definitely not safe,” Jonas said with certainty. “What if they were allowed to choose their own mate? And chose wrong? Or what if,” he went on, almost laughing at the absurdity, “they chose their own jobs?”

“Frightening, isn’t it?” The Giver said.

Jonas chuckled. *“Very frightening. I can’t even imagine it. We really have to protect people from wrong choices.”*

“It’s safer.”

“Yes,” Jonas agreed. “Much safer.” (“The Giver”)

Пример 3.

“So you be back from the Field,” he said. “What’s it like there? Scared, was you? Did creatures come in the night?”

Kira shook her head and smiled at him. Younger, one-syllable tykes were not allowed in the Field, so it was natural that Matt would be curious and a little in awe. “No creatures,” she reassured him. “I had fire, and it kept them away.”

“So Katrina be gone now from her body?” he asked in his dialect. People from the Fen were oddly different. Always identifiable by their strange speech and crude manners, they were looked down upon by most people. But not by Kira. She was very fond of Matt. She nodded. “My mother’s spirit has gone,” she acknowledged. “I watched it leave her body. It was like mist. It drifted away.”

Matt came over to her, still carrying an armful of twigs. He squinted at her ruefully and wrinkled his nose. “Your cott is horrid burnt,” he told her.

Kira nodded. She knew that her home had been destroyed, though secretly she had hoped she was mistaken. “Yes,” she sighed. “And everything in it? My frame? Did they burn my threading frame?”

Matt frowned. (“Gathering Blue”)

Пример 4.

Now she felt embarrassed, having to tell him. “It’s twisted. I was born that way. They wanted to take me to the Field but my mother said no.”

“She defied them? Katrina?” His face lit and he smiled. “And she won!”

“Her father was still alive, and he was a person of great importance, she told me. And so they let her keep me. They probably thought I would die anyway.”

“But you were strong.”

“Yes. Mother said pain made me strong.” Telling him, she was no longer embarrassed, but proud, and she wanted him to be proud, too.

He reached out, and she took his hand.

She wanted him to go on. She needed to know what had happened. She waited.

“I don’t know for certain who it was,” he explained when he continued. “I can guess, of course. I knew he was bitterly envious. Apparently he approached silently behind me, and as I waited there, watching for the deer I’d been stalking, he attacked me; first with a club to my head, so that I was stunned and dazed, and then with his knife. He left me for dead.”

“But you lived. You were strong.” Kira squeezed his hand.

“I woke in the Field. I suppose draggers had taken me there and left me, as they do. You’ve been to the Field?”

Kira nodded, then remembered his blindness again, and said it aloud. "Yes." She would have to tell him when and why. But not yet. ("Gathering Blue")

Пример 5.

Finally the blind man spoke. "I want you to go to your old village, Matty. Leader will be sending you anyway, with the message. He'll no doubt send you to several places. But, Matty, I want you to go to your old village first. Leader will understand."

"But I don't."

"My daughter. She said some day she would come here to live, when the time was right. You know her, Matty. You know she had things to accomplish there first."

"Yes. And she has, Seer. I could tell when I was last there. Things have changed. People take good care of their children now. And..."

He hesitated, unable to speak for a moment, because the memory of his own abuse had returned. Then he added simply, "Kira made things change. Things are better now."

"There are only three weeks left, Matty. After the border closes it will be too late. She won't be allowed to come. You must bring her here before that happens. If you don't, Matty, I will never see her again."

"It always seems strange to me when you say see."

The blind man smiled. "I see in my heart, Matty."

Matty nodded. "I know you do. I'll bring her to you. I'll leave here tomorrow."
("Messenger")

Пример 6.

"I miss my dog. He wasn't any trouble." Matty glanced over to the corner of their home place's plot of land, beyond the garden, to the small grave where they had buried Branch two years before.

"You're right, Matty. Your little dog was a good companion for many years. It would be fun to have a puppy around." The blind man's voice was gentle.

"I could train a dog to lead you."

"I don't need leading. Could you train a dog to cook?"

"Anything but beets," Matty said, making a face as he threw another into the basket.
("Messenger")

Пример 7.

Claire noticed, then, that each small crib here was also tagged with a gender symbol. She made her way past the little beds, glancing in at the infants, some sucking serenely on their milk, others gulping lustily. Suddenly one in a crib marked male let out a shriek, then switched to a loud wail.

"I don't need to ask who that is!" the man said, continuing to pat and stroke the back of the infant he held. "I recognize his voice!"

Claire looked at the number on the crib that contained the howling new child. "It's Thirty-six," she told him.

“Of course it’s Thirty-six!” the man replied, laughing. “It’s always Thirty-six! Pick him up, would you? See if you can get him to stop screeching.”

Claire took a deep breath. She had never held an infant before. The man, watching her, sensed that. “He won’t break. They’re quite tough, actually. Just be sure to support his head.”

She leaned down. Her hands seemed to know what to do. They slid easily under him, and found the way to hold his neck and head. Gently Claire picked up her son. (“Son”)

Пример 8.

“Did it grow in your belly, like my mum’s?” Bethan asked.

Claire nodded, resigned to their knowing. She added a bent stick to the pile.

“Were it a boy?” Delwyth’s eyes were wide.

Claire nodded again. “Yes,” she said. “A male.” She startled herself. Why had she called it that? Everyone knew a baby was either a girl, like Bethan’s new sister, or a wee boy. Why had she said that odd word, male, as if she had given birth to a creature of woods or fields?

“Where did it go, then, your male?” Solemn little Eira looked worried. “Who took it?” Claire smiled to reassure the child. “Someone else needed it,” she explained. “Just as your mum needs these pieces of wood! Let’s drag that big one over here and see if we’re strong enough to break it, shall we?”

“I’m strong!”

“Look at me, how strong I am!”

“As strong as a boy! As a male!” (“Son”)

Пример 9.

He had asked Jonas again and again. It was Jonas who had brought him here years before, when Gabe was just an infant. “Why did my parents let you take me?” he had asked.

“You didn’t have parents,” Jonas had explained.

“Everybody has parents!”

“Not in the place where we lived. Things were different there.”

“How about you? Did you have parents?”

“I had people I called Mother and Father. I’d been assigned to them.”

“Well, what about me?”

“You hadn’t been assigned yet. You were a bit of a problem.”

Gabe had grinned at that. He liked the idea of being troublesome. It seemed to give him a certain superiority.

“I had to have parents, though. People don’t just get born from nothing.”

“You know what, Gabe? I was just a boy then. Babies appeared from the infant-care building and were given to parents. I accepted it. I never knew anything else. I never asked where the babies had come from.”

Gabe had hooted with laughter. “Hah! Where do babies come from? Every kid asks that!” (“Son”)

Пример 10.

“Do I have to report it?” he asked his mother.

She laughed. “You did, in the dream-telling. That’s enough.”

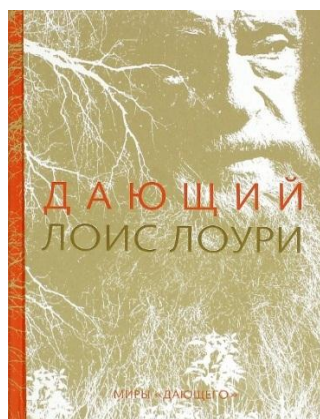
“But what about the treatment? The Speaker says that treatment must take place.” Jonas felt miserable. Just when the Ceremony was about to happen, his Ceremony of Twelve, would he have to go away someplace for treatment? Just because of a stupid dream?

But his mother laughed again in a reassuring, affectionate way. “No, no,” she said.

*“It’s just the pills. You’re ready for the pills, that’s all. That’s the treatment for Stirrings.” Jonas brightened. (**“The Giver”**)*

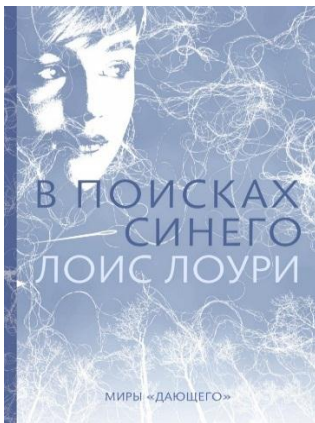
ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Краткое содержание романов цикла «Дающий. Квадрология» Лойс Лоури

«Дающий» / «The Giver» (1993) – первый роман квадрологии, повествующий о подростке Джонасе (Jonas), живущем в некой общине (Community) без названия, в которой все управляется старейшинами (Elders) и подчинено идее одинаковости (Sameness). С одной стороны, в общине все жители равны: они живут в одинаковых жилищах (Dwellings), носят одинаковую одежду и прически, согласно возрасту, ездят на одинаковых велосипедах и даже едят одинаковую еду, которая им доставляется в жилища. Более того, одинаков и весь мир вокруг них вплоть до рельефа (он везде плоский), климата (он никогда не меняется) и цвета (все вокруг серое). С другой стороны, жителям нельзя испытывать чувства и эмоции: они подавляются специальными таблетками, которые каждый член общины обязан принимать с момента достижения подросткового возраста. Им также недоступны воспоминания: все живут в настоящем, не зная прошлого и не задумываясь о будущем. Старейшины выбирают жителям общины партнеров (Spouses), детей (которых вынашивают суррогатные матери) и профессию. На церемонии 12-летия (the Ceremony of Twelve) каждый подросток получает свое назначение (Assignment), ни выбрать, ни изменить которое он не может. На церемонии своего 12-летия Джонасу выпадает честь стать следующим Получающим воспоминания (Receiver of Memories) – это крайне редкое (таких в общине всего двое) и важное назначение: только принимающим воспоминания разрешено читать книги, получать и хранить знания о прошлом, испытывать чувства и эмоции. Это нужно для того, чтобы в случае острой необходимости старейшины могли обратиться к принимающему воспоминания за советом для решения таких проблем, с которыми ранее они не сталкивались. Предыдущий Получающий воспоминания, которому поручено обучать Джонаса, становится Дающим (Giver). В процессе обучения

Джонасу открываются истины, о которых он ранее не подозревал: от цветов, времен года и различных животных до разнообразных чувств, эмоций и событий (сильное впечатление на Джонаса производит воспоминание о войне). Все это настолько влияет на мировоззрение Джонаса, что он начинает подвергать сомнению решение старейшин скрывать знания от остальных жителей общины. Кроме того, он узнает, что процедура удаления (Release) из общины пожилых жителей, правонарушителей, а также тех, кто просто внешне отличается от остальных – это убийство путем смертельной инъекции, которое также осуществляется по решению старейшин. Когда герой выясняет, что полуторагодовалого мальчика Габриэля (Gabriel / Gabe), о котором заботится его отец, работающий воспитателем (Nurturer), и к которому он сильно привязывается, собираются удалить из общины из-за того, что он плохо спит и недостаточно быстро развивается, Джонас незамедлительно решает сбежать в Дальние дали (Elsewhere) и забирает Гейба с собой, чтобы спасти его. В результате побега Джонас и Гейб оказываются на грани жизни и смерти. Конец романа открытый: читатель до конца не понимает, смогли ли герои добраться до желаемого места, которое Джонас видел в своих воспоминаниях, передаваемых Дающим.

«**В поисках синего**» / «**Gathering Blue**» (2000) повествует о девушке Кире (Kira), калеке, только что потерявшей мать. Кира примерно того же возраста, что Джонас, но она живет в другой общине, поэтому герои не подозревают о существовании друг друга. Кира – сирота, ее отец погиб во время охоты на зверя (Beast) до ее рождения. Единственный друг Киры – мальчик Мэтт (Matt) с собакой по кличке Бранч (Branch). О Мэтте никто не заботится, и он вынужден выживать, рассчитывая только на себя, вследствие чего Мэтт растет быстрым, ловким, хитрым, смышленным и внимательным. В Кире он видит свою старшую сестру, так как она всегда добра к нему, а в их общине доброта – это редкость. После смерти матери Кира остается без крова, так как жестокие жители деревни сжигают ее хижину и решают устроить на этом месте загон для детей, чтобы те не разбежались и не

отвлекали их от работы. Поскольку Кира – калека (она родилась с атрофированной ногой и может передвигаться только с помощью костылей), в деревне к ней относятся с пренебрежением. Обычно калек после рождения оставляют в поле упокоения (Field of Leaving) на съедение зверям, так как считают их обузой для общества. Но Киру отстояла ее мать, которую в деревне уважали, поскольку она владела редким умением вышивать. Узнав, что Кира не только унаследовала талант своей покойной матери, но и превзошла его, старейшины деревни поселяют ее в здании совета (Council Edifice) и назначают Вышивальщицей (Threader). Теперь ее задача – чинить мантию Сказителя (Singer), на которой вышита история мира от сотворения до настоящих дней. Живя в здании совета, Кира знакомится с Томасом (Thomas), также обладающим редким даром, его назначение – Резчик по дереву (Carver). Томас обязан заботиться о музыкальном инструменте Сказителя, с помощью которого тот ежегодно перед жителями деревни исполняет Песнь о разрушении (Ruin Song). Также Кира и Томас случайно находят маленькую девочку Джо (Jo), которую старейшины готовят на место будущего Сказителя. Кира узнает, что Сказитель, Томас, Джо и она сама – лишь пленники в руках старейшин, которые используют ритуал ежегодного исполнения Песни о разрушении (она описывает историю человечества от начала до сего дня и далее), чтобы давать жителям деревни ограниченное представление об окружающем мире и управлять их видением будущего. Задача Киры – не просто чинить и хранить мантию Сказителя, но и вышивать на ней будущее, но не фактическое, а лишь то, которое старейшины считают верным. Таким образом, люди лишены возможности принимать независимые решения, совершать поступки и строить свою судьбу самостоятельно. Чтобы вышивать будущее, Кире нужно самой добывать краски для нитей. Мэтт решает ей помочь и тайно покидает деревню в поисках недостающей синей краски. Пройдя через густой лес, окружающий деревню, он случайно находит другую общину, где знакомится со слепым стариком Кристофером (Christopher), который оказывается отцом Киры. Мэтт приводит его к Кире, а также приносит из его деревни синий цвет. Кристофер рассказывает дочери, что во время охоты на него напал не зверь, а один из старейшин, так как

именно Кристофер должен был занять это место, но его избили, ослепили и оставили умирать. Кристофера спасли случайные люди и отвели в другую деревню, выходили. Ослепнув, он не смог самостоятельно вернуться к Кире. Мэтт предлагает всем вместе сбежать в деревню Кристофера: там люди добрее, еды больше, дома лучше, есть хороший молодой лидер (Leader) по имени Джонас. После долгого раздумья Кира остается в своей деревне, она верит, что с помощью своего таланта и знаний, а также синего цвета, который у нее теперь есть, она сможет изменить жизнь жителей общины к лучшему. Кристофер возвращается в свою деревню, а Мэтт становится Вестником (Messenger), путешествующим между двумя деревнями через густой лес.

«Вестник» / «Messenger» (2004) – третий роман квадрологии, центральным персонажем которого становится подросток Мэтти (чем старше персонаж, тем длиннее его имя). Мэтти живет с Кристофером, который заменяет ему отца, в деревне (Village), окруженной темным лесом (Forest). Он учится, становится сильнее, умнее, посещает соседние деревни и общины с различными поручениями, за что получает свое назначение – вестник. Кристофер также имеет назначение, он – Провидец (Seer), так как, несмотря на свою слепоту, чутко чувствует людей, их мысли, эмоции и намерения. Лидер деревни – Джонас. С момента его побега с Габриэлем из общины прошло около семи лет. Они смогли выжить и добраться до деревни, где их приютили и которую Джонас впоследствии возглавил. В деревне все живут счастливо, никто никого не обижает, жители равноправны, это идиллическое место, в котором любой нуждающийся может найти кров, друзей и смысл жизни. Двери деревни открыты для всех, любой человек, не нашедший себе места в своей собственной общине, может прийти сюда жить. Каждый пришедший имеет свою тяжелую историю, и Мэтти начинает осознавать, сколько в мире зла, горя и боли, сколько сломанных судеб и раненых душ. Все меняется, когда в деревне появляется таинственный Торговец (Trademaster). Он продает людям желания, но забирает их человеческие качества: доброту, искренность, мужество и т.п. Жизнь в общине

начинает ухудшаться: среди жителей возникают ссоры, количество рыбы в реке сокращается, дома приходят в упадок, урожай скудеет, лес вокруг деревни становится гуще и более зловещим. Однажды жители деревни, озлобившись друг на друга и на приходящих людей, решают закрыть ее и не принимать страждущих из других общин. Джонас видит в этом дурной знак. Он делится своими мыслями с Мэтти, который, посоветовавшись с Кристофером, вновь пересекает лес, чтобы добраться до Киры и уговорить ее вернуться к нему и Кристоферу прежде, чем их общину окончательно закроют от посторонних. Кира соглашается пойти с Мэтти. Однако с лесом происходят странные вещи, словно живой, он начинает гнить изнутри, становится непроходимым и пытается уничтожить Киру и Мэтти, мешая им добраться домой. Изможденные и истерзанные переходом через лес, Кира с Мэтти готовы умереть, в этот момент Мэтти чувствует Джонаса, способного «видеть за пределами доступного» (See Beyond) обращающегося к нему с просьбой использовать свою силу. Мэтти ценой собственной жизни отдает всю свою энергию земле в попытках исцелить ее, остановить гниение леса и разложение общества. В результате жертвы Мэтти лес преобразуется, Кира исцеляется от ран, их находит Джонас и помогает добраться до деревни. Мэтти погибает, но спасает лес и деревню. Самопожертвование Мэтти сплачивает жителей деревни, они отрекаются от плохих мыслей и поступков, изгоняют Торговца и снова открывают деревню для всех желающих. Джонас дает Мэтти посмертно новое назначение – Целитель (Healer).

«Сын» / «Son» (2012) – завершающий роман цикла, в котором переплетены судьбы всех героев, сюжетные линии доведены до логического завершения. Композиционно роман разделен на 3 части: «До» (Before), «Между» (Between) и «За пределами» (Beyond).

Действие в части «До» разворачивается незадолго до событий, описанных в первом романе, и повествует о девушке Клэр (Claire), живущей в той же общине, что и Джонас. На церемонии 12-летия Клэр получает назначение – Роженица (Birthmother). Это важное для жизни общины, но

непочетное назначение. Роженицам при помощи процедуры искусственного оплодотворения полагается трижды выносить и родить ребенка. В течение этого времени о них заботятся, но после переводят, как правило, на тяжелый ручной труд. Роженицы становятся работницами (Laborer), им не разрешается создавать собственную семейную ячейку (Family Unit) и подавать заявление, чтобы завести ребенка (Apply for a Child). Своих биологических детей они не выкармливают и не воспитывают: новорожденных забирают сразу после родов, до одного года за ними ухаживают воспитатели (например, отец Джонаса), а затем определяют в другие семейные ячейки. Клэр впервые (и единожды) рождает в 14 лет, во время родов что-то идет не так, она и ребенок выживают, но больше быть Роженицей ей не разрешают и переводят работать на рыбоводный завод (Fish Hatchery). В спешке ей забывают выдать таблетки, подавляющие чувства (которые роженицам не положены во время вынашивания), и у нее начинает все более отчетливо проявляться материнский инстинкт: она скучает по своему новорожденному ребенку, ищет способы его увидеть, пытается хоть что-то о нем выяснить, хотя и понимает, что это строго запрещено. Клэр приглядывает за младенцами в качестве волонтера, где и узнает, что Габриэль – ее биологический сын. За время волонтерской работы она привязывается к малышу, но понимает, что не может быть с ним вместе, из-за чего сильно страдает. Гэйб тоже чувствует родную маму и ведет себя спокойно, когда она рядом, а в остальное время капризничает (успокоить его удастся только Джонасу, поэтому они также привязываются друг к другу). Позднее Клэр узнает, что Гэйба планируют удалить из общины (т.е. убить), в ужасе она решает выкрасть ребенка, но не успевает: его забирает Джонас и сбегает с ним в Дальние дали. Клэр тайно пробирается на корабль для снабжения, чтобы следовать за Джонасом и Гэйбом, корабль попадает в шторм и идет ко дну.

В части «Между» выясняется, что Клэр выжила после кораблекрушения, но потеряла память. Ее находят жители одной из отдаленных деревень, выхаживают и дают приют. Из этой деревни, окруженной горами, нет выхода, единственный способ ее покинуть – это вскарабкаться по отвесной скале, что практически невозможно. Много лет назад один из жителей Бесстрашный Эйнар (Fierce Einar)

попытался взобраться на скалу, но сорвался с самой вершины и упал, едва не погибнув. Эйнар стал калекой и получил новое имя – Хромой Эйнар (Lame Einar). К Клэр постепенно возвращается память, и она решает покинуть деревню, чтобы продолжить поиски сына, но понимает, что не готова к подъему. Эйнар, с которым они сдружились, помогает девушке подготовиться, объясняет, что ее ждет в пути, и продумывает наиболее безопасный маршрут. Однажды он рассказывает Клэр, что сорвался со скалы не случайно: добравшись до вершины, он встретил Торговца, который предложил ему сделку, Эйнар от нее отказался, и Торговец толкнул его вниз. Эйнар предупреждает Клэр, чтобы она была осторожна, когда встретит Торговца, так как сделка будет нечестной, но без этого Торговец не пропустит ее дальше. После невероятно трудного восхождения Клэр оказывается на вершине скалы и действительно встречает Торговца. Он соглашается ей помочь найти сына Габриэля в обмен на ее молодость. Клэр принимает условия сделки и превращается в дряхлую старуху.

В заключительной части «За пределами» события вновь переносятся в деревню Джонаса, которая возродилась после гибели Мэтти. Джонас женится на Кире. Гэйб по мере взросления все больше задумывается о прошлом и о семье, которую он никогда не знал, он часто спрашивает Джонаса об общине, из которой они сбежали, и о матери, которую больше не видел. Неожиданно он обнаруживает в себе способность проникать в другие объекты и людей, как бы чувствуя их изнутри. В это время в деревне появляется постаревшая Клэр, но ее никто не узнает. Джонас с трудом вспоминает ее, так как встречал Клэр еще до побега с Гэйбом; он понимает, что ее старость – дело рук Торговца. Хотя жители изгнали его из деревни, но не уничтожили, а значит, он продолжает сеять зло, заключая сделки на несправедливых условиях. У Клэр, несмотря на все жертвы, не получается воссоединиться с сыном, дни ее на исходе, а Гэйб не может узнать в ней свою мать. Джонас беседует с ним, вместе они решают использовать способность Гэйба, чтобы понять, как победить Торговца. Клэр находится на грани жизни и смерти, Гэйб спешит спасти ее и встречается с Торговцем. Используя свою силу, он находит уязвимость последнего – это чувство голода, которое тот испытывает,

когда понимает, что ему не удалось разрушить жизнь человека, заключившего с ним сделку. Гэйб перечисляет имена людей, которых Торговец не смог сломить, в результате чего злодей ослабевает. В конце Гэйб называет имя своей матери Клэр и рассказывает, что она все-таки смогла найти своего сына и воссоединиться с ним. Это окончательно уничтожает Торговца. После его смерти к Клэр возвращается молодость. Она встает с постели, подходит к двери, смотрит на тропинку, ведущую к дому, и с улыбкой произносит финальную фразу всего цикла романов: «I see the sun» («Я вижу солнце»). Интересно отметить, что слово «sun» («солнце») [sʌn] в английском языке созвучно со словом «son» («сын») [sʌn], т.е. эту фразу на слух можно понять как «Я вижу сына».